

Зарубежная

фантастика

ЗАПРЕДЕЛЬНЫЙ
ЧЕЛОВЕК

Кейт Лаумер
**ЗАПРЕДЕЛЬНЫЙ
ЧЕЛОВЕК**

Фантастические романы

Ясноград «Бригантина»

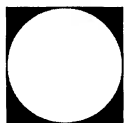
Зарубежная

фантастика

Зарубежная

фантастика

Кейт Лаумер

ЗАПРЕДЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Фантастические романы

Перевод с английского

Ясноград «Бригантина» 2014

УДК 82.035
ББК 84.7
Л28

Keith Laumer
The Ultimax Man (1978)
The Day Before Forever (1969)

Составитель *А. А. Лотарев*
Коллаж на обложке *И. Телегина*
Фронтиспис *Gray Morrow*

Лаумер, Кейт

Л28 Запредельный человек: Фантастические романы / Кейт Лаумер; [пер. с англ.]. – Ясноград: Бригантина, 2014. – 334 с., илл. – (Зарубежная фантастика).

Два романа полюбившегося русскоязычным читателям американского писателя-фантаста. На русском языке публикуются впервые.

Без объявл.

Отдел научно-фантастической прозы

© перевод, Нияз Абдуллин, 2014
© всё остальное, Бригантина, 2014

ЗАПРЕДЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

ГЛАВА 1

Вдоль по темной улице тащился человек. Это был консервативно одетый юноша: двубортный темно-синий блейзер, серые брюки-клевш, ярко-синяя рубашка и широкий полковой галстук. Несмотря на свою молодость, он двигался, как восьмидесятилетний, зажимая бок. Звали его Дамокл Монтгомери, и в него в упор всадили пулю из «беретты» калибра 32. Пуля сломала два ребра, так что в печень вонзилось с дюжину костяных осколков, и остановилась в сантиметре от позвоночника.

Дойдя до переуллка, он наполовину свернул, наполовину ввалился в тень между стенами из крошащегося кирпича. Загремела по маслянисто поблескивающей мостовой крышка мусорного бака. Собравшись с силами и опираясь о стену, юноша выпрямился и побрел дальше в окутанную миазмами отходов тень. В конце его ждал тупик, и он привалился спиной к стене. Ощупал горячее влажное пятно на правом боку. Нашел в толстой фланелевой ткани пиджака аккуратную дырочку – отверстие шло дальше, через плотный шелк сорочки и майку в тело.

Со стороны устья раздался тихий звук шагов. По булыжнику чиркнул луч света, затем скакнул на стену и по груди Монтгомери, остановился на лице и через секунду погас.

– Куда тебе всадить вторую, козел? – спросил хриплый голос. – Промеж глаз?

– Ты лучше в брюхо меть, Чико, – ответил Монтгомери тонким и напряженным, как натянутая струна, голосом. – Так точно не промажешь.

– Побереги силы. У тебя пять секунд, чтобы отчитаться перед стариком наверху. Раз...

Монтгомери ждал, пока Чико сосчитает до пяти. Время тянулось бесконечно долго, и вот на конце дула расцвела вспышка, отбросив на стены и мостовую теплый желтый свет. Огненный бутон вытянулся, окруженный тягучим облаком дыма, которое все замедлялось, пока наконец не застыло. Убийца стоял, расставив ноги и выпростав левую руку вбок. Правую, с пистолетом, вытянул вперед. Он скалился, напряженно шурясь, глядя в одну точку...

За спиной у него, в начале переуллка Монтгомери уловил какое-то движение. Стройный мужчина в сером котелке, щегольской визитке с бутоньеркой и аскотском галстуке чуть брезгливо подбирался к столь неожиданно застывшей сцене. Лицо его – узкое, отмеченное возрастом и чопорной миной, украшенное усиками толщиной в волосок – испускало бледноватое сияние. В руке, затянутой в перчатку из свиной кожи, он покачивал трость с серебряным набалдашником. С любопытством взглянув на неподвижного стрелка, старик протиснулся к раненой жертве, оценивающе оглядел и чуть неодобрительно наморщил губы.

«Смотрю, дела твои совсем плохи, юноша», – отчетливо прозвучало в голове у Монтгомери.

Он попытался заговорить, но ничего не вышло. Попробовал пошевелиться – тот же результат.

«Ну, ну, не надо дергаться. С тобой не случится ничего, чего не случалось с бесчисленными миллиардами живых организмов на этой планете».

«ПОМОГИТЕ, – мысленно проорал Монтгомери. – ВЫТАЩИТЕ МЕНЯ ОТСЮДА».

«Что я и намеревался сделать, мой мальчик. А теперь успокойся. Ты как будто... заснешь...»

Мысли Монтгомери обволокло тяжелым саваном дремоты. Он смутно осознал, что старый господин стремительно приблизился к нему, взял его под мышку и начал подниматься в воздух как по лестнице. Гаснущее сознание успело зацепить мимолетную картину устремляющихся вниз смоленых крыш, вентиляционных коробов, телеантенн, а потом Монтгомери сдался и начал, ускоряясь, проваливаться в бездонный колодец обморока.

«Вот это, – успел довольно подумать он, – я называю жизнь. Кемарнуть в салоне первого класса роскошного лайнера, несущего меня по небу к значным местам веселого Парижу. Снаружи луна подсвечивает облака, а через секунду-другую подойдет стюардесса и спросит...»

– Не желаешь ли сэндвич, юноша? – произнес скрипучий голос. Монтгомери распахнул глаза, и обнаружил, что сидит в тесной кабине в полукруглом кресле перед изогнутой пластиной черного стекла. Под панелью горели огоньки кнопок, на одной из которых лежала тощая, покрытая венами кисть. Кисть торчала из накрахмаленной отложной манжеты, тянувшейся из-под отутюженного черного рукава, который, собственно, скрывал длинную руку, а та переходила в одно из двух плеч, на которых сидела голова: кроткая улыбка, умудренное жизнью лицо, седые волосы и тонкие усики.

– Ты! – птенцом прощebetал Дэмми. – Но...

– А ты ожидал увидеть Чико?

– Чико! – вздрогнул Дэмми и почувствовал укол в боку. Ощупал место, где вошла пуля, и обнаружил плотную, гладкую повязку. – Я думал... Но как?.. Что?..

– Не переживай, Дамокл. Я залатал дыру и дал тебе препарат для временного замедления метаболизма, чтобы твое

состояние не ухудшилось, пока я не уложу тебя в капсулу автомата. А пока, уверен, небольшой перекус поможет тебе ощутить подобие комфорта.

— Какой еще комфорт? — прочирикал Монтгомери и, передохнув, продолжил: — Я думал, ты мне снишься. В смысле, пока я умираю...

— Э-э-э... все не совсем так. Ты видел меня благодаря особому отделу мозга, который в состоянии бодрствования обычно не активен. Таков побочный эффект от помещения в поле стазиса.

— Ты ведь не... архангел Гавриил или еще кто из небесной братии?

— Совершенно иной отдел. Ты что предпочитаешь: багет, солонину или швейцарский сыр?

— Да погодь. Кто ты? И где я? И как попал сюда? И...

— Можешь называть меня Ксориалль. Ты на борту моего циклера. Я доставил тебя сюда.

— Л'Ориаль? Что за имя-то такое? Можно я буду звать просто Аль? — Дэмми плотно зажмурился. — Меня ранили, это уж точно, Аль. Мне больно. — Он для верности потрогал бок. — Потом я добрался до переулочка... и Чико... — Монтгомери сглотнул. — Забавно, никогда не думал, что можно увидеть вспышку выстрела, которым тебе вышибают мозги. Только... — Он ощупал голову. — Как он промазал с такого расстояния?

— Он и не мазал, — ответил Ксориалль. — Поясню: пуля преодолела путь в пространстве и прошла точку, которую за мгновение до этого занимал твой левый глаз, а после, конечно же, ударила в стену.

Дэмми невольно коснулся левого глаза. Вроде на месте.

— Не-е-ет, — протянул он. — Не верю я в эту лабуду о загробной жизни, Аль.

— Разумеется. Сразу после того, как пуля покинула ствол

пистолета, тебя на месте уже не было.

– Я... увернулся?

– Совсем нет, дружище. Я лишь отодвинул тебя с линии огня. Если бы не мое вмешательство, ты, как действующий разум, перестал бы существовать двенадцать минут назад.

– Но как тебе удалось? Я же видел, как ты приближаешься. А потом... я полетел... и пушка...

– Полагаю, ты говоришь о побочных эффектах от помещения в поле стазиса. Понимаешь, это было необходимо. У меня нет ресурсов для восстановления головного мозга. Те мне нужен в рабочем состоянии.

– Притормози, – попросил Дэмми. – Если хочешь предложить мне работу, забудь об этом. Я работаю один. Если ты как-то связан с тем, что случилось... там, то спасибо. Я ничего не понял, конечно, но все равно спасибо. Дальше я как-нибудь сам, и...

– Умрешь через шесть часов, – буднично сказал Ксориалль. – Понимаешь, печень, если в нее вонзить кучу костяных осколков, долго не протянет. Ваша медицина с таким не справится, твоя последняя надежда – мой автомед.

– Ты – врач? – слабым голосом спросил Дэмми.

– Можешь не сомневаться, твой случай полностью в моей компетенции.

– Откуда мне знать, что ты не лжешь?

– Э-э... я подавил болевые и прочие симптомы ранения, и это, похоже, дало тебе ложное ощущение здоровья...

В животе у Дэмми словно чиркнули спичкой, и от ее пламени загорелась приличная охалка стружки. Он уже открыл рот, готовый завопить, но тут огонь погас, будто его и не было.

– Вот как ты чувствовал бы себя, если б я... м-м-м... не занялся твоим случаем, – твердо произнес Ксориалль. – Мне продолжать?

— Я хотел спросить, как тебе это удалось, — ахнул Дэмми, — но ты не обращай внимания. Я все равно не пойму. Жми в больничку.

— Расчетное время прибытия сорок пять минут, — живо ответил старичок.

— Как мне встать? — спросил Дэмми, теребя ремень, которым был пристегнут к креслу.

— Я бы не рекомендовал отстегиваться, — как ни в чем не бывало ответил Ксориалль. — Мы сейчас на высоте полторы сотни километров и летим со скоростью примерно семь махов.

Монтгомери схватился за кресло.

— Не верю, — сказал он и судорожно сглотнул. — Мы стоим на месте, а самолетов я боюсь. То есть боялся бы, если бы хоть раз летал. Не может этакая дура в воздухе держаться. Я, может, и не шибкий знаток воздушного транспорта, но он шумит будь здоров и...

— На высоте в полторы сотни километров нет воздуха, и потому нет турбулентности, ветер не воеет. По той же причине двигатели моего циклера не производят шума. Естественно, что ты ничего не слышишь.

— Где мой п-парашют? — спросил Дэмми голосом, который до обидного близко граничил с фальцетом.

— Мой мальчик, если ты, по причине какой-либо поломки в замках, сумеешь покинуть борт циклера, тебя разорвет в клочья и прожарит до хрустящей корочки еще на полпути к поверхности. Парашют, боюсь, не поможет.

— Мне уже легче, — очень сдержанно ответил Дэмми. — Если бы не парочка моментов вроде пули от Чико и фокусов с моими потрохами, я бы сказал, что ты блефуешь.

— Никакого блефа, юноша. Просто прими тот факт, что твоя жизнь счастливым образом продлена, и води себя соответственно.

– Куда мы направляемся? Судя по всему, мы на полпути к Северному полюсу.

– Если быть точным, то прибудем на место приблизительно через сорок две минуты и двенадцать целых четыре десятых секунды, – ответил Ксориалль. – Скоро сам все увидишь. А пока, что скажешь насчет баварской ветчины на ломтике ржаного хлеба да под бокал холодненького «Пилзнера»?

Над арктическими водами возвышалась скала – кусок камня высотой в сотню метров, одиноко торчащий посреди застывшего и окутанного белоснежными шапками чернильно-черного океана, – увенчанная скоплением огней, зажегшихся в ответ на нажатие кнопки Ксориаллем перед тем, как тот направил циклер вниз.

– А тут, смотрю, одиноко, – вслух подумал Монтгомери, глядя на буруны у основания скалы.

– Моя работа требует определенной степени замкнутости, – небрежно бросил Ксориалль. – Уж лучше подыскать местечко, где никто не потревожит, чем потом утруждаться избавлением от незваных гостей, что зачастую приводит к наплыву нарушителей, разыскивающих предшественников, и, соответственно, к мороке с чисткой.

Дэмми пристально посмотрел на Ксориалля.

– Чисткой, говоришь?

– Само собой, я веду себя вполне по-человечески... если можно так выразиться в данном случае. – Ксориалль дружелюбно улыбнулся. – Не имею ничего против твоей расы.

– А что не так с моей расой? У меня синие глаза, соломенные волосы, все как и у всех.

– Не в том смысле, мальчик мой, не в том. Однако я расскажу обо всем позднее, после того, как поработаю над твоей раной.

Корабль плавно влетел в широкое отверстие, которое открылось в склоне. Окруженный стенами, кораблик сел – его слегка трянуло – и замер. Ксориалль нажал кнопку, открылся люк. Дэмми приготовился к порыву ледяного ветра, но в салон влетел ласковый и теплый бриз, принесший аромат тропического жасмина и магнолий и едва слышную мелодию гавайских гитар. Дэмми вышел, держась за рану, молча огляделся: клумбы, бассейн, террасы и пальмы. Над головой простиралось обыкновенное небо Таити.

– Окружение тебе благоприятно? – с заботой в голосе поинтересовался Ксориалль.

– Да, видок козырный, если ты об этом.

– Прелестно. А теперь нам лучше поспешить в лабораторию. Действие метаболического замедлителя вскоре закончится, и ты умрешь.

Дэмми хотел уже задать вопрос, но тут испытал приступ боли, какую, наверное, испытывает вампир, если его пронзить осиновым колом. Сдержав стон, Дэмми последовал за стариком через внутренний дворик в арку и по выложенному зеленой плиткой коридору к плоской двери орехового дерева, за которой скрывалась сверкающая белой эмалью и начищенным хромом комната.

– Полагаю, декор внушает чувство комфорта? – с ноткой гордости заметил Ксориалль. – Уверяю тебя, я не затратил никаких усилий на то, чтобы воспроизвести аутентичный интерьер. Все – результат работы полного спектра стимуляций твоих сенсоров.

– Ну, хоть больницей не пахнет, – заметил Дэмми.

– Э? Кстати, да... – Ксориалль нажал какую-то кнопку, и тут же комната наполнилась резким запахом эфира, фенола, вареных яиц и дезодоранта. – Сразу полегчало, не правда ли, мой мальчик? В подобной атмосфере, которая ассоциируется у тебя с хирургией высокого класса, все твои

примитивные страхи должны улечуться. А, вот еще... – Хозяин дома нажал кнопку, и из стены выехало устройство, напоминающее секционный стол в прозекторской и одновременно стенд недельной продукции завода по производству ножей. – Это автомед, шедевр техники, умеет адаптироваться под широкий спектр форм жизни, включая твою. Полностью автоматизирован. Не надо ничего вводить, за исключением случая, когда предстоит оперировать полусознательные формы жизни, – просто ложись, и вскоре будешь как огурчик.

– А где сестра? – помедлив, спросил Дэмми.

– Ах да, присутствие цветущей самочки заставит тебя проявить мужество и характер.

– Забей, – пробормотал Дэмми. Накатила слабость и головокружение. Чувство тепла и онемения в правом боку начало проходить, сменяясь покалыванием.

Откуда-то из тумана вынырнула рука Ксориалля и схватила Монтгомери за плечо. Он не противился, когда его подвели к столу и уложили – он смутно воспринимал происходящее – и его коснулся металл. Не холодный, температуры тела.

Затем на него опустилась легкая, как сажа или паутина, тьма и скрыла все...

ГЛАВА 2

На этот раз он проснулся с ощущением куда большего комфорта. Немного полежал, наслаждаясь ощущением чистых простыней и мягкого матраса и приняв аромату жареного бекона и кофе – главных спутников удавшейся жизни. А потом обрушилось чувство реальности.

«Ну да, – подумал Дэмми, – сейчас валяюсь я где-нибудь в подворотне с пулей в башке, а это все мне мерещится – как примерещился коротышка с гвоздикой в петлице внутри волшебного самолета. Так что сейчас самое верное лежать и не дергаться, чтобы иллюзия не развеялась, потому что когда она развеется...»

– Ты, я смотрю, проснулся, – произнес бодрый стариковский голос.

Рядом с кроватью стоял Ксориалль: лимонно-желтая махровая курточка, шорты и огромные часы «Джин Отри» – широкий желтый ремешок на тощем запястье.

– Салют, – вяло произнес Дэмми, – так ты всамделешний?..

– Мы это уже проходили, – с намеком на суровость напомнил старичок. – Ответ сам знаешь. Но ты, похоже, находишь утешение в том, чтобы периодически выпячивать свою недоверчивость.

– Как... прошла операция?

– Что значит – как? Так, как и была запрограммирована. Зачем спрашивать? Полагаю, тебе уже лучше?

– Не хуже, – слабо сказал Дэмми.

– Я думал начать денек с заплыва, – бодро признался Ксориалль. – Это не просто освежит тебя, но и поможет оценить то, с чем мне предстоит работать: твоя координация, выносливость...

– Издеваешься? – надломившимся голосом спросил Дэмми. – Мне светит как минимум две недели в постели: слушать радио, пялиться на искусственные цветы в вазе, кушать в койке и ждать, когда соизволят взбить подушки.

– Да, все эти ритуалы, несомненно, пошли бы тебе на пользу, но, боюсь, времени у нас нет. Уверен, тебе достанет рационального мышления, чтобы отказаться от этих традиционных церемоний.

– Церемоний? Твою ж дивизию, меня подстрелили, потом вспороли и зашили, так что ближайшие дней десять меня из кровати и кавалерия конфедератов не выгонит!

Ксориалль цыкнул языком.

– От старых представлений трудно избавиться. Задержи-ка сорочку, Дамокл, и осмотри рану.

– Уволь, я даже, когда мне укол делают, зажмуриваюсь.

– Послушай, мой мальчик, тебе придется сделать над собой усилие, дабы избавиться от инстинктивных элементов поведения. Будь добр, исполни мою просьбу.

– Дай угадаю, а не то мне язву устроишь? – угрюмо проворчал Дэмми, но последовал совету и задрал сорочку.

Кожа в районе ребер была гладкой и чистой, ни дырочки, ни даже родинки.

– Э-э... наверное, с другой стороны, – сказал Дэмми, но, задрав сорочку слева, увидел точно такой же чистый участок кожи.

– Ну? – нарочито терпеливо произнес Ксориалль. – Надо полагать, ты доволен?

Монтгомери уныло потер подбородок.

– В жизни не видел такого правдоподобного сна, – произнес он. – Готов поклясться, что словил пулю под ребра, прошел два квартала, потом меня загнали в тупик, а дальше... дальше какая-то ерунда. – Он криво усмехнулся. – Похоже, я перетрудился, наивный дурачок... – Улыбка сменилась хмурой миной. – Либо я спятил, либо все это взаправду. Но если бы спятил, то узнал бы об этом последним. Выходит, можно делать вид, что все происходит по настоящему.

– Брось, Дамокл, ты уже не можешь притворяться, будто я – плод твоего воображения. Прими ситуацию и не борись с проблемой, просто реши ее.

– Ну да. Если мне все привиделось, то кто же тогда ты? И как сюда попал? И где моя одежда?

– Я подобрал тебе кое-что. – Ксориалль открыл дверцу-ширму, и в гардеробе за ней обнаружился набор туник и шортов.

– Да я про свои шмотки. Не могу же я в розовом кимоно расхаживать.

– Я подозревал, что привычные вещи вызывают у тебя эмоциональную привязанность. Их почистили, починили и отнесли в твою постоянную квартиру.

Дэмми отбросил легкое одеяло, прошел к занавешенному окну и раздвинул шторы: до самого горизонта тянулся иссиня-черный океан, усыпанный белыми хлопьями. И больше ничего.

– Значит, я и правда на Северном полюсе, а ты заштопал меня так, что не осталось и рубца?

– Примерно так, Дамокл.

– Как долго я спал? Сдается мне, ты накачал меня лекарствами и пару месяцев трудился со скальпелем над моим лицом, или...

– Примерно семь часов с четвертью – начиная с того момента, как была восстановлена твоя печень.

– Так быстро это навряд ли, – возразил Дэмми.

– Взгляни на себя, – напомнил Ксориалль. – Пока ты был в коме, я тебя тщательно почистил. Теперь ты здоров как никогда. Идем, я тебе покажу тут все. Уверен, тебе будет интересно.

Ксориалль провел Дэмми в просторную гостиную, обшитую панелями дуба, с видом на море. Вдоль стен тянулись полки с книгами. Тут же стояли кофейные столики и большие мягкие кресла, на стенах висели симпатичные картины. За двойными дверьми оказалась столовая: длинный стол красного дерева, стойка, хрустальная люстра, стулья с резными спинками и серебряные канделябры. За ней находилась кухня: симфония сверкающей нержавеющей стали и бледно-желтого шпона, украшенных ярким солнечным светом и цветами в горшках.

– Класс, – признал Дэмми. – А где обслуга?

– Работников нет. В них нет необходимости. Все автоматизировано.

– Так ты один здесь живешь?

– Мне чужды чувства тоски или одиночества. Я счастлив. – Хозяин дома открыл дверь в кладовую, в которой на полках стояли привычные продукты в банках и бутылках, а вместительные холодильники ломились от фруктов и мяса.

– Все это, конечно, тут без нужды, – признался Ксориалль. – Продукты, для большей эффективности, можно было бы хранить где-нибудь подальше или – что более логично – синтезировать. Однако мне как-то забавнее жить в стиле аборигенов. К тому же я ожидал гостя.

– Гостя? Странно, не видел приглашения.

– Дэмми, будь добр, не драматизируй ситуацию, воображая себе разные ужасы. Я отношусь к тебе исключительно по-доброму: спас тебя, вылечил, ты же не будешь отрицать? Расслабься, и будем друзьями.

– Ладно, док, по рукам.

Они пожали друг другу руки. Потом по красивой винтовой лестнице спустились на этаж ниже. Там располагались кабинеты и комнаты, похожие на небольшие школьные классы, и в каждой – по странного вида аппарату.

– Это средства обучения, – лаконично пояснил Ксориалль. – Скоро ты еще больше таких увидишь.

Следующий этаж был отведен под звукоизолированные комнаты с объемистыми креслами, штабелями кассет, бобин и предметами диковинной формы.

– Библиотека и банки данных у меня не скудней любого вашего национального хранилища, – не без гордости заметил Ксориалль. – И то, и другое постоянно пополняется как из местных источников, так и из... м-м-м... других.

– Библиотека без книг, – сказал Дэмми. – Во дела! А это что? – Он указал на небольшой прибор в нише, соединенный с колпаком. К нему тянулись вертикальные каналы, в которых поблескивали небольшие кубики, словно жвачка в автомате.

– Технические данные на иностранном языке, они тебе не понадобятся, – коротко ответил Ксориалль. – Не обижайся, мальчик мой, – строго добавил он, – но тебе в эту секцию нет доступа. Подчеркиваю: вход воспрещен, Дэмми. Ничего здесь не трогай! Если захочешь почитать, то тебе сюда, – более мягко закончил он и провел Монтгомери в альков с кнопками на панели матового стекла.

– Все знакомые тебе шедевры литературы хранятся тут, от «Ветра в ивах»¹ до протоколов Конгресса. Последнее обновление сделано сегодня днем. Просто выбери по каталогу что тебе нужно... – Он нажал кнопку, и на экране появился список заголовков; Ксориалль покрутил ручку, и список,

¹ Сказочная повесть К. Грэма (1908 г.)

ускоряясь, пополз вверх, — ...и книга либо отразится здесь, либо тебе напечатают экземпляр.

Он нажал еще несколько кнопок, и машина тихо загудела; из паза выпал качественно выполненный экземпляр «Амбер навсегда»¹.

Дэмми фыркнул.

На маленьком лифте они спустились еще ниже. На этом этаже не было окон; только ветвились, оканчиваясь массивными дверьми, узкие коридоры.

— Здесь выполняются служебные операции, — пояснил Ксориалль. — Тут заперты разнообразные агрегаты, которые автоматически выполняют заданные функции, включая самовосстановление.

— А где силовая установка?

Ксориалль задумчиво взглянул на Дэмми.

— Ниже, — ответил он. — Небольшой термоядерный реактор, использующий морскую воду.

— Взглянем?

— Прости, но туда нельзя. Радиация, знаешь ли. Ладно, на этом все, мальчик мой. Вернемся наверх?

— Вместительно у тебя тут, док. Пришлось поди попотеть, этакую-то махину в скале выдолбить, а потом еще забить техникой?

— Проект был не из дешевых, — согласился Ксориалль.

— И для чего все это?

— Позже объясню, мой мальчик, позже.

В гостиной Ксориалль набрал номер на пульте, и бар быстро приготовил два напитка. Ветер снаружи крепчал и бился в стеклянные панели. Несмотря на комфортную температуру, внутри роскошной комнаты ощущался холодок.

¹ Роман К. Уинзор (1944 г.)

– Что тут творится во время бурана? – спросил Дэмми. – Твой дом – что вишенка на торте, а эти арктические ветры, говорят, дуют под сто восемьдесят километров в час.

– Не бойся, мой мальчик. Эта конструкция простояла более трехсот лет. И простоит сколько потребуется.

– У тебя тут и кондиционер есть. – Дэмми искоса взглянул на хозяина дома. – Неплохо так для семнадцатого века.

– Не забивай голову всякой ерундой, мальчик мой, – небрежно ответил Ксориалль. – В свое время все узнаешь.

Дэмми пригубил напиток.

– Это ведь не просто убежище на уикенд?

– Да, ты прав.

– Забавный ты тип, док. Говоришь не больше, чем считаешь нужным.

– А ты?

– Если могу сдержаться. – Монтгомери покачал головой и нахмурился. – Зачем ты меня сюда привез, док?

– Во-первых, естественно, чтобы спасти твою шкуру.

– Откуда тебе известно мое имя?

– Я навел справки.

– Зачем было наводить справки?

Ксориалль широко развел руками:

– Ничего личного, мой мальчик. Мне потребовался субъект зрелого возраста, средней одаренности, чье изъятие из привычного окружения не привлекло бы внимания. У меня было несколько кандидатов, я выбрал тебя.

– Для чего?

– Для опытов.

– Ты из правительства? – Монтгомери помрачнел и нахмурился.

– Не совсем.

– И что это за опыты?

– О, стандартная оценка широко спектра. В твоём слу-

чае, правда, с упором на потенциал, поскольку твоя раса едва начала пользоваться плодами последнего квантового скачка эволюции.

– И почему каждый мой вопрос порождает еще больше вопросов?

– Разреши дать тебе совет, юноша? Не забивай голову. По мере того, как мы будем продвигаться в твоём развитии...

– Что это значит?

– Да просто то, что в твоём нынешнем физическом и умственном состоянии оценивать попросту нечего. Ваша несчастная культура и без того являет собой печальный пример неспособности вида решать элементарные социальные проблемы. А интересует нас степень ущерба, который вы потенциально способны причинить Галактическому Консенсусу на данном этапе вашего становления.

– Не мог бы ты сделать одолжение и говорить яснее?

Ксориалль сердито взмахнул рукой.

– Я, право, не понимаю, что тут может быть неясного. Само собой, Консенсус отслеживает развитие видов в Тессасфере, и когда в психостратуме появляется новый вид, возникает необходимость произвести его оценку, дабы определить, какую роль ему можно – и вообще можно ли – отвести в галактической иерархии. А также в какую сторону направить его эволюцию, чтобы она оптимально совпала с целями Консенсуса.

– Вот об этом я и говорил, – проворчал Монтгомери. – Вроде бы все сказано по-человечески, но я ничего не понимаю.

– В соответствии с программой, – продолжал Ксориалль, – выбирается один представитель вида. Мы исследуем его врожденные способности и собираем данные, на которых в дальнейшем строим экстраполяционные вычисления.

– Представитель вида... Я думал, такими словами называют то, с чем лаборанты работают, или то, что на булавку насаживают для коллекции.

– Твой язык прост, – кисло заметил Ксориалль, – но в нем так много средств для создания излишних коннотаций! В данном случае, представитель вида – это ты, мой мальчик. – Он вскинул руку, предостерегая от очередного комментария: – Определяя границы твоих скрытых возможностей, я в микрокосмических масштабах выявляю меру потенциальной судьбы всего твоего вида.

– Что ты имеешь в виду, говоря о «моем виде»? – подозрительно сощурился Дэмми. – Это что, шутка такая?

– Твой вид, мой милый юноша, это вся ваша раса, племя, цивилизация – называй как хочешь.

– Ты об американцах?

– Американцы, русские, зулусы – все вы лишь подвиды гомо сапиенс, как вы сами себя наивно именуете.

– Говоришь так, – осторожно произнес Дэмми, с опаской поглядывая на Ксориалля, – будто ты не из наших.

– Полагаю, это стоило прояснить раньше, – со вздохом признал пожилой господин. – Конечно, ты прав, Дамокл. Я не человек.

Дэмми попятился:

– Значит, ты с Марса. Ладно, только не нервничай. Успокойся...

– Уверяю тебя, я спокоен, – резко произнес Ксориалль. – Нет, я не с Марса. Моя родная планета – в сотнях парсеков от вашей крохотной системы.

– Хорошо, как скажешь, – незаметно отодвигаясь, Дэмми на глаз прикинул расстояние между собой и хозяином.

– Не надо, – устало произнес Ксориалль. – Мы вроде бы наладили отношения, поэтому давай не будем опускаться до уровня лев-укротитель.

Дэмми резко вдохнул и прыгнул — точнее, мозг отдал приказ телу, которое при обычных обстоятельствах моментально откликнулось бы: резкий вдох и ловкий прыжок. Но вместо этого Дэмми остался на своем месте. Соматические индикаторы возмущались, что ничего не происходит, но ни единый мускул не отозвался на внутреннее возбуждение. А потом Дэмми медленно бочком свалился на пол.

— Прости, — сказал Ксориаль. — Пожалуй, я переборщил.

— Да не бери в голову, — вяло ответил Дэмми, пытаясь встать на четвереньки. В руки и ноги как будто вонзилось множество иголок. — Я, похоже, еще не так здоров, как казалось.

Он плюхнулся обратно в кресло. Ощущение было ошеломительное, словно кто-то залез в его мозг. Такое чувство, что в святая святых его «я» проникло щупальце не толще волоса, нежно прихватило, а потом, сдавив, сдернуло на пол.

И вот, сидя в кресле и хмуро глядя на хозяина дома, Дэмми чувствовал, как нечто чужеродное, наконец, покидает голову, но не просто уходит, а оставляя после себя новую картину разума: разбитые на секции мысли, сложные и необычно переплетенные. Дэмми еще успел удивиться...

— Послушай, Дамокл, — ласково произнес Ксориаль. — Для моей работы крайне необходимо, чтобы ты принял реалии сложившейся ситуации. Я не могу оказывать сильное влияние на твои ментальные процессы, не повредив тех участков мозга, которые сам же надеюсь развить, поэтому вынужден полагаться на твой зачаточный рассудок и ждать, что ты поймешь, насколько это мудро — сотрудничать.

— А теперь послушай меня, — устало сказал Дэмми. — Я не много знаю о вас, марсианах, но вроде бы вы мелкие и зеленые и не похожи на седого мусье со смешными усиками.

А будь ты космическим чудовищем, у тебя были бы фасеточные глаза, щупальца и тому подобное... С какой стати ты выглядишь как богатый дядюшка из фильма?

— Ну как же, — выгнул брови Ксориалль.

Дэмми просверлил его взглядом:

— Если ты из глубокого космоса, папаша, то ты мне такой же родственник, как и устрица.

— Неудачное сравнение. Моллюски занимают совершенно иную биологическую нишу.

— Тогда готтентот¹, — предложил Дэмми. — Почему ты не принял облик бушмена, или эскимоса, или черного араба с во-о-от такими бакенбардами?

— А тебя бы это успокоило?

— А это-то здесь при чем?

Ксориалль вздохнул:

— Принципиально важно, чтобы между нами установилась связь, основанная на надежных межличностных отношениях. Посему я принял облик, который не должен у тебя вызывать синдром враждебности. Представ перед тобой как пожилой богач твоей расовой принадлежности, я рассчитывал избежать антипатии по признаку цвета кожи, текстуры волос и прочая, одновременно стараясь не вызвать чувства конкуренции, основанного на воображаемом сексуальном соперничестве или факторах мужского доминирования.

— Говоришь, как будто у тебя был выбор, — заметил Монтгомери. — Большинство моих знакомых живет с тем, чем их наделила мать-природа.

Ксориалль устало покачал головой:

— У тебя просто потрясающая способность упорно не принимать факты, — сказал он. — Я планировал подвести те-

¹ Южноафриканская этническая общность, представители которой проживают на территории Южной и Центральной Намибии.

бя к этому постепенно, но, похоже, все же придется рискнуть и устроить встряску твоей нервной системе.

– Какую еще встряску? – забеспокоился Дэмми. – Ты давай полегче, док. Меня еще потряхивает после твоей последней демонстрации.

– Встряска от того, что ты увидишь мой истинный облик.

– А разве сейчас я не на тебя смотрю?

– Дамокл, это лишь маскировка, – мягко произнес Ксориалль.

– Ну и? Я что, накладных бакенбард не видел?

– Моя маскировка включает не только искусственные волосы.

– Что еще? Нос, цветные контактные линзы...

Он умолк, стоило Ксориаллю со вздохом нажать кнопку за ухом. От линии волос до подбородка и далее по шее возникла щель, расширилась, и лицо раскрылось, как створки устрицы, являя нечто, покрытое тускло поблескивающей серой чешуей.

– Теперь тебе понятно? – донесся из щели голос Ксориалля.

Дэмми плотно зажмурился и ответил:

– Закрой, закрой, закрой...

– Ладно, можешь открыть глаза, – уже мягче произнес Ксориалль.

Монтгомери приоткрыл один глаз: пожилой господин вполне нормальной теперь наружности тепло улыбался.

– Ну, раз так, папаша, то каково там... ну, среди звезд?

– Я полагаю, тебя интересуют условия обитания вне Земли?

– Да, именно это я и сказал. Ну так как там, на Марсе?

– Дамокл, – чужим и строгим голосом произнес Ксориалль, – я должен предупредить, чтобы ты даже не пытался

собирать данные о Консенсусе. Чем меньше ты в это посвящен, тем лучше для тебя.

— Черт... прости, док, я и не думал лезть куда не надо.

— Еще вопросы есть? — мягко поинтересовался Ксориалль.

— Э-э-э... только не сейчас, — подавленно ответил Дэмми.

— Прекрасно, — удовлетворенно заключил Ксориалль. — У меня чувство, что наш эксперимент окажется чрезвычайно интересным. А сейчас предлагаю немного передохнуть. Начнем завтра.

— Просто покажи, где спальня, а дальше я сам. Уроков больше не надо.

Ксориалль отвел его в комнату с приятной обстановкой и зажег мягкий свет. Монтгомери увидел палевый ковер, бледно-золотистые стены, добротную дубовую кровать, застеленную угольно-черным и шоколадным бельем, и кресла в масть у широких (искусственных?) окон.

— Сладких снов, мой мальчик, — благосклонно пожелал Ксориалль, кивнул и вышел.

Лежа в темноте, Дэмми выждал пять минут. Затем тихонько встал, подошел к двери, подергал ручку — заперто. Задумчиво нахмурился и вернулся в кровать.

«Ну, не знаю, — думал он. — Номер просто шикарный. Старичок — или кто он на самом деле? — обращается со мной прилично, как и обещал. Но от его фокусов, когда он сует пальцы мне в голову, мурашки по коже просто галопом несутся. Впрочем, утро вечера мудренее...»

Повинуясь внезапно порыву, он встал с кровати и подошел к шкафу. Внутри висела его одежда, чистая, отутюженная. Кроме нее в дальнем углу висел еще один комплект. Дэмми присмотрелся: длинное пальто из грубой синей ткани, с медными пуговицами и причудливыми лацканами:

верхняя часть стоячего воротника плавно заворачивалась назад, а нижняя лежала на плечах.

«Похоже, последний постоялец одевался как Джордж Вашингтон, — подумал Дэмми. — Правда, Ксориалль говорил, что, кроме меня, в этой комнате еще никто не спал. Странно, зачем врать, если в этом нет нужды? Похоже, старик Аль что-то скрывает...»

Дэмми достал из кармана блейзера, в котором был в тот вечер, когда его подстрелили — или не подстрелили? — плоский кожаный футляр с инструментами. Быстро проверил содержимое — все на месте. Ксориалль либо не заметил его, либо не удосужился заглянуть внутрь. Похоже, кое в чем старичок промахнулся...

ГЛАВА 3

Прошло восемь дней.

Близилась полночь. Дэмми полулежал развалившись в большом анатомическом кресле, обтянутом мягкой, как на перчатках, кожей цвета охры, и любовался чудесным видом за окном во всю стену: солнце висело над горизонтом, окрашивая небо и море багрянцем и пурпуром.

— Что ж, неделька выдалась загруженная, — бодро заметил Ксориалль, сидевший на крупной фиолетовой оттоманке у выложенного плиткой камина, где весело потрескивал огонь. — И не безрезультатная, хоть я и столкнулся с мощным фактором лености, который теперь придется учитывать в вычислениях.

— Ох, этот спортзал, — простонал Дэмми. — И эти мерцающие огни, и та гуделка... Не знаю, что болит сильнее — спина или жбан.

— Голова, — поправил его Ксориалль. — Подбор лексики принципиально важен для общения. Что до воображаемой боли — не обращай внимания. Это всего лишь сознательно вызванное тобою напряжение.

— Причина моих страданий — ты и твои орудия пыток, а еще мозоли и круги перед глазами. Паршиво же ты обращаешься с больным, который буквально вчера встал на ноги.

— Не переживай, Дамокл, — утешил его Ксориалль. — Мы уже протестировали большую часть твоих физических и умственных возможностей, и теперь у меня достаточно

данных для оценки. — Он задумчиво сдвинул брови. — Если честно, я несколько удивлен. Твоя нервная система — это поистине тонкий инструмент, который, правда, большую часть времени не использовался. Да и физическая форма не столь плоха для человека, развитие которого происходило случайным образом. Что, впрочем, не удивительно, ведь идеальный индивид — тот, кто приспосабливается к окружению, а естественная среда обитания всегда порождает нормальное животное. Отсутствие, скажем так, постоянства в твоих привычках привнесло в твои действия внушительное разнообразие, которое и помогло предотвратить преждевременный износ, часто являющийся результатом сидячего или же чрезмерно однообразного образа жизни.

— Ну, так я же слежу за собой, пару раз в неделю занимаюсь...

— Я тебя умоляю, мальчик мой, — прервал его Ксориалль. — Не надо сейчас бить себя пяткой в грудь. У меня есть данные, и никакие твои слова их не изменят.

Монтгомери просиял:

— Эт хорошо. Значит, утром ты отвезешь меня назад в город? — Он обвел рукой комнату и почти весело добавил: — Расскажи об этом — никто не поверит. Роскошный пентхаус в тысячах километров от цивилизации. В лаборатории, зале и на кухне у тебя оборудования на пару миллионов, да еще прикольная мебель и своя подстанция...

— К слову, Дэмми... — начал было Ксориалль, но Монтгомери продолжал изливаться:

— Представляю себе физиономию Чико, когда он меня увидит. То-то будет потеха. С другой стороны, — погрустнел он, — умнее будет исчезнуть, как и предлагала моя Джинни, и переселиться в другой город.

— Дамокл, — перебил Ксориалль. — Боюсь, ты спешишь с выводами. Утром я не отвезу тебя обратно...

– О, тогда вечером? Ну и ладушки. Я пока не прочь вздремнуть в той милой кровати. Отдаю тебе должное, док, матрасы у тебя что надо, да и жрачка отменная...

– Рад, что тебе понравилось, – снова перебил пожилой господин, – потому что тебе придется наслаждаться и тем, и другим еще некоторое время.

Дэмми выпрямился и нахмурился.

– Эй, послушай, – сказал он, – ты меня всю неделю гонял, заставлял прыгать на веревках, скакать через барьеры, задерживать дыхание, отмечать в листочках пунктики, проверять «что так, что не так», запоминать телефонные номера... Все, баста, наигрался! Ни дня больше терпеть не буду. Плевать, даже если ты мне колоноскопию с паяльной лампой устроишь!

– Где такие слова узнал?

– Из книжек, – мрачно ответил Дэмми.

– Что ж... ты продолжаешь удивлять.

Дэмми тем временем вскочил на ноги:

– Это свободная страна. У тебя нет права удерживать человека.

– Странно, у меня сложилось впечатление, что ты презираешь принятую в твоем племени систему запретов. Впрочем, неважно; смею тебя заверить: местные законы несколько меня не ограничивают. Обязанности требуют действовать в интересах Консенсуса оптимальным образом, невзирая ни на какие испытываемые тобой неудобства. Ты ведь сознаешь это?

– Утром я ухожу, док, и это мое последнее слово.

– И как же ты сделаешь это?

– Ну... – Дэмми запнулся. – Черт, док, ты сам должен вернуть меня! Похищение человека – преступление федерального уровня!

– Я спас тебя, – терпеливо напомнил Ксориалль. – В обмен предлагаю провести с пользой часть жизни, которая оборвалась бы, если бы не мое вмешательство.

– Ты же сказал, что закончил. Чего еще тебе нужно?

– Мой дорогой мальчик, я закончил лишь предварительный анализ твоего тела и разума. Провел, так сказать, инвентаризацию наличного оборудования.

– Ну и?

– Завтра начнется настоящая работа.

– Какая еще работа?

– Конечно же, тренировки – как я и говорил в самом начале.

– И чему ты будешь меня тренировать?

– Всему. – Ксориалль развел руками, словно констатируя очевидное.

– Дипломированного ревизора из меня сделаешь и примусы чинить научишь?

– И это, юноша, и многое другое.

– Не понимаю, док. Я вроде не подавал заявку на заочное обучение. В рот компот, у меня уже есть аттестат зрелости! С чего ты взял, что я вообще собираюсь заниматься самообразованием?

– Не ты, Дамокл, – я.

– Ага, понял! Ты учишься, чтобы получить высокооплачиваемую работу на радио. Так?

– Нет. Я имел в виду, – чеканя слова, проговорил Ксориалль, – что намерен развить твои скрытые способности.

Монтгомери снова сел в кресло.

– Скрытые, – неуверенно проговорил он. – То есть те, о которых я не знаю?

– Верно.

– Типа дзюдо или каратэ? – задумчиво проговорил Дэмми. – Всякое такое?

– Вначале мы разовьем то, что заложено в гены вашего вида. Затем двинемся дальше, в абсолютно неисследованные области. – Ксориалль бодро потер ладони, а Дэмми успел подумать: «Настоящие ли это руки? Или это протезы, внутри которых сморщенные тентакли?»

– Эту часть работы я нахожу особенно захватывающей, – продолжал Ксориалль. – Порой открываются совершенно неожиданные способности. До поры до времени они дремлют в генах какого-нибудь неприглядного организма в ожидании, когда их разбудят. Например, как в случае с илиниями на Крако-88. Эти существа обитают в грязи и наделены органами восприятия наподобие сонара. После того, как мы помогли им раскрыться, они получили возможность осуществлять прямую и мгновенную межзвездную коммуникацию. Привычные органы заработали в новом режиме. Но если бы в свое время один из представителей илиней не попался нашей группе натуралистов, эта чрезвычайно полезная способность так и осталась бы нераскрытой.

– То есть ты из меня радиста сделаешь?

Ксориалль устало вздохнул:

– Конечно, нет, Дамокл, и я уверен, ты тоже это понимаешь. Попытки отрицать очевидное с использованием напускной простоватости и мнимой глупости не делают тебе чести. Я пока еще слабо представляю, каковы пределы твоих нераскрытых дарований. Но мы их обязательно выявим.

– Однажды я проходил тест, – задумчиво сказал Дэмми, – чтобы определить, чем заняться в жизни. Судя по его результатам, у меня редкий талант управляющего отелем. Правда, там был один нюанс: тест проводила школа гостиничного бизнеса, и, думаю, это повлияло на результат.

– Я в своих оценках копаю куда глубже, – заверил его Ксориалль, складывая пальцы (искусственные?) «доми-

ком». – В результате мы за несколько дней пробьемся на пять, а то и десять тысяч лет в будущее, считая по шкале культурного развития твоего вида.

– Погоди-ка, док! Если собираешься скукожить меня в коротышку с головой-пузырем и крохотными ручками-ножками, то хрен тебе по всей морде!

– Дамокл, не глупи. Моя миссия состоит в изучении видов, а не ускорении их эволюции. У меня нет намерений вызывать у тебя мутации, тем более такие, как в твоих смехотворных стереотипах. Я собираюсь обучать тебя, а не менять. Девушка, выучившаяся на стенографистку, по-прежнему останется девушкой. Мужчина, который заучит наизусть поэму или овладеет игрой в шахматы, останется мужчиной.

– А что ты говорил о продвижении вперед на десять тысяч лет? – требовательно спросил Дэмми.

Ксориалль покачал головой:

– Давай не будем нарушать порядок, Дамокл. Сперва мы сделаем так, что ты получишь все способности, присущие твоей расе, и лишь потом обратимся к другим областям. Я хотел бы начать прямо сейчас, но ты, полагаю, не прочь вздремнуть?

Он вопросительно посмотрел на Дэмми, и тот зевнул.

После бессонной ночи Дамокл увиделся с Ксориаллем за завтраком.

– Память, – сказал Ксориалль, – это ключ ко всякому обучению. Поэтому сегодня начнем с улучшения памяти.

Утро выдалось солнечным, хотя свет, льющийся в окно, и был искусственный. Учитель и ученик сидели в столовой за небольшим стоиком – клетчатая скатерть и яркие цветные тарелки – у окна с отдернутыми шторами. Снаружи виднелся садик под прозрачным куполом. Дэмми отхлебнул

кофе – это была вторая чашка – и довольно похлопал себя по животу.

– С памятью у меня все в порядке, док, – сказал он. – За это не переживай.

– В самом деле? Тогда скажи, что ты ел на завтрак в свой восемьсот двадцать первый день жизни? Или в прошлый октябрь, девятого числа, если на то пошло?

– Откуда ж мне знать?

– А под гипнозом ты все это четко вспомнишь. Все сведения есть у тебя в голове, просто доступ к ним закрыт. Обучение состоит из улучшенных процедур классификации и извлечения.

Ксориалль нажал кнопку, и столик быстро и бесшумно очистил сам себя.

Дэмми с сомнением взглянул на хозяина дома.

– Память – это сложная функция, – задумчиво продолжил Ксориалль. – Давай упрощенно представим, как она работает. Информация от органов чувств передается в мозг. Что-то из нее хранится, что-то активно используется, что-то откладывается в подсознании и еще какая-то часть выбрасывается. Фактор, основываясь на котором осуществляется подобная селекция, я называю «интересом». Очевидно, если ты попытаешься запоминать каждый момент своей жизни, то столкнешься с чудовищной перегрузкой. Поэтому ты игнорируешь большую часть впечатлений, атакующих твой мозг – сразу же после оценки, естественно. Спящий человек не обращает никакого внимания на грохот транспорта за окном, но стоит в спальне тихо скрипнуть двери, как он моментально просыпается. В состоянии бодрствования твой разум выполняет ту же фильтрующую функцию, не только в плане того, на что следует обратить внимание, но и что следует запомнить.

– Хорошо, но...

– Большая часть сказанного сейчас отправляется в хранилище того, что использовано не будет, потому как тебя не интересует. Любой ребенок, которого заставляли учить таблицу умножения, знает, как неохотно мозг впитывает на сознательном уровне сведения, признанные бессознательным центром бесполезными. К несчастью, этот центр возник и развивался еще во времена оно. Он служил нуждам животных, которым арифметика была ни к чему. Ты можешь подстегнуть свой мозг, сказав, что предстоящий экзамен жизненно важен для твоей карьеры, однако примитивный мозг о таком не ведает. И наоборот, сведения, представляющие для тебя непосредственный интерес, запоминаются моментально и безболезненно. Любой фанат бейсбола, пусть даже абсолютный неуч, запросто отрапортует о ходе игры, которую он смотрит: иннинги, счет, количество страйков и болов, положение команды в лиге, ее средний уровень успехов и тому подобное. Ребенок может удерживать в голове сюжетные линии и судьбы героев десятков комиксов одновременно, без труда вспоминая их спустя сутки после прочтения – даже если на уроке не в состоянии запомнить исторические факты.

– Детишки любят все забавное, – сказал Дэмми. – И что из этого?

– А то, что мозг возводит барьер на пути избыточных данных, ограждаясь от «неинтересного». Пробыть этот барьер может лишь зубрежка, она протаптывает путь. При помощи катализатора я передам контроль над селектором тебе. Это понятно?

– Как меню на китайском. А больно не будет?

– Ты в карты играешь? – как бы между делом поинтересовался Ксориаль, извлекая буквально из воздуха колоду. Дэмми к таким его фокусам привык и уже не воспринимал как попытки впечатлить его.

– Этих игр – что собак нерезанных, а я так, балуюсь временами пятикарточным стадом.

Ловко работая тонкими пальцами, Ксориалль перетасовал колоду и положил верхнюю карту на стол:

– Назови.

– Четверка трэф.

– Четверка трэф, – эхом повторил Ксориалль и снял вторую карту. Десятка бубен. Дэмми назвал ее, и Ксориалль снял третью.

– Эй, уж пики-то я от трэф отличить могу, если тебя это заботит, – возмутился Дэмми. – А еще умею считать, как профессор, аж до сотни...

– Называй, – терпеливо попросил Ксориалль.

– Дама пик.

– Пиковая дама. – Ксориалль продолжал снимать карты, пока наконец не разложил на столе перед Дэмми их все. Затем собрал в колоду и взялся за верхнюю, вопросительно глядя на Дэмми.

– Ну же, мальчик мой, – строго произнес он. – Не будем тратить время на ритуалы. Ты сам прекрасно знаешь, что я от тебя жду. Озвучишь мои мысли?

– Мне назвать первую карту? – безразличным тоном спросил Дэмми. – Это была четверка трэф, если, конечно, ты не перетасовал колоду.

Ксориалль снял четверку трэф и задержался на следующей карте.

– Э-э-э... дальше... м-м-м... десятка бубен.

Ксориалль снял карту.

– Третья – пиковая дама, – продолжил Дэмми.

Семь карт подряд он назвал верно, а потом сбился.

– Для первого раза неплохо, – похвалил Ксориалль, собирая колоду.

– Погоди, давай дальше, – сказал Монтгомери. – Я и не

знал, что так хорош. Могу...

– Ты сломал гештальт, ассоциативную связь каждой карты с последующей. Дальше ты будешь высказывать лишь догадки, случайные и бессмысленные.

– Давай еще разок. Я ведь толком не сосредоточился.

Пожилой господин слегка улыбнулся:

– Заводит, правда? Я имею в виду открывать в себе новые способности. Вот почему жизнь кажется бесконечно бурной самым молодым из вас. День ото дня они исследуют свои возможности, узнают о себе новое. Порой маленький мальчик прыгает в воду, проверяя, сможет ли плавать, или сигает с крыши, лишь бы узнать, нет ли среди его врожденных талантов способности летать. Ему не в новинку подобные открытия, касающиеся собственных сил, доминирования в обществе, умения свистеть и так далее. С годами они становятся реже. Вот ты, например, прекрасно осведомлен, умеешь ли скакать верхом или управлять самолетом. Знаешь свое место в социальной иерархии и соперничестве за право спаривания. Ты по-прежнему, проживая свои дни, надеешься на счастливый случай и приятные неожиданности. Это – тот самый фактор, который делает символические состязания столь популярными, заставляет людей бегать по гадалкам и астрологам, дабы те раскрыли в них потаенные таланты, превращает распаковку подарков на день рождения в столь важную часть ритуала. Всегда присутствует подспудная надежда, что неким образом под слоями оберточной бумаги таится чудесный сюрприз – о тебе самом.

– И все это – из-за колоды карт?

Ксориалль не обратил внимания на вопрос, подвинул к Монтгомери маленький столик и положил на него колоду.

– Тебя когда-нибудь гипнотизировали, Дамокл?

– Нет. Я в эту чепуху не верю.

Ксориалль цыкнул языком:

– Гипнотическая способность столь же нормальна и распространена, как способность ко сну, а еще служит хорошим примером врожденных способностей, о которых владельцы не догадываются. Вместо чтений мантр, я намерен воздействовать непосредственно на ту зону твоего мозга, на которую обычно эти методы и действуют. Просто расслабься...

Обернувшись к консоли, он нажал несколько кнопок. У Дэмми в голове, где-то сразу за глазами, зазвучал едва слышный высокочастотный звон. Комната начала исподволь меняться: в ней появились новые грани, она как будто ожила, стала более объемной и выпуклой.

– Переверни первую карту, мой мальчик. – Голос Ксориалля звучал странно, он был далекий, и в то же время ему нельзя было противиться. Монтгомери перевернул карту.

– Тройка пик, – сонным голосом произнес он.

– Дальше.

Одну за другой Дэмми перевернул все пятьдесят две карты.

– Тасуй, – велел Ксориалль.

Дэмми перетасовал колоду.

– Теперь за каждую верно названную карту тебя ждет соблазнительный приз, – торжественно произнес пожилой господин. Сердце Дэмми забилось, во рту пересохло, и перед мысленным взором замелькали образы невероятных благ. Он быстро переворачивал карты, рисунки казались яркими, наполненными смыслом. Наконец он завершил...

– Все, – сказал Ксориалль. – Теперь вернись в обычное состояние бодрствования.

На глаза будто набросили кисейную пелену. Какое-то время Дэмми испытывал онемение и отупение. Потом это чувство прошло.

– Первая попытка, – сказал Ксориалль.

Дэмми потянулся к колоде.

– Не надо, – коротко остановил его Ксориалль. – По памяти.

– Тройка... пик, – назвал Дэмми. Потом вспомнил еще две карты, и в голове наступила пустота.

– Вторая попытка, – велел Ксориалль.

И тут же перед глазами вспыхнул образ карты. Дэмми быстро назвал всю колоду.

– Еще раз, только начни с двенадцатой карты.

Дэмми справился.

– В обратном порядке.

И с этим Дэмми не оплошал.

– Добавь три к каждому числу на карте, фигурные называй по убыванию старшинства, а масти в таком порядке: сперва пики, потом червы, трефы и бубны.

Дэмми без запинки назвал все, как просили.

– Вот тебе и память, юноша, – радостно объявил Ксориалль. – Для тебя ключом к полному воспоминанию будет тройка пик. Да, и кстати, пока я тобой занимался, то установил триггер, по которому ты сам сможешь ввести себя в состояние гипноза. Ключевое слово: приз.

– Но как, – ошеломленно проговорил Дэмми, – как ты это проделал?

– Скажи, ты бы смог запомнить все карты, используя привычные приемы?

– Конечно... наверное... если бы просмотрел колоду десятков-другой раз.

– Я использую тот же процесс, только слегка добавив смазки. Сколько песен ты знаешь?

– Кто? Я? Да я не занимаюсь...

– ...такими неподобающими мужчине делами. Знаю. И тем не менее, ты слышал много всяких популярных песен, и некоторые отложились в памяти. Среднестатистический

человек, под давлением, мог бы вспомнить с десяток. Предположим, что каждая песня состоит из ста слов, каждое из которых гармонирует с определенной нотой. В свою очередь, каждое слово состоит, в среднем, из шести букв. Если бы в них было зашифровано некое сообщение, и при этом последовательность и тона несли дополнительное значение, то можно было бы передавать внушительное количество информации. Согласен?

— Ну, я...

— Сам по себе порядок слов — мощный инструмент. Вот, сравни, для примера: «я тебя люблю» и «люблю я тебя». А так же пунктуация: «да, я тебя люблю» и «да я тебя люблю».

— Э-э-э... да, но...

— Отныне эта возможность не будет тобой растрачиваться впустую. А теперь займемся восстановлением способностей к сосредоточению, счету, дедукции, восприятию образов и прочая. Чем быстрее покончим с подготовкой, тем скорее перейдем к основной части.

Ксориалль задумчиво посмотрел на объект своих опытов.

— Дамокл, что есть самого восхитительного в жизни?

— Уж точно не когда ты запеваешь в душе и вдруг оказывается, что голос у тебя как у Джонни Кэша, — усмехнулся Дэмми.

— Давай начистоту, парень.

Дэмми бросил косой масляный взгляд:

— Ну, думаю, когда на тебя западает клевая телочка.

— Вот именно. И почему же?

Дэмми развел руками:

— Тебе схему нарисовать?

Ксориалль покачал головой:

— Дело не только в перспективе полового акта, мой маль-

чик. Подобный исход ждет тебя в большинстве иных ситуаций. Это, скорее, лестное представление о самом себе, удивительные и ободряющие новости о том, что ты, оказываешься, обладаешь чарами, которым нельзя противиться.

— Бред, док, сколько ты ни разводи в пробирках любовь-морковь, а кое-чего на коленке не вырастишь.

— Неважно. Позднее у нас будет время на развитие всех твоих скрытых талантов. Сейчас нас интересуют основные. Идем. — Он встал.

— Не уверен, стану ли я дальше заниматься по твоей программе, — прорычал Монтгомери, даже не думая подниматься из кресла. — Мне-то что со всего этого?

Ксориалль вздохнул:

— Дамокл, ты хоть представляешь, сколько времени и усилий растрачивается на исполнение ритуалов для поддержания отношений, которых в большинстве случаев даже не существует, — просто как дань традиции?

— Док, притормози немного, говори проще, — саркастично попросил Дэмми.

— По-твоему, тебе пристало изображать неподатливость и нежелание сотрудничать со мной, однако это происходит из необходимости поддерживать образ самодостаточного и доминирующего самца. И вот ты думаешь втянуть меня в символическую беседу, в ходе которой мне предстоит медленно и постепенно сломить в тебе сопротивление посредством приемлемых средств вроде умасливания, возбуждения любопытства и прочая. Ты, естественно, испытываешь необходимость изображать скептицизм, дабы не показаться легковверным — совсем как деревенский парень, замороженный видом хромированных деталей на подержанной машине, который попытается скрыть от продавца свое страстное желание купить ее. Он будет изображать равнодушие, даже подписывая бумаги, лишь бы не показаться легкой добычей.

Или как женщина, которая изображает неприступность, тогда как давно уже решила принять ухаживания мужчины, — только бы не показаться ему легкодоступной.

— Ты глубоко копаешь, док, — с наигранным восхищением заметил Дэмми. — От карт к девочкам, которые ломаются... Какое это имеет отношению к овладению дзюдо и секрета, как прожить тысячу лет?

— Учись понимать сам, парень, — грустно ответил Ксориалль. — Признай, что весь этот фарс, твои напускные уверенность и цинизм выдают то, что ты уже заинтригован открывшимися перспективами.

— Не веришь мне? — пролаял Монтгомери. — Отправь меня в Чикаго и увидишь, побегу ли я за тобой, умоляя дать еще шанс.

— Да у тебя талант — отворачиваться от судьбы только ради того, чтобы поддержать имидж. Ты — словно стоик, гордящийся умением воздерживаться и отвергать еду, в которой так нуждается и которой жаждет.

— Хочешь сказать, что я горю желанием остаться в этом ледяном дворце с профессором-неудачником — учиться запоминать крапленую колоду? — фыркнул Монтгомери. — Док, знал бы ты...

— Что за жизнь ждет тебя снаружи, Дамокл? Жалкое существование. — Ксориалль печально улыбнулся. — Жизнь ничтожества, лелеющего тайную веру в собственное превосходство в ожидании счастливого случая, который однажды перевернет его жизнь.

— Я? Я ничего не жду...

Ксориалль продолжал:

— Твой случай, Дамокл, вот он, перед тобой. Ты в некотором смысле уникален. Ты — единственный из миллиардов, кого я выбрал — случайно, не отрицаю, — в качестве подопытного. Так что прошу отбросить все дальнейшие ри-

туальные возражения, и давай продолжим.

Ксориалль развернулся и ушел. Монтгомери посидел еще немного, затем встал из-за стола и последовал за ним.

— Это, — сказал Ксориалль, указывая на кресло, над спинкой которого навис колпак в форме улья, — синаптический катализатор. — Он с любовью погладил устройство. — Довольно грубая полевая модель, собранная, как и все здесь, из местных компонентов. Зато эффективная. Ускоряет обычный процесс обучения, тем самым несказанно облегчая нам задачу. Присаживайся, мальчик мой, а я пока проверю настройки.

— На вид — фен из салона красоты, — неодобрительно заметил Монтгомери. — Увидел бы кто меня под ним...

— Я думал, мы согласились отбросить ритуалы. Мне уже ясно, что ты исполняешь роль зрелого самца, готового сражаться за еду и самку и не терпящего женоподобности. Присядь.

Дэмми, всем своим видом выказывая неохоту, подчинился.

— Ты мне сейчас будешь картинки на стену проецировать, а я на вопросы отвечать, да?

— Я работаю напрямую с головным мозгом, — с отсутствующим видом объяснил Ксориалль, разбираясь с переключателями на небольшой консоли. — Сперва я дам залп импульсами тебе в кору, отмечу результаты и выставлю соответствующие параметры ввода.

— Но ты не превратишь в кашу мои мозги? — спросил Дэмми, и Ксориалль с грустью взглянул на него.

— Дэмми, уверяю тебя, мои планы очень далеки от того, чтобы уничтожать твой мозг. Мне дорого стоило добыть нормальную, здоровую и нетренированную нервную систему, пригодную для опытов. Малейшее нарушение в ней делает тебя полностью бесполезным.

– Если пропущенное через мозг электричество не даст нарушений, то я уж не знаю, что даст!

– Вот именно, не знаешь. Принцип действия у катализатора тот же, что и у фонарика, которым окулист светит тебе в глаз, – врач проверяет, а не губит твоё зрение. Оставь уже свои предрассудки, инстинктивные страхи и ритуальные возражения и позволь мне продолжить.

Дэмми все еще ворчал под нос, но уже не возражал, когда Ксориалль опустил ему на голову колпак и вернулся за консоль.

– Сиди тихо, – приказал он. – Калибровка займет пару мгновений и пройдет безболезненно. Уж поверь.

Послышалось легкое гудение, и краем уха Дэмми как будто расслышал смутные голоса. Однако ничего при этом не ощутил.

– Ты ведь не рентгеном меня просвечиваешь? – спросил он.

Ксориалль нетерпеливо запыхтел.

– Это нейронные колебания, идентичные тем, которые производит твоё ментальное поле.

Он коснулся кнопки на панели, и бормотание стихло. Затем сосредоточенно нахмурился и стал возиться с рычажками и переключателями.

– А теперь, – сказал он наконец, – я думаю, мы что-нибудь сделаем с этим твоим ужасающим диалектом. А то ты, похоже, забываешь, что грамматика и синтаксис в общении выполняют важные функции. – И он снова склонился над консолью.

– Мне это не нравится, – запротестовал Дэмми. – Хочешь сделать так, чтобы я заговорил, как профессор колледжа? Или что еще?

– Или что еще... – передразнил его Ксориалль. – Превосходный пример того, каким мусором ты засоряешь свою

речь. А теперь – тихо.

Дэмми нервничал. В мозгу защекало, между ушей словно тихонько запищали мышки-сплетницы. Так продолжалось, пока Дэмми разглядывал внезапно возникшие перед ним небывалые виды.

– Ну вот. – Голос Ксориалля вернул его к реальности. – Улучшение должно быть налицо. Скажи что-нибудь, мальчик мой.

– А что тебе хотелось бы услышать? – быстро ответил Дэмми. – В смысле... э-э-э... а, да, конечно, док. Че?

– Не противься импульсу говорить чисто, Дамокл. Расскажи о своих впечатлениях от процесса учебы.

– Методы, как мне кажется, невероятно высокотехнологичны. Но рано судить об их эффективности, пока не я не соберу больше данных... – Монтгомери запнулся и покачал головой. – Эпическая сила, док, ты наградил меня такой манерой речи, что кореша на смех поднимут... Это... черт возьми, я будто по книге читаю! Что ты задумал? К чему все это?

– Ну, будет, будет, мой мальчик, угомонись. Продолжим?

– У меня нет выбора... в смысле, какая разница, что я отвечу? Ты все равно пойдешь дальше... Это... давай продолжай!

– Вот верно. Смотрю, ты потихоньку набираешься мудрости.

– Мудрость не разрешила бы мне связаться с тобой, – горько посетовал Дэмми, – пока ты мне манеру речи не изгадил.

– Цинизм тебе не к лицу, – цыкнув языком, с напускной суровостью сказал Ксориалль. – Однако, продолжаем.

ГЛАВА 4

Монтгомери провел еще пять утомительных часов под колпаком катализатора, пока Ксориалль бормотал что-то себе под нос, пыхтел и жал кнопки, а еще выдавал загадочные распоряжения и читал лекции. После они пообедали на открытой террасе фазаном и вином – их обслуживала автоматическая система. Закончив трапезу, Ксориалль передал своему ученику небольшую книжечку.

– «Правила классических карточных игр», – прочел название Дэмми. – Я думал, нас ждут дела. Или найдется время на партейку в безик?

– Не глупи, Дамокл. Игры ты будешь изучать наряду с остальным.

– С чем с остальным, док? – нахмурился Дэмми. – А как же джиу-джитсу и...

– Дэмми, – резко перебил его Ксориалль, – в течение нескольких дней ты освоишь премудрости всякого занятия, все профессии, все виды спорта, разовьешь в себе всевозможные таланты, постигнешь искусства. Я выражаюсь понятно? Ты научишься всему: от высекания кремнем огня до составления архитектурных планов. Станешь экспертом во всем: от игры в домино до плетения корзин, приобретешь умение жонглировать, ходить по канату и складывать числа на бортах проносящихся грузовиков. Понятно?

– Ну теперь-то ты точно меня подкальываешь, док.

– Меня зовут Ксориалль! Я тебе не племенной шаман, и прозвище «док» мне не нравится! И я тебя не «подкалываю»! Буду очень признателен, если ты научишься пользоваться родным языком прежде, чем я забуду о своей миссии и...

– И – что? – с вызовом спросил Дэмми, в то время как его наставник внезапно замолчал и вернулся в дом. Дэмми пошел следом.

Ксориалль вздохнул:

– Даже твоя примитивная речь могла бы звучать сносно, используй ты ее верно. Ведь ты теперь владеешь грамматикой, вокабуляром и синтаксисом. Почему бы тебе не воспользоваться этим знанием?

– Привычка, наверное, – безразлично ответил Дэмми. – Или, может, я просто не хочу разговаривать, как голубок?

– Я знаю решение, – мрачно произнес Ксориалль. – Ты изучишь второе наречие Консенсуса, простую форму быстрой речи.

– Погоди, док, – возразил Дэмми. – Ведь речь шла о человеческих способностях. Не надо забивать мне голову всякой инопланетной белибердой.

– Вздор. К-2 создан специально для межвидовых коммуникаций и, насколько вообще позволяет лингвистическая концепция, не похож ни на один из существующих языков. Твоя личность пострадает не больше, чем от знания языка навахо.

– А на что он похож? – возбужденно поинтересовался Дэмми, пока его наставник прилаживал на место катализатор.

Ксориалль издал звук, похожий на трение языка о небо:

– Это адрес Линкольна в Геттисберге. Признаюсь, в переводе он кое-что теряет. – И Ксориалль занялся настройками.

– Расслабься, очисти разум, – коротко велел инопланетянин. Дэмми откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Внезапно где-то за ушами раздался беззвучный шум. Он долго не смолкал, и Дэмми постепенно сморилло...

– ...считай от одного до тысячи десяти, – говорил Ксориалль.

Дэмми сделал глубокий вдох и выдохнул. Он с усилием, не разжимая зубов, щелкнул языком.

– Какого хрррзззшш? – произнес он.

Ксориалль зажужжал. Казалось, этому звуку должно сопутствовать значение, но Дэмми поспешил его отвергнуть.

– У меня голова раззззблсссззь, – сказал Дэмми. – Стоит мне начшшшштть говррррзззть... – Он сделал паузу. – Ссссзтранное чувсссство... иззззыкссс. Ззззаввно, да. Ссс... язззыком... что-то... не то, – раздельно произнес он. – Ты что наделал, док? Говорилку мне испортил?

– Ксссррссссзззл, – прожужжал Ксориалль. – Ббыррррппп?

– Скажи «прости», – пробормотал Дэмми.

– Ты меня не понял?

– Ты жужжишь, как слепень в бутылке.

– Очень странно... Я был уверен, что у тебя есть способность к языку. Что ж, отсутствие результата – тоже результат. Жаль, что под рукой нет главного анализатора, а то бы я с удовольствием докопался, в чем источник проблемы. Но хорошо, все равно это за рамками моей программы. Не бери в голову. Продолжим разбираться с твоим английским, однако будь пайнкой, постарайся говорить точнее. Итак, на чем мы остановились?

– Ты что-то говорил про жонглирование, – напомнил Дэмми.

– А также скалолазание, альпинизм, боди-серфинг, скай-

дайвинг, скуба-дайвинг. – Ксориалль перевел дыхание. – Акробатика, прыжки с шестом, метание лассо, качественный анализ, шлифование линз, ремонт двигателя Ванкеля, теннис, кегли, керлинг, балет...

– Балет?!

– Все на свете, Дэмми.

– Это невозможно, – захлебываясь, произнес Дэмми, – даже если я соглашусь.

Ксориалль напрягся:

– Если?

Дэмми ощутил укол в груди – уголек боли, крохотный, но не гаснущий.

– Если? – повторил Ксориалль.

– Ладно, ладно, разве у меня есть выбор? – Дэмми облегченно вздохнул, когда искра погасла.

– Что до невозможности овладения этими талантами, то неужели ты полагаешь, что где-то есть кто-то, кто является экспертом во всех видах человеческой деятельности?

Дэмми согласно фыркнул.

– Что может один, может и другой, – добавил Ксориалль.

– Топтать-копать, но не все же сразу!

– Почему нет?

– Да в один только блэк-джек учишься играть годами! А еще, говорят, умники просиживают в колледже по двадцать лет и все равно за прогрессом не поспевают!

– Ты обучишься куда быстрее их! Открой книгу, которую держишь.

Монтгомери послушался и, пролистав несколько страниц, остановился на главе «ПРАВИЛА ИГРЫ В ЮКЕР».

– Ключевые слова, – резко произнес Ксориалль.

Дэмми хотел уже произнести их, но старик его перебил:

– Про себя!

Дэмми подумал: «ТРОЙКА ПИК... ПРИЗ».

– Смотри на страницу. – Слова повисли в воздухе, словно осязаемые предметы.

Дэмми взглянул на плотный мелкий шрифт.

– Пролистай.

Дэмми принялся листать страницы, вглядываясь в расплывчатое мельтешение строк.

– Закрой книгу.

Он закрыл ее.

– Пересказывай.

Дэмми открыл было рот, намереваясь возразить...

– «Если игрок предлагает масть, которая была уже отвергнута, он теряет право предлагать козырную масть. Если же он исправляется и называет другую, то ни ему, ни его партнеру далее не позволено предлагать эту масть в качестве козыря».

– Вот, теперь ты знаешь правила игры в юкер, – сурово произнес Ксориалль. – Остается впитать стратегию.

– Да ладно, запомнил я пару строчек, – сказал Дэмми. – А что делать с остальными четырьмя сотнями страниц?

– Ты их знаешь, – благодушно ответил Ксориалль.

– Ну, и кто я теперь? Шулер? У меня планы помасштабней, док.

– На этом ты не остановишься. Ты вберешь все знания из всех книг – наследие знаний своей расы.

Дэмми фыркнул:

– Даже если листать книги, как крупье тасует колоду, я все равно не успею прочесть.

– О, мы воспользуемся пленками. Проектор прокрутит их на высокой скорости, как только мы подтянем твою восприимчивость до приемлемого уровня. Ту же «Британнику», скажем, ты проглотишь минуты за полторы.

– Послушай, док, я не супергений, мои мозги не вместят всего этого.

- Сколько дней в августе, Дамокл?
- А... тридцать дней – сентябрь, – забормотал Дэмми, – апрель, июнь, ноябрь... Тридцать один – все другие.
- Вот видишь. Эти сведения уже были у тебя в голове, закодированные. А мы закодируем еще больше.
- Если мне всякий раз придется цитировать стишок, чтобы что-то вспомнить, запри меня сразу в психушке, – возразил Дэмми.
- Наши коды будут проще, а процесс извлечения данных куда быстрее, – заверил его Ксориалль. – А сейчас ступай к себе, юноша, и ложись спать. Завтра приступаем к физической подготовке, и ты мне нужен свежим и бодрым.
- Ну да, – зевнул Дэмми, – дельная мысль.

Лежа в постели, Дэмми с наслаждением потянулся и почесал за правым ухом – зуд был легкий, но не проходящий – и обнаружил маленькую припухлость. Он ее потрогал, попытался припомнить... тройка пик... угасающая боль в животе, натяжение швов, едва уловимое прикосновение скальпеля к сосцевидному отростку, легкая вибрация от сверла, вгрызающегося в череп; потом ловкие пальцы Ксориалля внедряют устройство контроля, вытягивая из него органометаллическое волокно и прокладывая вдоль слухового нерва до самой подкорки, где оно внедрилось в каждую часть мозга. Он с любопытством изучил конструкцию, используя доселе неиспользованные чувства и органы для самодиагностики, чтобы отследить провода, проанализировать схемы и изучить рецепторы. Так он заметил фантастическую сложность не только чужеродных волокон, но и собственного разума. В мозгу дремали фантомные рецепторы и манипуляторы. Наконец, внедренный механизм сгорел, а Дэмми все продолжал... Постепенно, аккуратно прощупывая вновь открытые тропки, он стал постигать

динамическую симметрию фантастической структуры, которой являлся его ум. А затем он открыл глаза и вернулся к более насущным делам.

Выходит, и здесь старый черт соврал, когда говорил о чисто ментальном управлении – чтобы жарить мне кишки и замораживать, подумал Дэмми. Интересно, что ему на самом деле нужно?

Он поднялся с кровати, достал футляр с инструментами и прошел к двери. Присел возле нее на корточки и присмотрелся к крохотной замочной скважине. Выбрал инструмент толщиной с проволоку, ввел в скважину и приложил ухо к двери. Стал медленно проворачивать отмычку. Механизм тихонько щелкал. Потом что-то в нем щелкнуло громче, и Дэмми вынул отмычку, взялся за ручку. Дверь открылась плавно и беззвучно. Дэмми вышел в коридор, быстро проследовал к лестнице и спустился в библиотеку. В Книжной Комнате горел приглушенный свет. Дэмми проследовал к секции с внеземной литературой, выбрал с полдесятка кубиков, скормил приемнику сканера и включил прибор. Экран зажегся. Какое-то мгновение Дэмми тупо взирал на густую мешанину точек, а потом вдруг информация раскрылась сама.

«ТРОЙКА ПИК, – подумал Дэмми, устраиваясь в кресле и глядя на экран. – ПРИЗ...»

Моргнув, он выпрямился. Шея болела, глаза жгло. Дэмми взглянул на часы и понял, что прошло два часа. Экран перед ним был пуст. Дэмми его выключил, вернул кубики с данными на место и возвратился в спальню. Заснул он быстро, но спал тревожно...

Утром Ксориалль провел его в небольшую комнатку без окон, с голыми серыми стенами. Единственной деталью интерьера служила крупная машина посередине – она занимала чуть ли не все свободное место. Пока Дэмми обходил ее,

Ксориалль удалился в угол и нажал там одну из вездесущих кнопочек, открывая похожую на стол консоль, которая была усеяна еще большим количеством кнопок.

— С виду помесь платформы тягача, игровой площадки и кресла дантиста, предварительно сброшенного с высоты, — заметил Дэмми.

— Респондер может показаться не очень впечатляющим, мой мальчик, — признал старик, быстро нажимая кнопки и внимательно глядя на зажигающуюся в ответ россыпь огоньков. — По крайней мере, внешне. Но это самое гениальное устройство, способное симулировать реакцию непосредственной внешней среды на каждое твоё движение, равно как и оказывать выверенное стимулирующее воздействие на твою мускулатуру.

— А по-нашему? — машинально спросил Дэмми.

— Стоит его на тебя настроить, наладить нейронную связь, и респондер станет выполнять замечательную функцию, действуя одновременно как трапеция, гравитация, партнер по фехтованию, центрифуга... Полный спектр сил и условий внешнего воздействия, сопутствующих упражнениям в выбранных дисциплинах.

— Ага. А теперь переведи мне этот перевод — и сэкономь время, сразу объясняя мне объяснение.

— Снова это твоё контринтеллектуальное позерство, проистекающее из заблуждения, будто сообразительность — не для мужчин, — парировал Ксориалль. — Предположим, ты учишься фехтованию. Настройки выставлены, и вот ты приступаешь к занятию — выпад, укол, защита, — а респондер отвечает тем же: защита, выпад, укол или тому подобное. Со всей проворностью мастера владения рапиры, сабли или шпаги.

— И как же торговля паленым товаром поможет мне дотянуть до преклонного возраста?

Ксориалль лишь отмахнулся от вопроса.

— Первым делом, конечно же, мы некоторое время посвятим настройке твоих базовых инструментов. А теперь, марш в респондер, Дамокл. Будь пайнкой.

— Хочешь, чтобы я влез в этот хитрозадый агрегат? — Пока он говорил, машина шевельнулась, сложилась внутрь себя, широко раскрылась посередине, и Дэмми увидел внутри систему переключателей и строп.

Ксориалль только вздохнул.

Дэмми забрался внутрь и осторожно устроился. Створки сомкнулись, и Дэмми обвинил мягкие руки и щупы, устранивая его в нужную позицию; ловко сомкнулись зажимы на руках и ногах, на торсе и голове, замыкая их на прутьях, стропках, рычагах и проводах. Дэмми подавил начавшийся было приступ клаустрофобии.

— Ну как, удобно?! — крикнул Ксориалль.

— Шутишь, что ли? — приглушенным голосом ответил Дэмми. — Меня тут в провода замотало, как мумию в бинты!

— Не хватает свободы движения? — озабоченно поинтересовался Ксориалль.

Монтгомери осторожно пошевелил пальцем. Подсоединенный к нему механизм отозвался движением — бесшумно и совершенно свободно. Тогда Дэмми согнул руку, ногу, подвигал плечами, покрутил головой.

— Забавно, — сказал он. — Я эти штуки даже не ощущаю.

— Встань, пожалуйста.

— Как? — удивился Дэмми, однако стоило ему подняться, и механизм легко последовал за его движением.

— Побегай на месте, помаши руками, подпрыгни... соверши разные движения.

Дэмми совершенно свободно и беспрепятственно все выполнил.

– Значит, все хорошо, – облегченно подытожил Ксориалль. – Жаль, что у меня здесь нет доступа к оригинальному оборудованию, которое есть дома, но и этот кустарный механизм вполне сгодится. Итак, я начну с того, что воздействую на рефлекторный механизм...

В подошву ноги вонзилась игла, и в то же время в лицо ткнулся гладкий прут. Отдернув ногу, Дэмми уклонился и вскинул обе руки.

– Очень хорошо, – откликнулся Ксориалль. – Теперь у меня есть замечательный ориентир. Мы замкнем все на рефлекторный ответ, знаешь...

– Нет, не знаю! – проорал Дэмми. – Ты мне чуть глаз не выколол!

– Ну, это вряд ли, – мягко проговорил Ксориалль.

– Мог бы предупредить.

– Дэмми, прошу тебя, оставь эту манеру воспринимать свою ретроспективную матрицу опыта с такой опекой. Страхи, если вообще полезны, то только в отношении потенциальной опасности.

– Тогда какой смысл колоть меня в глаза ледорубом?

– Основа всякой продвинутой тренировки – в перенаправлении рефлексов. Эксперт в каратэ, например, учится не просто рефлекторно дергаться, а отвечать контрударом. Похлопай такого типа по плечу, и он, скорей всего, даже сообразить ничего не успеет, как собьет тебя с ног и перебьет трахею.

– Правда?

– Кстати, о каратэ, – продолжил Ксориалль...

Сквозь переплетение оборудования было видно, как он вдавил кнопку. Под Дэмми тут же разорвалась мина, и его дико закрутило. Конечности, да и все тело сводило, трясло, кидало из стороны в сторону; детали устройства бурлили и извивались так быстро, что невозможно было уследить.

Дэмми хотел закричать, но получилось только крикнуть. Безумные конвульсии прекратились так же внезапно, как и начались.

– Помогите, – прохрипел Дэмми. – Не надо больше так, я все скажу.

– Ну, не так уж и плохо, – произнес в пустоту Ксориалль, не отрывая взгляд от панели. – Что скажешь, если мы продолжим с престижиджитацией?

– Простигосподичего?

– Дэмми, твой активный вокабуляр гораздо шире, чем ты признаешь. Кстати, сегодня вечером мы его еще расширим – ты пролистаешь большой словарь земных языков, который я составил на днях.

Он нажал кнопку, и зажимы сомкнулись у Дэмми на руках, выгнули и вывернули пальцы, согнули под немыслимым углом ладони и запястья, все это время безумно дрожа и безостановочно заставляя его руки сгибаться и разгибаться. Затем это прекратилось.

Дэмми поспешил убрать изнасилованные пальцы под мышки. Раздутые подушечки покалывало, словно их ужалило множество пчел средней ядовитости.

– Ощущение, будто я весь день отбойным молотком работал, – простонал он. – Интересно, что это мне дает?

– Ловкость рук – ключевой навык в тех способностях, которые я намерен в тебя заложить, – спокойно ответил Ксориалль.

– Да откуда ж возьмется ловкость рук, если этот металлолом делает из них кровавую кашу?! – возмутился Монтомери.

– Вздор! Я лишь внедрил тебе определенные шаблоны действий. Дискомфорт скоро пройдет. Все же признай, этот агрегат требует от тебя куда меньше усилий, чем сотни часов отработки умения сдать туза со дна колоды или снять

часы у зеваки с руки. Я уж не говорю об утомительных и интенсивных изотонических упражнениях: день в этой машине эквивалентен нескольким годами тяжелых тренировок. Причем она обеспечивает оптимальную гипертрофию скелетной мускулатуры. Любой атлант по сравнению с тобой скоро покажется дистрофиком.

— Все это, конечно, хорошо, док, но я не хочу выглядеть, как урод.

— Ты и не будешь. Твоя конституция будет вызывать искреннее восхищение. Правда, тебе потребуются костюмы, сшитые на заказ, в которые можно втиснуть огромные квадрицепсы и все остальное... но это такая мелочь! Так что, я предлагаю тебе отбросить недоверие и наслаждаться новообретенными способностями.

Дэмми осмотрел свои руки, все еще обвешанные невесомыми проводами, прутами и зажимами.

— То есть...

— Вот именно.

— А до этого?

— Каратэ, как я и говорил ранее.

— Хочешь сказать, у меня теперь черный пояс?

— Да, физически ты соответствуешь требованиям этого уровня. Тебе, правда, еще надо просканировать теорию, чтобы узнать о назначении разнообразных движений. Однако ты сам обнаружишь, что с первой же попытки сможешь справиться безупречно, равно как опытный пианист сумеет сходу исполнить новый концерт.

— Ага, — с сомнением произнес Дэмми. — Но как, скажем, мне фехтовать, если я не знаю даже, за какой конец шпаги браться?

— Если рассматривать тренированного фехтовальщика, неужели ты думаешь, что он сознательно продумывает траекторию клинка, экстраполирует будущую позицию острия,

заранее думает над ответом и решает, какие группы мышц напрячь, чтобы привести клинок в нужное положение? Нет, конечно. Он просто действует. Наша задача – выработка рефлексов.

– Понятно. Неясно одно: поскольку ты с Марса – по твоему же утверждению, – так откуда тебе знать, как китайцы готовят суп из птичьих гнезд или чего стоит победить на скачках?

– Моя библиотека содержит полные матрицы способностей избранных экспертов, включая их память и подсознание.

– Ясно. Вот так запросто вошел к Эйнштейну и сказал: «Здорово, приятель, не хочешь посидеть у меня под феном? А я пока у тебя в мозгах покопаюсь?».

– Ничего столь очевидного, мой мальчик. У меня есть средства для удаленного поиска и избирательной записи. Моя коллекция насчитывает более двухсот тысяч матриц разнообразных человеческих умений.

– И как давно ты за нами шпионишь, док?

– Уже несколько веков. Процесс, конечно, небыстрый. Сбор данных ведется постоянно, даже сейчас, в этот самый момент. Слышишь пощелкивание? Это он и есть.

Дэмми размял пальцы.

– Не чувствую разницы, – недоверчиво произнес он. – Если бы я знал, как сдать туза со дна колоды, то сразу бы это понял.

– Физические способности прописываются на уровне ниже сознательного, – пояснил Ксориалль. – Если бы ты, например, сознательно отслеживал во время ходьбы каждое свое движение, то все твое внимание было бы занято только этим и ты бы наверняка упал. Пианист смотрит в ноты, а пальцы его двигаются по клавишам рефлекторно. Даже так: если ему некоторое время не играть и подзабыть ноты, он

может вспомнить мелодию, посидев за пианино и следя за движением рук. Они без сознательной подсказки мозга будут сами нажимать нужные клавиши.

– Поверю, когда сам попробую. И то, если получится.

Ксориалль небрежно открыл ящик стола и достал из него синий шар вроде бильярдного. Метнул его в лицо Дэмми, и тот легко перехватил снаряд. Заметил летящий в него другой, ярко-красный, шар, перебросил синий в левую руку, а правой поймал красный. Следом в него полетел желтый. Ксориалль даже не смотрел на Дэмми, когда тот быстро подкинул синий шар, перебросил красный в левую, а правой поймал желтый. Оранжевый, зеленый, пурпурный, черный, белый, золотистый и серебряный – подлетая, каждый из них включался в падающую колонну шаров, подброшенных левой рукой. Правой, левой, вверх, правой...

– Ну ладно, жонглирование это не сложно, – сказал Дэмми, пристально следя за шарами. В этот миг Ксориалль бросил ему еще два: розовый и коричневый. Они беспрепятственно влились в общую вращающуюся массу. Затем Дэмми так повернул правую руку, что следующий шар, подлетев, отскочил и пролетел мимо Ксориалля назад в открытый ящик. То же произошло и с последующими шарами.

– Круто, – с ленцой произнес Дэмми. – Теперь будет чем заработать на хлеб, если совсем прижмет.

– Напротив, Дамокл, в твоём распоряжении теперь несколько сотен замечательных способностей, и я говорю во все не о балаганных трюках. Сможешь устроиться в любую лабораторию мира в качестве эксперта в любой из областей.

– Ну, это еще надо проверить, – с сомнением произнес Дэмми.

– В этом нет нужды. Уверяю тебя: все обстоит именно так, как я расписал. Ну-с, продолжим?

– Круто, – заметил Дэмми, – но если я хочу что-то продать, то не будем забывать, что

$$\frac{\Delta y}{\Delta x} = \frac{y}{x}$$

– Или же наоборот, – сказал Ксориалль, – можно представить закон равноценности как

$$\Delta y = \frac{y \Delta x}{x}$$

– Думаешь, я основ алгебры не знаю, в рот мне ноги? – возмутился Дэмми. – Давай, что ли, повысим уровень беседы, а?

– Ты реагируешь чересчур бурно, тогда как я вовсе не намеревался тебя оскорблять, мой мальчик. Итак, продолжим, – спокойно произнес Ксориалль.

И не успел Дэмми возразить, как его снова зажало в тисках.

– Катание на лыжах, – нейтральным тоном оповестил его Ксориалль, нажимая очередную кнопку. – Рисование. – Спазм. – Имитация птичьего пения. – Спазм. – Настольный теннис... Хай-алай¹... Йога... Шпагоглотание...

– Такое чувство, – спустя три дня отрапортовал Дэмми, – будто меня прогнали через машину, в которой отбивают дешевое мясо.

– Не стоит отзываться о себе столь пренебрежительно, мой мальчик, – весело ответил Ксориалль, помешивая мартины коктейльной соломинкой.

¹ Т.н. «баскский мяч», игра наподобие тенниса, с мячом и ракеткой в огороженном стенами пространстве. Распространена в Испании и Латинской Америке.

Они сидели в заставленном книжными полками кабинете. Глубокие кожаные кресла, толстые темные ковры, тяжелые портьеры, камин из грубого камня и деревянная подставка из начищенной меди внушали ощущение привычного уюта и комфорта.

Дэмми пригубил напиток.

– Я так устал, что даже бокал поднимаю с трудом, – простонал он.

– Да, график у нас плотный, – согласился Ксориаль.

– Не надо на сегодня ничего больше, Ксориаль. Я не выдержу.

– Пообедай, вздремни – и будешь как огурчик. И пусть тебя тешит мысль, что ты теперь мастерски владеешь техникой глубоководных погружений, рыбалки нахлыстом, пения йодлей, а также то, что теперь ты искусный физик-ядерщик, каменщик и мойщик окон.

– Странно... не тешит. Наверное, из-за усталости.

– Мне очень интересно увидеть, чем закончится следующий сеанс, – сказал Ксориаль. – Ведь до сих пор мы просто приводили тебя в ногу со временем, но дальше, надеюсь, совершим прорыв в новые области.

– Что-то мне это не нравится.

– Мы будем лишь ожидать в предвкушении того, что еще припасено у человечества. Не сомневаюсь, где-нибудь какой-нибудь индивид и сегодня делает что-нибудь впервые. Может, это не столь впечатляюще, как, например, первый огонь, добытый человеком, или впервые сложенные два и два, но все же это прогресс. Некоторые из таких прорывов открывают путь исследованию совершенно новых областей, о которых прежде и не подозревали. Через тысячу, десять тысяч, сотню тысяч лет, кто знает, на что вы, умные человечки, будете способны, предоставленные самим себе.

- Например?
- Ты знаешь какие-нибудь детские стишки?
- Чего?
- К примеру, «У Мэри был ягненок»?
- Ну да. С руном белее снега... И что?
- А еще?
- Э-э-э... «Джек и Джилл»?

Ксориалль положил перед ним лист бумаги и карандаш:

– Читай вслух «Ягненок» и одновременно записывай «Джек и Джилл».

– Я не умею делать два дела одновременно.

– А ты уже попробовал?

– Ну-у-у...

– Вот и попробуй, Дэмми, для очистки совести. Я даже смотреть не буду.

Ксориалль встал и прошел к ближайшему книжному шкафу. Дэмми тихонько хмыкнул, но карандаш взял, немного подождал и принялся мычать под нос:

– У Мэри был ягненок...

– Чтоб меня, – сказал он через секунду.

На листке бумаги, правда, как куриной лапой, но тем не менее разборчиво, было написано: «Идут на горку Джек и Джилл...»

– Ну вот видишь, – лучезарно улыбнулся Ксориалль. – Ты уже проделываешь то, на что как будто был неспособен. Ладно, у меня есть кое-какие дела, а ты ляг отдохни, и через два часа встретимся в четвертом кабинете.

– Суть метода, – вещал Ксориалль, когда два часа спустя отдохнувший Дэмми занял место под катализатором, – заключается в том, чтобы исследовать твои ментальные и телесные реакции на различные раздражители, отследить вовлеченный в процесс механизм и экстраполировать его на

максимально широкий спектр возможных применений. Предлагаю начать с простейшего: так называемые психосоматические заболевания...

— А ну притормози! Ты ведь не наградишь меня триппером, холерой или еще чем, просто чтобы посмотреть, как я с этим справлюсь?

— Психосоматические заболевания, Дэмми, это воображаемые недуги с реальными симптомами. Пожалуйста, гипнотический транс, уровень первый.

Дэмми хотел было еще поспорить, но тут веки налились тяжестью, и глаза закрылись сами собой.

— Сейчас я коснусь твоей руки раскаленной кочергой, — сказал Ксориалль. — Но твоя рука под анестезией, ты не почувствуешь боли.

«Да, но...» — хотел сказать Дэмми, однако говорить было лень. Он ощутил легкое прикосновение, услышал тихое «пш-шш».

— Можешь открыть глаза.

Монтгомери моргнул и посмотрел на руку. Там, где ее коснулась кочерга, краснел сильный ожог, превращаясь в отвратительный волдырь.

— Гм-м-м, — промычал Ксориалль, присматриваясь к приборам. — Быстрая реакция, однако никакой окисдации, конечно же.

— Чем это ты меня прижег?

— Э? Да так, пальцем ткнул.

— Горячим пальцем?

— Жар — продукт твоего разума, Дэмми. Ты поверил, что в тебя ткнули кочергой, отсюда и ожог. Симптомы психосоматических заболеваний вполне достоверны, как я уже говорил. А сейчас мы откроем доступ к этому механизму для твоего сознательного разума... — Дэмми ощутил острую боль позади глаз. — ...и ты сам убедишься, что можешь

вызвать у себя ожог и припухлость, в любое время, на любом участке эпидермиса.

— Да я сейчас, извини за каламбур, сам опухну, — пренебрежительно бросил Дэмми. — А избавиться от них можно?

— Интересный момент. Сосредоточься на ремиссии.

— Знать бы еще, что это.

Ксориалль вздохнул:

— Словарь был в составе материала, который ты сканировал вчера, как мы оба знаем.

Дэмми сосредоточился. Минуты за две припухлость сошла, и на ее месте остался пяточок бесцветной кожи. Ксориалль пристмотрелся к нему.

— Легкое повреждение ткани. А так все хорошо... Наиболее распространенные воображаемые симптомы — это головная боль, несварение, крапивница, синусит, артрит, сердечный шум...

— Собираешься учить меня, как развлекать народ на вечеринках произвольно вызванным приступом стенокардии? Ну тебя на фиг!

— Механизм, мой мальчик, механизм. Вот что нас интересует. Если можешь вызвать сердечный приступ, вообразив у себя болезнь этого органа, то сможешь и контролировать частоту пульса, а это чрезвычайно важно.

— Аккуратней, папаша. Заиграешься с моей автономной системой, и у меня случится шок, фибрилляция и еще что, и никакая это будет не психосоматика.

— Немного тренировок... — вздохнул Ксориалль. — Я обо всем позабочусь. А теперь просто тихо сиди и реагируй, как договаривались.

Дэмми ощутил, как разума коснулось легкое, точно перышко, щупальце пытливого инопланетного ума. Он уже привык к постоянному присутствию в собственных мыслях чужого разума, однако на сей раз это было грубое вторже-

ние, которое нарушало не только границы мозга. Дэмми резко отразил его. Щупальце вернулось, пытаясь влезть в ту же точку, и настроено оно было куда решительней. Дэмми отвел его от намеченной цели, области недодуманной мысли: впечатлений, ожидающих, когда их каталогизируют. Ксориалль этого как будто не заметил.

В течение следующего часа Ксориалль бомбардировал Монтгомери раздражителями, время от времени направляя реакции, а иной раз регистрируя чисто спонтанные ответы. Дэмми ощущал уколы, подергивания, тики, приступы острой боли – во всех частях тела по очереди. Когда же, наконец, наставник объявил, что сеанс окончен, он облегченно сдущся.

– Как ощущения, мой мальчик? Невольно заинтригован? Настроен сотрудничать отныне по полной программе?

– Ну, – произнес Дэмми, – сам знаешь, как дела обстоят. Без понятия. Понял, да?

– И всякое такое, – фыркнул Ксориалль. – И так далее. И ты-ды. Типа того. Боль-мень. Э-э-э... м-м-м... это... Наверное. Дамокл! Будь добр, избавь меня от этих туманных, неоформленных вербализаций, по сути лингвистического мусора! Ты ведь все понимаешь!

– Посмотрим, – безразлично ответил Дэмми.

– Ты меня разочаровываешь, Дамокл. В некоторых смыслах, ты не оправдываешь ожиданий.

– Ты мне сердце разбиваешь, – сказал, зевая, Дэмми.

– У твоего вида есть общая большая слабость: умственная лень. Из-за нее ваш потенциал никогда не будет раскрыт.

– Как скажешь, док. Все мы не без грешка.

– Уф! Ну что ж, можно, думаю, продолжать. Далее мы проверим передачу мысли. Очисти разум, пожалуйста, и войди в транс второго уровня.

– Не верю я в эту ерунду с чтением мыслей, – сказал Дэмми, закрывая глаза...

Серый туман разума. Мимо проплывают случайные образы. Интересно, он меня читает? Подумай о чем-нибудь еще. Гоночные машины. Тарелка спагетти. Удачный день, когда поставил на победителя...

Что-то вторгается – новая форма, чуждая для разума. Не тот любознательный шельмец, к присутствию которого Дэмми привык. Оно двигалось, меняло формы, становилось словами.

«Как слышишь меня, Дэмми?»

– Эй!

«Не говори – думай!»

«Шишел-мышел, взял да вышел. Ля-ля-тополя. На дворе трава, на траве дрова. Тили-тили-тесто...»

«Дамокл! Сосредоточься! Передавай: я... тебя... слышу».

– Бред, док, но я...

«Мысленно!»

Осторожно, стараясь не задеть засевающую в уме чужеродную форму, Дэмми вытянул фантомную конечность. Сперва неловко, затем все более уверенно, он нащупал тропинку вдоль течения и обогнул нависшее над ним пульсирующее пятно разумного света, которым был Ксориалль. Двинулся вдоль проводков электроэнцефалоидина к источнику.

Пространство внезапно расширилось. Он ощутил сложность, запутанность тонко переплетенной сети, ощутил поток и вибрацию энергий, постиг безгранично сложную схему, матрицу в основе эффекта ментального поля.

Настроился так, что теперь мог без труда сосредотачиваться и вспоминать все, что нужно, быстро просканировал обширный пласт сведений, раскинувшийся перед ним и хранимый в дальнем углу разума, замкнул его на ключе извлечения. Затем отступил.

«...хоть какие-то усилия, чтобы содействовать мне, — говорил Ксориалль. — Уверен, ты можешь гораздо лучше, мой мальчик! Раз или два мне даже показалось, что из твоего разума исходит псионическое бормотание, словно ты на пороге прорыва... Впрочем, неважно. В том, что у тебя такая генетическая недостаточность, твоей вины нет. И все же, если постараться...»

— С чего бы это? — вслух произнес Дэмми. — У меня от этого глаза изнутри чешутся.

«Мотивация, — с отвращением подумал Ксориалль. — Вот чего тебе не хватает, Дамокл. Ты не стремишься к успеху!»

— Когда уже перейдем к той части, где ты научишь меня жить вечно?

— Нет ничего проще, — резко ответил Ксориалль. — Это вопрос клеточной психологии вкупе с эйдетикой и контролируемой репликацией. Зацикленность на этой тривиальности не делает тебе чести, мой мальчик.

— Кого я пытаюсь впечатлить? — невинным голосом спросил Монтгомери. — Я не просил засовывать меня под микроскоп...

— Хватит, довольно, — вскричал Ксориалль. — Возможно, я старею и устаю. Я видел так много... и тщета всего этого порой сильнее меня. — Он с трудом взял себя в руки. — Вернемся к работе, Дамокл. Правила требуют составить полный профиль. Вот им и займемся.

Весь следующий час Ксориалль безрезультатно пытался при помощи приборов пробудить в мозгу Монтгомери хоть какие-то намеки на скрытые способности к телекинезу. Он искал потенциальные способности у подопытного ощущать предметы на расстоянии, предсказывать грядущие события, общаться с иными планами существования, к многомерной концептуализации, контролируемой временной передаче, перемещению материи и копированию.

– Ничего, – сказал он наконец. – Это просто невероятно! Псионически ты полный кретин, Дамокл... Медиум-идиот, нерепрезентативный имбецил!

– Что, правда? – огрызнулся Дэмми. – Папаша твой дебил!

Ксориалль вздохнул.

– Прошу прощения, Дэмми. Я разочарован. Я-то надеялся... впрочем, неважно. Чаяния отдельно взятого существа – ничто в масштабах галактической политики. Предлагаю на сегодня закончить. Завтра мне надо будет прояснить последние несколько моментов. И на этом...

– Что – на этом?

– Моя работа окончена, – быстро сказал Ксориалль и выдал улыбку. – Ты должен простить мне мой срыв. Все указывало на то, что от тебя можно ожидать многого, и не твоя вина в том, что ожидания не оправдались. Вообще-то, в целом, успехи твои удивительны. Ты поглотил внушительный объем данных. При этом твой собственный склад ума не пострадал. Несмотря на то, что ты теперь способен процитировать любое литературное произведение, хоть в прямом, хоть обратном порядке, или компетентно прочесть лекцию по любому известному человеку предмету, или переплюнуть любого олимпийского чемпиона на планете, ты остаешься простым, неиспорченным юношей, каким я тебя подобрал в канаве.

– Может, и так. Вот только боюсь, вся эта высокозаумная белиберда не шибко-то поможет жить по-достойному.

– Достойно, Дамокл.

– А если скажу «по-нормальному»?

– Уволь! Надо говорить «нормально».

– Ладно уж, «по-человечески». Но это ведь синонимы, знаешь?

– Разумеется, знаю. Мы с определенным интересом сле-

дили за эволюцией вашего нелогичного языка.

– Потом расскажешь, как римляне свалили из Британии, – предложил Дэмми.

– Это случилось чуть раньше моего прибытия. Знаю лишь понаслышке, зато мой предшественник помнит не-сколько восхитительных эпизодов.

– А как насчет открытия Америки?

– В то время я был только помощником техника, прикомандированным ко Вторичной наблюдательной миссии.

– А когда была Первичная?

– Какое-то время назад, мой мальчик, какое-то время назад. Ты бы удивился, узнав о неточностях в начальной оценке.

– А что было, когда в тысяча четыреста девяносто втором Колумб открыл Соединенные Штаты?

– Да ты шутник, – мягко проговорил Ксориаль. – Кроме того, даже ваши близорукие ученые установили, что задолго до Колумба Америку не единожды посещали евразийцы.

– Если точнее, – согласился Дэмми, – израильтяне, финикийцы, римляне, викинги...

– И они, и многие другие. Полинезийцы, например.

– Да, но Колумб был первым цивилизованным исследователем, открывшим ее преднамеренно.

– Некоторое количество употребленных тобой терминов требует строгого определения, Дэмми. Но, в сущности, конечно, ты выражаешь свою культурную склонность к членам своей же этнической группы. Не то чтобы это неестественно или зазорно, или даже неточно. Просто ограничено.

– Ну, так и кто открыл Америку? Индейцы, я полагаю? – Дэмми сам же и ответил на собственный вопрос. – Но что они с ней сделали? Ничего. Я не принимаю этой фигни про «благородных краснокожих». Те же гомо сапиенс: есть подонки, есть нормальные мужики.

– Ты никогда не задумывался, отчего первые писатели, столкнувшиеся с индейцами, обозначили их общим термином «краснокожие»? А ведь давно установлено их родство с народами Восточной Азии, но при этом тех же китайцев или эскимосов «краснокожими» никто не называет.

– Без понятия.

– Ну так вообрази: подгруппа, ныне известная как «белые» или «европеоиды», довольно внезапно возникла из генерализированного типа аборигенов Южно-Центральной Азии. Новичками овладело навязчивое желание выделиться, и не просто доминировать, но продемонстрировать врожденное превосходство – новую концепцию для их мира. Тот, кто доказывает, что превосходит остальных, зачастую добивается результатов выше ожидаемых – в том смысле, что в поисках новых путей «выпендриться» исследует свою психосферу и открывает великое множество новых горизонтов. Таким образом, небольшая инициативная группа светлокожих людей, окруженных заметно отличающимися от них группами, которые питали инстинктивную вражду к уродцам, ответила тем, что стала намеренно культивировать в своей среде черты, презираемые остальными. Эти самые отличия они провозгласили своей печатью превосходства, а после принялись доказывать свою правоту. Вскоре они уже расселились по всей умеренной зоне евразийского континента, хотя за Тетис в Африку так и не перешли. В Европе, разумеется, они свои позиции наращивали, тогда как в Азии сдавали. Остатки их там представляют айны и еще несколько замкнутых групп.

– Ну, и при чем тут индейцы?

– О да, признаюсь, что сбился с мысли. За тридцать одну тысячу лет до новой эры произошла миграция через Берингов пролив. Как раз в это время в Восточной Азии закрыто обитали ранние представители докавказской расы.

Выходит, что первыми «индейцами», прибывшими на территорию Америки, были белые. Они двинулись дальше на восток, через Скалистые горы и Великие равнины, в поисках лесистой местности, к которой привыкли и которую их сородичи обжили в Европе и Северной Африке. Они нашли ее на восточном побережье. Лишенные поддержки родной общины, они скатились на более примитивный уровень существования, хотя их длинные дома и инструменты намного превосходят качеством европейские аналоги того времени. Зато они расстались с лишними предметами одежды. Не забывай, что европейцам времени эпохи Великих географических открытий были чужды солнечные ванны. С рождения до смерти они укутывались в одежды с головы до пят. Солнечные ожоги были им в диковинку. Естественно, что когда они столкнулись с загорелыми людьми, то удивились их яркому окрасу. Отсюда и «краснокожие».

— А я слышал, что они просто лица разрисовывали красным.

— Смелое предположение, но не жизнеспособное. Взгляни на современные портреты Массасойта или Покахонтас — у них лица европейцев. Просто со временем вторая волна эмигрантов, более азиатского типа, разбавила, а после и задавила белый ген первопроходцев с восточного побережья. Правда, и по сей день могавки, алгонкинки и прочие демонстрируют куда больше европейских черт внешности, нежели азиатских — по сравнению с теми же навахо, например.

— Ну, и что?

— Так, просто рассуждаю. Я немного нервничаю, похоже, обстоятельства сказываются.

Дэмми нахмурился.

— Какие еще обстоятельства? Только не говори, что тебя совесть мучает за то, как ты меня похитил.

– Ни в коем разе, дорогой мой. Однако я уже говорил, что по существу моя работа с тобой окончена...

– То есть ты меня вернешь в Чикаго и позволишь жить дальше?

Ксориалль укоризненно поджал губы:

– Дамокл, я уверен, ты и сам видишь, насколько это не практично. Наделенный новыми знаниями и умениями, ты не можешь вернуться в родное общество.

Дэмми облизнул пересохшие губы и сглотнул.

– И что это значит? – Его голос чуть надломился.

– Ну как же?.. И без секретных сведений, которыми я поделился, ты становишься практически сверхчеловеком. Я содрогаюсь при одной мысли о том, какой удар ты нанесешь нынешнему течению эволюции. Мир не готов принять тебя, Дамокл.

– Эй, – возмутился Дэмми, – надеюсь, ты не задумал увезти меня к себе, куда-нибудь за триста световых лет?

– Конечно, нет, юноша, можешь не переживать. Твои останки будут погребены прямо здесь, в родном мире.

– Останки? – крикнул Дэмми.

– Ты ведь умный юноша, Дамокл, – ласково проговорил Ксориалль. – Сам понимаешь, что единственный рациональный путь – это...

– Избавиться от меня? – кое-как выдавил из себя Дэмми.

– Избавиться от тебя.

– И когда? – шепотом спросил он.

– Не ранее, чем завтра, мой мальчик. А пока – что скажешь насчет хорошего ужина, стаканчика алкоголя для спокойствия и доброго сна? После... тебя ждет вечность.

– Что я скажу? – эхом повторил Дэмми. – Хреново! Отпусти меня, ты, жулик! Сперва обманом уговорил сотрудничать, а теперь завел волюнку про «избавиться»! Ну-ну,

хорош хозяин! Тебе это даром не пройдет. У меня все же остались друзья, к тому же есть законы, запрещающие похищать и убивать людей. Похитив меня, ты совершил федеральное преступление, умник!

— Доброй ночи, Дэмми, — тихо произнес Ксориалль. — Думаю, нам обоим нужен отдых.

Уютно устроившись в постели, головой на пухлых подушках, Дэмми устремил мысленный взгляд внутрь себя. Весь день он ждал этого момента — поближе изучить внутренние чудеса, которые мельком приметил прошлой ночью.

Начал он нерешительно, мысленно касаясь черной массы уничтоженного «устройства управления»; постепенно обретая уверенность, двинулся по широким проспектам, которые ветвились и сужались; следовал упорядоченной логике, почерпнутой во время первого восторженного озарения, восхищенный неиспользованными чудесами, обнаруженными в собственном знакомом мозгу. Он лежал, не закрывая глаз и сцепив руки за головой. Глядел в орнаментированный потолок — заметив, как он лениво подумал, узор на нем только сейчас. От розетки в центре расходилось утонченное хитросплетение завитушек. Поддавшись внезапному порыву присмотреться, Дэмми слегка воспарил над кроватью, небрежно отбросив тонкое одеяло. Ядерная выпуклость, как он убедился, была трехмерным аналогом гравитационного градиента, сосредоточенного в центре типичной черной дыры: поразительно детализованный, он изображал колебания и аномалии, типичные для этого феномена. Потом Дэмми отклонился в сторону, зависнув где-то в метре под расписанным гипсом. С лентой заметил, что парит по направлению к западной стене со скоростью примерно 0,073 метра в секунду, и сносит его нежное дуновение воздушных масс из вентиляционного отверстия. Едва

подумав о нем, он устремился к заслонке и чуть не врезался в стену.

— Надо бы поосторожней, — сказал он себе. Потом, осознав, что завис в четырех метрах над полом, вернулся в кровать и накрылся одеялом.

— Телепортация. Ого! — пробормотал он. — Очешуешь, это я сплю наяву или у меня и правда получается?..

Он снова выбрался из-под одеяла и, приподнявшись над постелью, быстро облетел комнату.

— Точно, — прошептал он, с трудом сдерживая возбуждение. — И правда получается! Спорю, что...

Юркнув назад в постель, он закрыл глаза и расширил границы сознания за пределы комнаты. Прощупал коридор, спустился по шахте лифта на нижний уровень, где Ксориалль, действуя очень быстро, методично разбивал вдребезги деликатные компоненты внутри того, что Дэмми опознал как экспериментальный узел связи, тахионный «Марк IV», серия 2769. Слегка озадаченный, Дэмми отправился дальше, быстро сканируя на лету остальные части базы, заглядывая в каждый уголок, не упуская ни малейшей детали; он приметил несколько удивительных предметов, которые решил изучить позже. Затем еще расширил границы сознания и пронесся над зимним морем. Отыскал материк, сосредоточился на Чикаго и завис над городом. Внимательно поискал — найдя знакомые очертания своего дома, приблизился, сосредоточился на темной улочке, где жила Джинни. Дом оказался темен и пуст. Тогда он покинул его и отыскал девушку в толпе — опознал ее уникальную сущность методом, который не сумел бы описать — ощутил ее потрясение, страх, отчаяние. Что-то не так? Дэмми отдалился, и увидел ее на заднем сиденье автомобиля, зажатую между двумя подозрительными типами. За рулем сидел не кто иной, как Чико. Машина быстро двигалась по темной улице. Дэмми

прошмыгнулся по лабиринту страхов и желаний в мозгу Чико, внедрил импульс. Чико тут же притормозил и прижался к бордюру тротуара, заглушил мотор.

– Эй, че за дела, баклан? – прогавкал тип справа от Джинни. В руке у него появился пистолет.

– Это... послушай, Фрэнки, – промычал Чико. – Мне тут в голову пришла мысль: может, свалим? Похищение – не хухры-мухры. Мы...

– Заткнись, – отрезал Фрэнки, но тут его дружок наклонился к Джинни:

– Эй, Фрэнк, может, этот козел не так уж и не прав, – тихо произнес он. – Свалим, бросим тачку и телку. Мы пока еще не замарались. Иначе... ну, Большому Джейку-то плевать, если нас прикастрируют. И, как Чико сказал...

– Слышал я, че он сказал, – перебил Фрэнки. – У нас приказ, а Джейку Обтуличу не отказывают. Полегче, сестренка, – сказал он Джинни, когда та оттолкнула наклонившегося к ней бандюгана. – Джейк велел просто покатать тебя. Чтобы ты поняла: не дело дешевой бабенке лезть в дела больших людей. Вспомни этого баклана Монтгомери – Чико видел, что с ним стало. Дельце не оконченное. Лучше не рыпайся. Чико, а ты заводи, – пролаял под конец Фрэнки.

– Нет! – крикнула девушка. – Я не стану вам помогать заманивать Дэмми в ловушку. Где он?

«Совсем рядом, Джинни, – передал ей свою мысль Дэмми. – Со мной все в порядке, не волнуйся. Делай, что они велят».

Джинни резко вскрикнула и обмякла на сиденье.

– Дэмми? Где... как?..

«Все хорошо, малыш, не пытайся ничего понять. Я просто освоил новый фокус. Это нечто вроде телефона, только лучше».

Фрэнки хотел уже грубо схватить Джинни – и отпрянул. Почесал голову, косо глядя на девушку.

– Решила поумнеть, сестренка? – как бы безразлично спросил он.

– Да, – сказала Джинни. – Сделаю все, что скажете. Но надеюсь, что Дэмми не явится.

– Еще как явится, детка. Ты просто не знаешь, какая ты складная. – Он тихонько рассмеялся.

«Пока, Джинни. До скорого, куколка моя».

Лежа в кровати, Дэмми вдруг осознал, насколько вымотался. Сделал глубокий вдох и заснул.

ГЛАВА 5

– Еще клубничного мартини? – участливо спросил за завтраком Ксориалль.

– Конечно, – зевая, ответил Дэмми.

– Рад, что у тебя хороший аппетит, – признался, угощаясь, пожилой господин. – Правда, выглядишь ты как-то вяло. Не позволяй перспективе ухода огорчать себя. В конце концов, без моего вмешательства ты бы и так погиб много дней назад. Просто порадуйся, что тебе перепало еще какое-то количество дней хорошей еды и сна.

– Мне от этого почему-то не легче.

– Гм-м-м, – промычал Ксориалль. – Ты как будто устал. Похоже, моя вчерашняя мысль о прощальном вихре удовольствий пришлась некстати. Следовало пораньше отпустить тебя в кровать. Признаться, я ослаб в умении сопереживать низшим формам жизни.

– Кстати, о птичках, – как бы между делом заметил Дэмми, – какой отчет ты думал составить обо мне и моей расе?

– Да так, ничего особенного: среднестатистический вид, возникший случайным образом, проявляющий умеренные способности к рутинному труду.

– И какое бы место ты нам отвел в иерархии Консенсуса?

– Гм-м-м... Пожалуй, десятый класс. Вполне престижная категория, состоит из чиновников, бюрократов, исполнителей рутинной работы и представителей второстепенных

ремесел. — Ксориалль отодвинулся от столика. — Полагаю, пора переходить к насущным делам. Если ты готов, мой мальчик...

Дэмми не сдвинулся с места.

— Я не готов.

— О, ты же не собираешься устраивать сцену? Неизбежное следует принимать с достоинством.

— Ну, это смотря что считать неизбежным, — ровным тоном ответил Дэмми.

— Э? — Ксориалль озадаченно наклонил голову. — Твой обновленный интеллект должен подсказывать тебе, что это единственный логичный путь.

Дэмми кивнул:

— Я все знал с самого первого дня.

Ксориалль вскинул брови:

— Тогда почему ломаешься?

— Мне показалось, сейчас самое время известить тебя об изменении планов.

— Да? И что это за изменения?

— Сегодня я не иду на убой.

— Послушай, Дамокл, откладывая этот момент, ты лишь растягиваешь страдания...

— Я откладываю его на неопределенный срок.

Ксориалль покачал головой:

— Боюсь, это непрактично. Инструкции требуют немедленной ликвидации базы и срочного возвращения домой. Как бы мне ни хотелось потворствовать тебе...

— Предлагаю отложить уничтожение базы.

— Можно поинтересоваться, почему?..

— Она тебе еще пригодится.

— Пригодится?.. Послушай, Дэмми, мне кажется, этот фарс подзатянулся...

— Согласен. И посему ты забудешь о намерении убить

меня и продолжишь обучение.

Ксориалль усталился на Дэмми. Через секунду кивнул:

– Понимаю. Угроза ликвидации повредила твой разум. Мне очень жаль, мой мальчик. Я все же надеялся, что ты уйдешь в прекрасном расположении духа, без затаенных обид, готовый насладиться новым, последним опытом. Но, судя по всему, придется применить силу...

Ментальное щупальце наставника мягко коснулось аорты человека. Дэмми оттолкнул его в сторону и по нему же запустил зонд в мозг пришельца.

«Тебе будет больней, чем мне, – мысленно пригрозил он. – Оставь любые попытки вмешаться в мой метаболизм».

Пораженный Ксориалль на мгновение растерялся, но потом собрался с мыслями и ударил в ответ. Его псионический импульс вонзился в ментальное поле Монтгомери – и наткнулся на непроницаемый барьер. Однако Дэмми все же ощутил выпад еще слегка растерянного пришельца.

– Ну, я предупредил, – холодно произнес он. – Так как, может, уже пойдем?

– Ты совершаешь ужасную ошибку, – сломленно пробормотал Ксориалль. – Это лишено смысла. Ты навлечешь на себя гнев Галактического консенсуса...

– Вряд ли это хуже ликвидации, – перебил Дэмми. – Так как, сотрудничать будешь?

И он несильно ущипнул Ксориалля за центральный нервный узел. Пришелец застонал.

– Чего тебе от меня нужно? – дрожащим голосом спросил он.

– Ты еще не все показал на нижних уровнях. Пойдем, посмотрим.

– Послушай, Дамокл. – Ксориалль старался, чтобы его голос звучал сурово. – Выражаясь твоим же грубым оборотом речи, ты сумел меня наколоть...

– Если пользуешься моими речевыми оборотами, не обязательно информировать меня об этом. Хорош тянуть, док. Ксззпт!

– Умно, мой мальчик, – задумчиво произнес Ксориалль. – Ты сумел запомнить фразу на языке К-3. Но знаешь ли ты ее значение? Подумать только, ты пригрозил украсить стены моими внутренностями.

– Как-то так, – согласился Дэмми. – Теперь понимаю, отчего ты так дергался из-за меня поначалу: сам знаешь, что будешь исполнять приказы, а потому давай обойдемся без ритуального сопротивления. Сззклл!

Ксориалль мелко задрожал.

– Все это во имя науки, я полагаю?..

– Не-а, ради прикола. Вот, например... – Дамокл на мгновение нахмурился.

Ксориалль заверещал. Потом он раскололся посередине; внутри камуфляжа серая блестящая тушка корчилась в конвульсиях. Дэмми нахмурился еще раз:

– Кцвизлмп! – прожужжал он.

Ксориалль закрылся и поправил галстук.

– Больше так не делай, – велел Дэмми.

– Ну хорошо, выучил ты фокус-другой, – признал Ксориалль. – Определенно, этого хватит. Но что дальше? Попытками от меня ничего не добьешься. И вряд ли ты сейчас обдумываешь свой следующий шаг. Ты все еще зависишь от моей доброй воли. К счастью для тебя, я существо не злопамятное. Забуду о твоём бесчестии последних нескольких минут. Об этом чистой воды мальчишестве, спровоцированном внезапным осознанием того, что ты овладел секретами пчеловодства, бухучета и современных танцев! Только не рассчитывай, что я предам Консенсус – для этого моего терпения к тебе не хватит. Ты так запросто просишь меня показать тебе нижние уровни базы. Это невыполнимо!

– Так уж и невыполнимо? – мягко спросил Дэмми. – Сксксззпт.

– Ни за что! Низшие, я бы даже сказал случайные, формы жизни явно не достойны ничего, кроме эвфемизмов! Секретных уровней тебе не видать. По своей воле точно не покажу.

Монтгомери мысленно уколол пришельца в главный двигательный центр, и степенный старичок запрыгал на месте.

– Да и зачем тебе соваться в этот подвал?! – прокричал он. – Там ничего интересного! Ты ничего не поймешь!

«А я рискну», – мысленно ответил Дэмми на К-4 – высоко продвинутом наречии, используемом только в крайних случаях и по формальным поводам.

– Жулик! – ахнул Ксориалль. – Все-таки усвоил быстроречь.

– Ага.

– А мне лгал!

– И это верно.

– Притворялся! – до пришельца наконец дошло. – Прикидывался простачком, а сам все это время крал у меня файлы, шнырял по библиотеке и водил меня за нос!

– Все, как ты сказал, хотя описание не полно.

– Но зачем?!

– Из любопытства.

– Я тебя недооценил, – проквашал Ксориалль. – О, как сильно я тебя недооценил! Причем не только интеллект, но и склонность к лицемерию и обману! А ведь глубочайшее зондирование выявило, что ты, как и вся твоя раса, питаете открытую неприязнь к честности, искренности, прямоте!

– А ты хотел воспользоваться моей «наивностью», чтобы потом выбросить меня, как пустой тубик из-под пасты?

– Это слишком грубая интерпретация моих намерений.

– Упомяни в отчете, – посоветовал Дэмми, – что мы, может, и простые, но не беспомощные.

– Какой цинизм!

– Согласен. Теперь, когда мы все выяснили, может, уже пойдем? Сам знаешь куда.

Ксориалль неохотно направил лифт на технический уровень. Там он снова попытался отговорить Дэмми, но тот выстрелил коротким импульсом в центр боли, и это послужило убедительным аргументом. Пришелец открыл дверь, замкнутую на его альфа-ритмы, и начал спускаться по узким ступеням.

– Это вопрос безопасности Консенсуса, Дамокл. Для тебя тут нет ничего интересного. Ты бросаешь вызов нашему аппарату контрразведки – без выгоды для себя? Ты как мелкий воришка, который проник в местный офис ФБР в поисках мелочевки.

– Зптлтл, – ответил Монтгомери. – Хватит тянуть резину, Док. Начнем с секции Q-2786.

Ксориалль резко обернулся и испуганно уставился на бывшего ученика:

– Чт... откуда ты знаешь о категории Q?

– Какая разница? Знаю и все. Давай топай! Нет, не сюда – направо.

– Дэмми, умоляю, послушай меня! Ты уже добился того, чего я от тебя никак не ждал. Заставил впустить в секцию М. Уверен, тебе достанет мудрости остановиться на этом. Ты наделен способностями, каких не было и нет ни у одного человека на Земле. Ты можешь стать лидером и добиться чего только пожелаешь. Обещаю вернуть тебя в целости и сохранности назад в Чикаго. Обещаю не таить обид и подправлять свой отчет так, чтобы в Штабе не возникло подозрений насчет тебя. Это сильный удар по моей гордости, но

ты не представляешь угрозы для Консенсуса и потому моя совесть чиста. Ты вернешься домой – как и я.

– И чем предлагаешь заняться? – равнодушно поинтересовался Дэмми. – Стать маклером, подняться, потом открыть сеть брокерских контор, и так далее, пока не приберу к рукам весь бизнес?

– Не исключено, – расплывчато ответил Ксориалль. – Возможности перед тобой безграничные. Если применить, скажем, философию поло к рынку ценных бумаг... но ведь это же очевидно.

– Разумеется, – сказал Дамокл, – так зачем утруждаться и упоминать об этом? Кстати, для торгов на бирже топологические методы подходят куда лучше стратегии поло.

– Ну вот, такой кросс-дисциплинарный подход определенно сделает тебя мультимиллиардером за считанные недели.

– Деньги не все, чего я желаю. Они лишь средство, чтобы заниматься действительно приятными вещами, не более того.

– Ты удивляешь меня, Дамокл.

– По-твоему, я противоречу себе? Ну что ж, пусть так и будет: я противоречу себе. Я широк, я вмещаю в себе множество разных людей¹. Станный малый был этот Уитмен, – вслух подумал Дэмми.

– Довольствуйся тем, что есть, – взмолился Ксориалль.

– «Если игрок не умеет закончить игру, – процитировал Монтгомери, – он может проиграть игру, которую мог бы выиграть, если бы знал, как ее окончить».

– Гм-м-м... но при чем тут шахматы и сложившееся затруднительное положение? – вспыхнул Ксориалль. – Ладно,

¹ У. Уитмен. «Песня о себе» (пер. К. И. Чуковского).

не обращай внимания. Я понял: ты воспринимаешь ситуацию как вариант защиты Филидора, дебют с открытым началом. Или...

– Вот именно – или. Дай мне несколько минут, док. Обещаю ничего не ломать.

Ксориалль окинул взглядом стены, заставленные громоздкими картотечными шкафами.

– Не могу представить, зачем тебе все это, – смиренно произнес он.

– Это точно, – согласился Монтгомери, – не можешь.

Ксориалль пристально посмотрел на него:

– Ты победил, Дэмми: ты заполучил все, на что только мог надеяться, о чем только мог мечтать в самых смелых фантазиях. Теперь ты наверняка захочешь вернуться в уютное гнездышко. Предлагаю принять удачу с радостными криками и пойти своим путем. Со своими нынешними познаниями в юриспруденции, медицине, психологии и прочая ты забудешь о страхе, нужде и заботах. Бери и уходи!

– Уж больно ты спешишь меня выпроводить, док.

– Послушай, юноша, я вот что сейчас подумал, – выпалил Ксориалль, – может, подарить тебе трансмутатор? Ты сможешь создавать горы дублонов и песо, золотых двадцатидолларовиков, пятицентовиков и гривенников, россыпи рубинов и тому подобного – в общем, чего только пожелаешь.

– Хорошая попытка, док, но я не куплюсь.

– Я уже тебя предупреждал, Дэмми. Пытаться проникнуть дальше вглубь моей базы – значит обречь себя на верную гибель.

– Да поумней уже, док. Тему с ликвидацией мы проходили. Свою ставку ты не перебеешь.

– Ох, Дэмми, если забереешься слишком далеко, то ощутишь на себе весь гнев Консенсуса. А от него нет спасения,

уверяю тебя. Это не одиночный представитель сообщества вдали от дома, да к тому же в преклонных годах. — Пришелец подавил выдающийся жалость к себе всхлип. — Умоляю! Бери что хочешь и уходи. Только быстрее!

— Так и будет, — заверил его Дэмми, — но прежде проверю несколько моментов, а уж потом заживу на славу. Веди меня — вон за ту дверь.

— НЕТ! Даже не проси, Дамокл! Эту черту ты не...

— Ответ неверный. Я сам определяю границы. Ну-ка, шевелись, док.

Помедлив немного, пришелец открыл дверь и двинулся по тускло освещенному коридору. Дэмми — следом.

Миновав забитые до отказа склады, они оказались в камерах, полных тихо гудящими и весело перемигивающимися цветными огоньками аппаратов.

— Тебе следует проверить инфраординальный возвратный синтак, — заметил Дэмми. — Оптимальный уровень напряжения в стоке превышен на ноль целых триста пятнадцать десятитысячных процента.

— Обязательно, — пробормотал Ксориалль. — У меня полно неотложных дел, Дэмми. Будь добр, заканчивай этот фарс.

— Чтобы свалить отсюда, — напомнил Дэмми, — мне потребуется транспорт.

И он направился в противоположный конец комнаты.

— Дамокл, нет!

Не обращая на возражения внимания, Дэмми подошел к двери без пометок, присмотрелся к кодовому замку, вспомнил комбинацию, повернул ручку вправо-влево-влево-вправо-вправо-вправо-влево и шагнул в помещение за порогом. Эта была просторная камера, вырезанная прямо в скале, с отшлифованными стенами и полом. Большую часть пространства занимал сплюснутый у полюсов сфероид,

разделенный на сегменты по радиусу и выкрашенный в нестерпимо оранжевый цвет. Позади него в углу примостился пузырь из прозрачного пластика с колесами и винтами – тот самый циклер, на котором они прилетели.

– Ну вот, – выдохнул Дэмми.

Он медленно обошел сфероид шириной три с половиной метра; ни одна его часть не отличалась от другой, разве что в центре одной из секций располагался диск полтора сантиметра диаметром, отличавшийся цветом. Дэмми остановился, погрузился в себя и, сосредоточившись на диске, закрыл глаза. «Тройка пик», – мысленно сказал он...

Транспорт межгалактический «Марк XXXVIII», версия – 4, стиль – зееб, вместимость – 25 плотных ед.; скорость (крейсерская) – 0,876 световой; бортовое оружие – отсутствует; код поиска – MB-5; классификация – ФООБ; бюджет-код – класс 27 флеем, уунт; многоразовый. Только для официальных целей. За нарушение предусмотрено наказание в соответствии со статьей V38. Код ТО: 12-у.

– О да, – вслух подумал Дэмми. – Транспорт мне нужен первоклассный.

– Коли так, парень, то, может, тебе сгодится собранный на заказ «роллс-ройс», доставленный прямо в Чикаго? – поспешил предложить Ксориалль. – Обшивка салона из вручную тисненной кожи, коврики из меха шиншиллы, встроенный бар... А лучше – собственный самолет! А может, дизельная яхта длиной тридцать метров? Или атомный подводный катер, который с равным успехом перемещается по земле на трехстах километров в час и не менее замечательно – по воздуху, на высоте до восьмидесяти километров? Прекрасное и универсальное транспортное средство, доставит куда угодно – хоть я и не рискнул бы забираться на нем дальше Луны...

– Тебе бы подержанные тачки толкать, – сказал Дэмми. – Вот только мне они ни к чему, когда есть вещица поинтереснее.

– Дэмми! Ты же не забереешь мой циклер? Это собственность Консенсуса.

– Ну да. Как и я.

– Будет тебе, Дэмми, я был несправедлив! Да, я поступал с тобой некорректно, но откуда мне было знать?

– Не переживай, я напишу тебе блистательную характеристику, сможешь предъявить ее трибуналу.

– Дэмми! За мной не заржавеет! Я ведь и реплику «бугатти-рояль» могу создать. Сам знаешь, ностальгия в эти дни просто свирепствует. Идеальная копия оригинала из тридцатых (их было собрано всего шесть штук, и все – для глав государств). «Бугатти-рояль», полностью аутентичный, в мельчайших деталях, идеальное соответствие девятому классу. Представь, какое впечатление ты произведешь на публику, проехавшись по Стейт-стрит.

– Ты все еще считаешь меня примитивным существом десятого класса, которое можно купить за блестящие побрякушки.

Ксориалль бросил на Монтгомери укоризненный взгляд:

– Это ошибочная оценка, и я ее признал. Твой случай – первый в моей практике, когда подопытный намеренно занижает свои оценки, чтобы скрыть таланты.

– И как бы ты оценил меня в свете недавнего прозрения?

– Второй особый класс, – быстро ответил Ксориалль.

– То есть?

– Потенциальная угроза Галактическому консенсусу. О, не на многие тысячелетия, – добавил Ксориалль, – однако наши политики очень дальновидны.

– Рекомендуемые действия?

Ксориалль помрачнел.

– Ты сильно просчитался, Дамокл, поставив меня в известность о своем предательстве и своих истинных способностях. Я бы понял и, в некотором смысле, оценил твой гамбит, если бы ты продолжал вводить меня в заблуждение. В таком случае твой мир получил бы оценку как отличный источник, хоть и малочисленный, чернорабочих. Конечно, со временем обман бы раскрылся, но ты бы уже успел насладиться несколькими столетиями беззаботного самоутверждения. Для тебя лично это означало бы ликвидацию, хотя стоит ли ожидать подобной жертвы от... э-э-э... представителя столь юной расы.

– А сейчас?

– Особый второй класс требует немедленных радикальных мер по контролю, включающие чистку среди аборигенов во избежание нежелательных проявлений агрессии, инициативности, развитого воображения и прочая, а также последующую генетическую сегрегацию и повторное рассредоточение с целью выведения угодной нам породы людей. Или, как альтернатива, немедленная стерилизация планеты.

– Звучит неплохо, – обронил Дэмми.

– Как видишь, для тебя тут нет ничего интересного, – быстро сказал Ксориалль, потихоньку двигаясь к двери. – Предлагаю переместиться в камеру трансмутации. Тебе несомненно захочется прихватить центнер-другой золота, кристаллов корунда достойной расцветки и огранки и...

– Не надо торговаться, спасибо, – отрезал Дэмми. – Мне куда интереснее вот эта штука. Как называется? Волшебная Тыква?

– О, понятно, литературная аллюзия. Очень умно, мой мальчик. Однако тебе будет скучно, очень скучно...

– Мне нужно дернуть как минимум на сотню парсеков вон в ту сторону. – Дэмми махнул рукой в сторону мусор-

ного ведра в дальнем углу.

— Но... это же... у самого Денеба... и там Штаб-квартира консенсуального округа на Тризме.

— Точно. Я намерен отправиться туда немедленно.

— Дамокл, нет! Ты же не знаешь системы безопасности Консенсуса! Стоит нарушить границы территории, которая находится в нашей юрисдикции, и тебя расщепят на атомы!

— Если только ты не предоставишь мне опознавательные коды и инструкции по прохождению контроля.

— Я не могу, мой мальчик! Это информация самой высокой степени секретности! Выдав даже малейшую толику, я подпишу себе смертный приговор. Меня казнят, обратив жизненный цикл назад к рождению!

— Ну и кто сейчас играет в ритуальные возражения? — спросил Дэмми.

Ксориалль поник головой.

— В принципе, ты прав, — подавленно произнес он. — Смерть — это ничто, и я часто желал ее, но какой смысл в бесплодном жесте? Команда воскресителей оживит меня, чтобы я мог предстать перед трибуналом за государственную измену. Зато боль — это совершенно иное. Она для меня попросту нетерпима. Потому я дам тебе испрошенное. — Он тяжело вздохнул. — Однако, Дамокл... — Он искренне взглянул на своего бывшего ученика. — Ты совершаешь ошибку. Ты даже не в силах вообразить, что может тебя там ожидать... — Он повел рукой, как бы охватывая небосвод за пределами пещеры. — ...но могу заверить, что непрошеного гостя ожидает быстрое уничтожение.

— Ладно, считай, что я напуган.

— Воистину, мой мальчик, ты постиг ядерную физику, примитивную аэрокосмическую инженерию, нейрохирургию и причудливые искусства, но все это не дало тебе, увы, интуитивных прозрений, которые я так надеялся пробудить.

Ты не в силах представить сложность того общества, в которое по наивности надеешься проникнуть незамеченным. Вот скажи, что ты, например, будешь делать, если столкнешься с раптатом Триарха Грии в даستانیческом режиме?

— Я встречу его отвалом челюсти девятой категории, симуляцией джапта.

— Немного дерзко, как мне кажется, — рассеянно заметил Ксориалль. — А что скажешь о таком затруднительном положении: Гламорфу восьмого статуса грозит ринопс во время спуска по трансорбитальному вектору в (нижней) точке 8076.31 б? Что следует предпринять?

— Немедленный сброс документации на всех векторных мандалах, начиная с третьей фазы и шире.

— Разумеется... но я имел в виду твою личную реакцию в поле.

— Кладце в режиме Арфенталья сойдет, как мне кажется, — невозмутимо ответил Дэмми. — Куда больше опасений должен вызывать фазовый резонанс векторного диапазона, поскольку, полагаю, мой диск всегда в рабочем состоянии...

— Дамокл! — возбужденно прервал его Ксориалль. — Как... когда... откуда ты вообще знаешь обо всем этом? Оно же из категории высшей инстанции, доступной исключительно чиновникам ударного корпуса Зреефа! И это можно раскрывать только при обстоятельствах класса вееб!

— Если поглядишь в подпараграф 117B3972-Н-144 с дополнением, то, думаю, поймешь, что ситуация как раз такова, — холодно ответил Дэмми.

— Э-э... так это значит...

— Вот именно.

— И все же вторжение в пространство Консенсуса будет фатальным.

— И что теперь, сидеть и наслаждаться жизнью, пока там не решат, что с нами делать: использовать в качестве рабов,

разводить для грязной работы или вовсе уничтожить?

– Таковы реалии Галактического консенсуса, мой мальчик. В конце концов, как поздние плоды, вы не вправе рассчитывать, что Вселенная прислушается к вашей воле.

– Боюсь, мне это не по нраву, и я должен что-то предпринять.

– У тебя ничего не выйдет, – сказал Ксориалль, скорбно качая головой. – Последуй моему совету и правь своей маленькой планеткой.

– Странно, – удивился Монтгомери. – Пару недель назад я бы прыгал от радости, но сейчас мне этого мало. Очень мало. Какой смысл играть в игры, когда вокруг вздымаются поводковые воды?

– А, вот ты и пожинаешь первые плоды знания. Мир не так прост, каким казался прежде. Простых ответов нет. – Ксориалль тяжело вздохнул и строго посмотрел на Дэмми. – Ты выиграл эту партию, но у меня еще есть, чем торговаться. Даже сейчас я могу тебе помочь... или помешать.

– Осторожней, док. За такие разговорчики я тебя в порошок сотру.

– Не сотрешь! Ты... не сможешь, ведь ты просто играл со мной? Притворяясь, будто хочешь угнать мой «Марк XXXVIII»?

– Мне почему-то мне кажется, док, что я не буду счастлив, если вернусь в Чикаго и продолжу карьеру наводчика для Малыша Джорджа.

– Дамокл, все сокровища мира у твоих ног! С новыми знаниями не осталось такой высоты в твоём обществе, на которую ты не смог бы взобраться! Твой уровень равен уровню доктора в любой известной вашим энциклопедистам области! Ты овладел всеми ремеслами и искусствами, известными твоей расе еще со времен изобретения ручного

топора! Мир у твоих ног, вернись и правь теми, кому раньше подчинялся! Не стоит швыряться такими дарами...

— О, ну не знаю. Может, я просто не люблю, когда мне марсианин указывает? И вообще, открыл бы ты входной люк «Марка XXXVIII», — сказал Дэмми. — Используй символ.

Он мысленно послал в мозг бывшего наставника сложный глиф на К-12. Ксориалль ахнул.

— Невероятно, — слабым голосом произнес он. — Я... вынужден просить повторить. Не уловил нюансы четвертого порядка.

— Не бери в голову, — ответил Дэмми. — Очисти кодирующую матрицу, и я введу все сам.

— Но... для чего? — уперся Ксориалль. — Ты поставишь меня в очень затруднительное положение. Тебе совершенно неведомы тонкости этой операции: попытка убьет тебя...

— Забудь, док. У тебя есть запаска на Особом уровне А, помнишь?

— Ты и про это знаешь?

— Конечно, док.

— Как ни странно, я в некотором роде даже болею за тебя. Вот уже много веков высшая цель Консенсуса остается неизменной — сохранение статус-кво любой ценой. Признаюсь, время от времени меня посещали крамольные мысли, я предавался мечтам о новом, свежем ветре, который повеет в заплесневелых коридорах Галактической цивилизации, ворвется в двери, распахнутые юной и полной сил расой. Когда ты провалил тесты, я, честно говоря, расстроился, но поспешил задавить в себе разочарование. Я ведь представитель Консенсуса, ну какой мне прок пестовать бунт? И вот теперь, даже понимая, что попытка твоя заранее обречена, я... ощущаю трепет. Такого волнения я не испытывал давно. Со времен правления царя Ксосера.

Возможно, в некотором роде... неким образом... — Ксориалль бессильно уронил руки. — Увы, я брежу: ты ничего не сможешь поделать. Ты отправляешься на смерть, Дамокл, бессмысленную и ничтожную, если только не передумаешь и не останешься, дабы вкусить плотских наслаждений в сумерках юности и невинности твоей расы.

— Кое-что не дает мне покоя, док. У тебя тут сигнализация — типа тревожная кнопка на всякий пожарный. Почему ты до сих пор не воспользовался ей и не вызвал пару отрядов ваших копов?

— И снова, мой мальчик, ты ступаешь на тонкий лед. Если говорить откровенно, я не смею позвать на помощь по одной причине: моя работа над тобой — далеко не официальная рутина, я начал ее по собственной инициативе, вопреки большинству положений политики Консенсуса, которую я считал близорукой. Сейчас же с прискорбием отмечаю ее ужасную целесообразность.

— Спасибо за подсказку. Однако мы тратим время.

ГЛАВА 6

Внутри тыквообразного судна не оказалось ничего примечательного: бесцветный салон, похожий на сплюснутую утробу, мягкая обивка и полная невзрачность.

– Это, разумеется, нейтральный тип декора, предназначенный для режима отдыха, – пояснил Ксориалль. – Но ты можешь выбрать любой, какой подскажет воображение.

Он мысленно передал Дэмми несколько символов. Тот принял их, интерпретировал, закодировал и отправил на хранение.

– Это мои персональные глифы доступа, – пояснил пришелец. – Ты, несомненно, захочешь ввести свои.

– Само собой, – рассеянно отозвался Дэмми.

Обозревая содержимое инструкций, он заметил, что процесс напоминает воспоминание однажды заученного, но долго пролежавшего в глубинах памяти стиха. Слова и параграфы плавно втекали в область сознания, словно их ему, пассивному наблюдателю, загружал в голову кто-то извне. Сведения содержали все, каждую деталь, необходимую для управления этой фантастически сложной машиной, кораблем Консенсуса. Дэмми не придется продумывать каждый шаг, он будет действовать на автомате, как водитель, давящий на педаль тормоза при виде красного сигнала светофора. Ксориалль тем временем тараторил, снабжая его советами и рекомендациями, но Дэмми запихивал все это в мысленную папку «Потом».

— Да что это я чащу, как взволнованный жених, — осекся Ксориалль. — Сам себе поражаюсь, как развитие событий будоражит чувства. Впрочем, века, проведенные среди твоего народа, наложили отпечаток на мои ментальные и эмоциональные процессы.

— Отпечаток-то поди крохотный: живешь тут в изоляции, как сыч, — заметил Монтгомери.

— Я часто выбирался в люди. Следил за прогрессом, изучал шаги первых поселенцев в Северной Америке, наблюдал за жизнью австралийских аборигенов — до первого контакта тех и других с представителями западной цивилизации. Меня всегда поражали темпы вашего прогресса, но я и представить не мог, что однажды один из вас переиграет меня, причем на моем же поле.

— Не перегибай палку, док, — криво усмехнулся Дэмми. — Если б ты и правда хотел меня остановить, то нашел бы с полдюжины способов. И они все еще у тебя имеются.

— Чепуха, — отрезал Ксориалль. — А теперь тебе пора отправляться, если ты и правда намерен осуществить свой безумный план.

— Это точно. Спасибо тебе за все, Ксориалль. — Дэмми протянул руку пришельцу, и тот неохотно ее пожал.

— Удачи, мой мальчик, — тихо произнес пришелец и отвернулся. — Только никому не говори, что я тебе ее пожелал, — добавил он, обернувшись через плечо.

Монтгомери вошел в люк, и тот закрылся, как бутон цветка. Оглядев бесформенный салон, Дэмми вызвал несколько ментальных символов и разослал их по чувствительным точкам на изогнутой внутренней обшивке. На миг ощутил давление, словно окунулся в завихрение неосозаемых сил. Почувствовал, как открывается люк ангара, как корабль резво и бесшумно взмывает, и при этом Дэмми не бросило по инерции назад — был лишь смутный внутренний дискомфорт.

Дэмми исправил это и уселся на изогнутый подбитый пол, прислушался к шепотку у себя в голове – это приборы сообщали о скорости и перемещении в пространстве.

На борту инопланетного судна время текло быстро. Устав от созерцания серой клетки, Дэмми использовал продвинутые схемы корабля, чтобы усилить новообретенные ментальные техники. Представил комнату, фото которой видел в журнале: тут же под ним возник деревянный пол, накрытый дорогим ковром; вокруг встали ровные стены, покрашенные в нежный аквамарин; сверху нарисовался белый потолок с тяжелым карнизом. Одновременно материализовалась тускло поблескивающая мебель красного дерева, а за занавешенными окнами – приятный пейзаж: залитые солнцем лужайки и цветы. И все – очень убедительное.

– Эй, неплохо! – обрадовался Дэмми. – Работает!

Сперва интерьер согревал душу, но после Дэмми нашел его утомительным и «построил» себе грубую хижину времен Дикого Запада, с растопленным камином, дощатым столом, ружьем на стене и пороховым рожком над дверью. Хижину он сменил на тускло освещенный ночной клуб, а его, в свою очередь, – на веселый бар из своего квартала. В конце концов ему все наскучило.

Время шло, но после некоторых, сделанных на скорую руку наблюдений релятивистских эффектов, Дэмми уже не обращал на него внимания. Время он тратил, погружившись в себя, изучая обширные поля данных, заложенных в него обучающими устройствами Ксориалля. Больше всего Дэмми поразила история его расы, как она долго взбиралась наверх подобно тому, как поднимается под действием лунного притяжения прилив.

Потом до него дошло слепить симулякры людей-собеседников, хотя это здорово нагроулило мощности корабельных схем визуализации. Как потом отметил Дэмми, беседа с такими попутчиками не сильно искрилась.

– Эй, Дэмми, – сказал коренастый, в зюзю пьяный старичок-завсегдатай, который казался такой же деталью интерьера бара, как и крайний табурет у стойки, на котором он привычно устроился, – где мы сейчас, а?

– Пару часов назад миновали орбиту Плутона, – ответил Дэмми.

– Правда? Ну, тогда, наверное, пора врубить этот... ну, ты знаешь... транс-С привод, не?

– Выждем еще пару часов.

– Ну да, да, не хватало еще, чтобы его повредило местное Г-поле.

– Типа того.

– А как ты поймешь, что пора переключаться?

– А как гонщик узнает, насколько выкручивать руль?

– Ясно, к чему ты клонишь. Ну, дело хозяйское.

Время от времени в бар заглядывала стройная брюнетка и заказывала какой-нибудь дамский коктейль. Дэмми исподволь хотел, чтобы она присоединилась к нему в кабинке, но она скромно сидела за столиком у окна. Тогда он встал и подошел к ней.

– Не возражаете, если я составлю компанию?

– Нет, что вы.

Дэмми присел:

– Живете неподалеку?

Она смотрела практически на него – Дэмми отчего-то никак не мог уловить взгляд завсегдатаев этого воображаемого бара.

– Станный вопрос.

– Неужели?

– Сами знаете, что я нигде не живу. И вообще не живу. Я – плод вашего воображения. – Тут она вздрогнула. – Это очень странно, быть живым и в то же время знать, что ты не живой и все – сон.

— И я так себя чувствовал. Правда, удивлен, что вы все знаете. А вообще-то, я не то чтобы вас выдумал: просто задал параметры и замкнул поле на продуцирование постоянных феноменов в случайном порядке. Даже удивился, когда первым пришел Вуди и остальные.

— И каково это... быть Богом? Иметь силу созидать и разрушать?

— Я об этом не думаю. Я ведь не собирался...

— Вы создали человеческие личности, человеческие умы. Чего еще ожидали? Что мы будем как пустотелые болванчики, ходить и говорить, но не думать и чувствовать?

— Я об этом не думал.

— А может, я и мыслю-то не по-настоящему, хотя это очень похоже на мышление, и эффект тот же. Я сознаю себя — чем бы я ни была. Себе я представляюсь созданием из плоти и крови, хоть и знаю, что это не так.

— Грустно это слышать. Я просто хотел оказаться в компании людей, а не почувствовать себя чудовищем.

— Твои чувства, Дэмми, — это твое личное дело.

— Тебе нравится быть живой?

— Сама не знаю. Мне не с чем сравнивать.

— А каково это, знать, что ты... не настоящая?

— А ты уверен, что ты — настоящий?

Дэмми невесело рассмеялся:

— Эта беседа может длиться вечно.

— Как и все остальное. — Брюнетка улыбнулась, глядя ему за левое ухо, и улыбка у нее была милая. Наверное, это просто инстинктивный животный жест, который развился из оскала, когда обнажаются зубы в знак угрозы — однако улыбка у девушки все-таки была милая.

— Если ты все знаешь, это еще ничего не меняет.

— А я думала, наоборот.

— Врач-кардиолог может знать, что происходит с его

сердцем во время остановки, но ситуация от этого не станет менее летальной.

— Но ты, Дэмми, иное дело. Ты свое сердце умеешь контролировать. Ты никогда не умрешь от такого пустяка. Или от рака, или болезни артерий. Генетически твое тело всегда будет пребывать на пике формы. И ты, наверное, при желании сумеешь даже изменить свою генетику: подрастешь, сделаешь себе густые белокурые пряди, еще больше нарастишь мускулы, и...

— Ну хватит, — перебил Дэмми. — Если знаешь, что можешь, то смысла в этом нет.

— Тогда в чем дело?

— Не знаю, — сказал Дэмми. — Я ведь обрел знания, а не мудрость.

Еще в баре сидел мелкий мужичонка в спортивном костюме, с лицом, как у крысы. Чем-то он напоминал Ксориалля. Должно быть, это был след, оставленный в программе корабля бывшим владельцем.

— От этого многое зависит, парень, — сказал коротышка, глядя на Дэмми глазами-бусинами; он выпил — и галстук качнулся в такт кадыку. — Ты играешь по-крупному.

— Сам знаю.

— Что от тебя требуется, так это избавиться от стереотипов. Вот, например, сейчас — поди рисуешь себе картину: просторный мраморный зал, заседающие старцы, члены Галактического совета. Ты подходишь к ним и с трепетом просишь за народы маленькой, но смелой Земли. Советники с восхищением принимают от тебя плевков в глаза и делают все, чего ты хочешь. Но чего ты хочешь?

— Чтобы убрали свои ручонки подальше от Земли.

— А как же Солнечная система? Марс, например, другие планеты?

— И от них — тоже.

– Ага, тогда скажи еще, чтобы и соседние звезды не трогали. Не гадили там на пикниках и оставили нам что исследовать.

– А еще лучше пускай весь космос оставят в покое, – согласился Дэмми.

– А может, закатаешь губенку-то? Да и вообще, с чего им тебя слушать?

– Никто не имеет права мешать человеку.

Коротышка прищурился, скривив гаргульи губы.

– А у тебя – или лучше сказать «нас», так сказать, для атмосферы... разве у нас есть право мешать муравьям? Или совать нос в жизнь дельфинов?

– Мы существа разумные, – возразил Дэмми. – Это наделяет нас определенными правами.

– Не спорю, парень, но вдруг у ребят из космоса разумато поболее? Какими правами это их наделяет?

– Только не убивать или порабощать нас.

– А у тебя есть право изводить крыс?

– Есть, наверное.

– Болтовня...

– Я хочу, – медленно проговорил Дэмми, – чтобы человеческая раса получила возможность стать тем, чем ей суждено.

– Ради чего?

– Так ведь такова судьба. У нас со Вселенной негласный договор: мы можем брать все, что сможем.

Коротышка захихикал и отвернулся.

– Я красиво говорить не умею, – признал Дэмми. – Может, у нас и прав-то никаких нет. Может, все, что у нас есть, было у первых выползших на берег представителей животных: смутные непреодолимые инстинкты.

– Да, но так, парень, от другой части галактики не избеишься. Во времена, когда на Земле только зародилась пер-

вая клетка, они уже строили корабли куда лучше этого. Они – сама Вселенная, и это факт. У них тоже есть планы, которые вовсе не призывают племя задиристых голых обезьян тише топтать ногами. Никуда они не уйдут только лишь потому, что тебе мало места орать и размахивать руками.

– Ну, тогда придется заставить их подвинуться – нравится им это или нет.

– И каким образом?

– Пока не знаю.

– Ну, тогда флаг тебе в руки.

Пришло время переключаться на сверхсветовой привод. О его теории, строении, конструкции и принципе действия Дэмми мог бы написать целый трактат на любом из человеческих языков, но все равно не понимал этого устройства. Создавались силовые поля, использующие некую подструктуру (относительно нее и измерялась скорость света) в качестве среды, внутри которой направлялись потоки энергии. Вещество – то есть корабль, – являясь чужеродным телом внутри этой подструктуры, подвергалось воздействию сил, выдавливающих его ровно по вектору течения энергии. В итоге пространство оно пересекало за долю того времени, что необходимо для распространения электромагнитного излучения.

Маленький кораблик мчался вперед или – в зависимости от системы взглядов – последовательно разворачивался вдоль пространственно-временной траектории. Остались позади ближайшие звезды, впереди выросли и снова исчезли новые солнца. Время от времени Дэмми делал корабль прозрачным для лучей света и несли через пространство – или же висел неподвижно посреди необъятной пустоты – совершенно беззащитный перед Вселенной. Какая-то часть

его мозга отсчитывала время в соответствии с десятком схем синхронности, однако сознательно он перестал следить за этой незначительной сейчас величиной. События были: существовали в определенных отношениях друг с другом. Но происходили они в его уме. А больше ведь ничего и не было.

До тех пор, пока он не наткнулся на инопланетный разум.

Было похоже, будто безграничный кристаллический шар сознания Монтгомери внезапно кольнуло копьём энергии. Стены ментальной чувствительности рухнули; поле разума стало сжиматься, уплотняясь все сильнее, тогда как Дэмми машинально пытался отразить натиск, проанализировать его, воспротивиться ему, задержать его... Давило беспощадно, пробивая внезапно оказавшиеся хрупкими защиты, подбираясь все ближе к нему; живой, сверкающий дух, сгусток мыслей, чья поверхность кипела чужеродностью, держал крепко, искал сведений.

Допрос – как бесстрастно заметила отдаленная часть разума Дэмми – занял долю секунды, даже когда чужой разум обнаружил, что с находкой необходимо «говорить» медленно и четко.

«Что ты такое?»

«Дамокл Монтгомери, человек с третьей от Солнца планеты. А ты кто?»

«Неизвестные координаты. Опознавательный символ?»

«Нет такого».

«Статус?»

«Тоже нет. Я так, свободный разум».

«Бессмысленный шум. Причина появления в секторе?»

«Хотел в Лондон, на королеву глянуть».

«Бессмысленный шум любопытной формы жизни (классифицировать и исследовать). Документы о привилегиях?»

«Не держим».

(Быстрый обмен между допрашивающим разумом и еще одним. Слишком быстрый для Дэмми.)

«Тебе есть применение. Войди в стандартный режим...» (Появился символ.)

Пока продолжался допрос, Дэмми осторожно отследил источник голоса. Нашел какую-то туманность, ткнулся в нее, увидел точку доступа, сделал осторожный выпад...

Ослепительная боль, шквал беззвучного шума перегрузили его рецепторы и отбросили назад, оглушенного и дезориентированного.

«Отставить! Веди себя как цивилизованное существо, иначе моментально исчезнешь. Войди в указанный режим передачи!»

Дэмми собрал все силы, намереваясь ударить по зонду в точке контакта. На мгновение освободился, давление исчезло. Тогда он забросал закодированными импульсами энергетические ядра внутри стен корабля, ощутил жуткое давление, когда они ответили, почувствовал, как мимо по-неслось, вращаясь с головокружительной скоростью, время-пространство...

«...ти это и остановись!» — Голос нападавшего пробился сквозь защиту. На Дэмми снова обрушились силы. Он ощутил, как быстро меняется порядок и характер давления в разуме, как закрываются ментальные шлюзы. Его обволокла тишина, и все мысли остановились.

Дамокл Монтгомери медленно просыпался, как бы всплывая через слои осознанности, пока не ощутил боль, холод и неудобство. Мгновение он цеплялся за ускользающее воспоминание о пройденной многоуровневой бесконечности; потом сложная абстракция распалась, превратившись в гаснущие клочки ментального тумана, и пропала окончательно.

Он лежал на гладкой, чуть изогнутой поверхности вроде упругого пластика. Стены сходились под какими-то малопонятными углами, потолок был высокий, и оттуда шел приглушенный свет.

Метрах в двух от него лежала неподвижная куча, явно живая. Она слабо и неровно шипела, словно подпускающий паровой клапан. Шишковатая и узловатая шкура поминутно колыхалась и дергалась. Ни головы, ни хвоста Дэмми не увидел. Принюхался и уловил запах свежескошенной травы.

Дэмми встал на ноги. Тело казалось неестественно тяжелым и неуклюжим. Все болело; в голове ощущалась странная пустота; в ушах стоял высокий дрожащий звон. Чувствовал себя Дэмми плохо, просто паршиво. Хорошо еще, ничего не сломали; он все еще был жив, сердце билось, он дышал. Эти мысли повторялись в голове снова и снова, настойчиво — по мере того, как он исследовал непонятную комнату, в которой его заперли. Нигде — ни в стенах, ни на потолке или в полу — он не нашел и намека на выход. Не было тут и санузла. Только он и... это нечто.

Дэмми опустился на пол и привалился спиной к стене. Странное дело, разум словно онемел. Казалось, необходимость думать он последний раз испытывал очень давно. Дэмми помнил события: Ксориалль, корабль в форме тыквы, девушка с грустной и милой улыбкой... Сокрушительная атака инопланетного разума.

А после — провал. Все, что было «до», казалось далеким, лишенным эмоциональной окраски и значения. Оставалось только «сейчас».

— Я Дэмми Монтгомери, — вслух произнес он.

Голос прозвучал как-то глухо, будто Дэмми говорил в одеяло. Он хотел уже повторить, но решил: зачем? Какой смысл? Проще подождать.

– Нет, черт возьми! – воскликнул он и снова встал на ноги. Пришлось нелегко: его словно всего начинили мокрыми полотенцами. Упираясь в стену, Дэмми попробовал просканировать материал, из которого она была сделана. Мысленный импульс отскочил, как горох. Дэмми поискал швы или стыки, но не нашел. Его словно погребли в сердце мертвой планеты.

Создание, лежавшее кучей на полу, застонало – протяжно и со вздохом. Пошевелилось, вздрогнуло и выпрямилось.

Кружевной сеточкой расправились легкие, радужные крылья, переливающиеся всеми цветами радуги, шириной три-четыре метра; показалось небольшое тельце – частично покрытое золотой, пурпурной и синей глазурью, частично одетое в черный бархат. На Дэмми уставилось лицо, похожее на голову пчелы.

– А ты любишь пошуметь, – произнес легкий чистый голос.

Дэмми услышал его и понял. В то же время на другом уровне восприятия он осознал, что существо издало всего один мягкий звук, похожий на звон виолончельной струны. Это был диалект К-9.

– Прости, – буркнул Дэмми, неуклюже выговаривая это слово. Попробовал снова, но получился резкий грубый звук.

Существо встряхнуло крыльями:

– Не так громко, пожалуйста!

Дэмми всмотрелся в его лицо, пытаясь определить, какие из бусин-самоцветов или сверкающих граней – его глаза. Ему вдруг показалось важным смотреть при беседе со камернику в глаза.

– Прости, – стараясь говорить тише, повторил Дэмми.

Крылатое создание отпрянуло, будто его ударили.

– У меня предложение: если ты не возражаешь, говори шепотом.

– Что это за место? – прожужжал Дэмми, внезапно осознав, что сам перешел на К-9.

– Так-то лучше, намного. Благодарю. Так много существ, встречающихся по жизни, представления не имеют о многопорядковой системе ценностей. Предвижу, что у нас с тобой все сложится. Ты сам откуда?

– С Земли. – Дэмми подкрепил ответ наскоро набросанной мысленной звездной картой: Солнечная система, затем весь сектор галактики и положение Солнца по отношению к созвездию Центавра, звезде Барнарда, Лейтена, Вольф 359, Сириус, Росс 154, Эпсилон Эридана, Денеб и Прокцион.

– О... гм-м... Вот как? Да, далековато. Я и не знал, что Консенсус туда добрался. Как говорится, век живи – век собирай данные.

Дэмми услышал только серию шипящих плевков на быстрой речи, но понял подтекст и смысл, потому как собеседник использовал пересекающиеся с земными понятия – он словно бы играл в слова, как те же американские военные, запоминавшие немецкие фразы по созвучию с родными: «филе на танк», например, или «доктор безухий».

– Ты не ответил на вопрос, – напомнил Дэмми.

– Верно. Что ж, довольно неудобно, знаешь ли, пытаться применить концепцию пространственной самоидентификации к динамическому локусу. Впрочем, можно было бы сказать, что мы занимаем транспортную капсулу жизнеобеспечения. Ты эту абстракцию имел в виду?

– И куда направляемся?

– Данных нет.

– Ты пленник?

– Вижу, тебе приходится вербализировать концепции, прежде чем они полностью интегрируются в твой статус-

ный гештальт. Впрочем, я не устаю повторять: у каждого вида свои заморочки. Да, я узник.

— И кто тебя пленил?

— Мелкий торговый инспектор, я так думаю, Воцил Напт. Общение с ним выдалось кратким и неприятным. Похоже, ему требуется дешевая рабочая сила, чтобы возместить убытки ввиду естественного износа.

— Что за работа предстоит?

— Все как обычно, думаю. Специалисты по ассимиляции, сличению, разделению и оценке... В суборигинальной категории вечная нехватка расчетных мощностей, да ты и сам все знаешь...

— Ничего я не знаю. Как тебя зовут?

— Э?

Дэмми мысленно передал ему понятие об идентифицирующем эго символе.

— Любопытно, — заметил крылатый, — чрезвычайно любопытно. Я — есть я, кто же еще? О, я понимаю, для тебя необходимость закрепить неуникальный ярлык за уникальным феноменом тем не менее актуальна, хотя и избыточна по своей природе. Ну, если на то пошло, можешь называть меня... Флосс.

— Хорошо, Флосс... как отсюда сбежать?

На миг в голове у Дэмми образовалась пустота, которая сменилась аморфным эмоциональным ударом поразительной тяжести.

— Бежать? — эхом повторил Флосс с интонацией, которую Дэмми интерпретировал как шок и удивление. — Самовольно избавиться себя от повинностей, наложенных властями Консенсуса? Поразительная идея. Можно ли о таком говорить серьезно?

— У меня еще есть дела, наведаться кое-куда надо, — ответил Дэмми. — Нет времени на рабство.

– Прямота, с которой ты мыслишь, поразительна и лишает самообладания, – признался Флосс. – Разве в тебе нет почтения к традиции? Уважения к институту власти? Страха перед последствиями?

– Ни капельки.

– Удивительно, – произнес Флосс. – Прямо-таки невозможно, невыразимо непрактично и заранее обречено на провал... и тем не менее удивительно, любопытно и будоражит.

– Много ты об этом месте знаешь? – спросил Дэмми. – Как нас кормят? Как мы сюда попали? Что снаружи? Сколько тут охраны? Скоро ли доберемся до пункта назначения? Есть ли на борту оружие? И что...

– Постой, постой! – воскликнул Флосс и наполовину сложил хрупкие крылья. – По концепции за раз. Побег. Побег! Разве можно вообще думать о таких вещах?

– Возможно все, – сказал Дэмми. – Остальное – детали.

Ровно через четыре часа, девятнадцать минут и двенадцать секунд после того, как Дэмми очнулся на борту тюремного корабля (как ему подсказали собственные внутренние часы), в невзрачной стенке, словно зрачок, открылся люк, и внутрь влетели две десятисантиметровые алюминиевые сферы. Дэмми моментально выстрелил в отверстие следящим импульсом и успел охватить разумом сеть автономных схем, связывающих системы жизнеобеспечения, навигации и приводы с энергогенератором, но тут связь отрезало, как ножом гильотины.

– Такой непроницаемости просто быть не может, – сказал Дэмми, вгоняя в стену наскоро оформленный импульс. Как луч фонарика – в кирпичную стену.

– Ты изумительное существо, – сказал Флосс. – Щиты, конечно, не столь непроницаемы, как ты верно заметил. Это

нелепо с точки зрения физики. Стены – высокоэффективный отражатель. И все же, – добавил инопланетянин, – ты сумел урвать определенный объем информации до того, как закрылся сфинктер. Довольно умно. Ты и правда быстр. Удивительно быстр. Расскажи мне о своем доме, Дамокл. Давно ли Консенсус включил его в свой состав?

– А он не включил. И никогда не включит.

Эту реплику Флосс нашел не менее удивительной, чем предыдущие. Он принялся задавать вопросы, а Дэмми коротко отвечать.

– Неслыханно, – сказал наконец пришелец, исчерпав запас вопросов. – Дикий мир, вольнорастущие организмы вне структурной организации Консенсуса! Восхитительно!

– Как я понимаю, в галактике полно независимых миров, до которых еще не добрался Консенсус. А те, до которых добирается, он поглощает, загоняя аборигенов в рамки, а то, что в эти рамки не вписывается, срезает. Потом катится дальше, словно паровой каток, укладывающий асфальт, по муравейнику.

– Открытие новых видов – особенно разумных – не столь обыденное событие. Само собой, стандартная процедура включает классификацию подобных организмов и пристраивание их к делу, чтобы избежать пустой траты ресурсов. Сама мысль о том, чтобы примитивная форма жизни перехватила инициативу, завладела кораблем офицера Консенсуса и – о, чудо из чудес! – проникла в пространство Консенсуса... Что ж, ты должен простить меня, дружище, но поверить в такое очень тяжело.

– Разве никто не пытается дать отпор?

– Вопрос не в том, чтобы дать отпор – в том, смысле, в каком, как я понял, ты об этом говоришь. В таком деле выбора оставляют не больше, чем домашнему скоту – как мне видно из твоей памяти – относительно сроков его рождения.

Скот просто рождается и принимает все, что свойственно его жизни, а потом в определенный день его забивают, без предупреждения и сострадания. Так же и с простыми народами, собранными длинной рукой Консенсуса.

— И тебя эта программа удовлетворяет?

— А ты умеешь задавать неудобные вопросы. Удовлетворяет? В чем состоит это самое удовлетворение? Конечно, будь у меня неограниченная власть над материей, временем и энергией, я бы реорганизовал существующий порядок жизни. Но на какой манер? Предположим, меня волнует голод. Я бы утолил его должным питанием — или не утолил бы? А может, лучше сделать так, чтобы никто в еде не нуждался? Если бы мне не хватало друзей и одобрения с их стороны, что ж, я окружил бы себя друзьями, такими, чтобы восхищались моими достижениями. Однако если я могу вызывать восторг, то зачем мне заботиться о достижениях?

— Для меня это слишком сложно, — сказал Дэмми. — Давай будем держаться того, что знаем: мы заперты и нам надо выбраться. Это прямой вопрос, подразумевающий четкий ответ.

— Выбраться, говоришь? Мои мысли забегают вперед — к размышлению над последующим ходом действий. Какая роль ожидает беглого раба? Какую нишу может он надеяться занять в мирском потоке?

— По одному вопросу за раз, Флосс. Как много ты знаешь о капсуле, в которой нас запечатали?

— Довольно мало. О, я видел подобные ей, но структурой их себя не занимал.

— Из чего она сделана?

— Опять-таки твои вопросы подразумевают чрезвычайно причудливый подтекст, структуру с подоплекой диковинного характера. И все же я попытаюсь проникнуться твоим

духом. «Сделана», говоришь, а не «из какой энергетической матрицы составлена»? Сделана! То, что сделано, может быть и разделано. Возможно, Дэмми, ты прав! Почему нет? Почему нет!

– Сферы, что впрыгнули сюда снаружи, – зашел с другой стороны Дэмми, – что они такое?

– Питание. Странно, что ты свое не принял.

Дэмми взглянул на лежащие в стороне шарики. Один из них утратил перламутровый блеск.

– А я-то думал, что поймал Вселенную за хвост, – с грустью сказал он, – потому что познал местные искусства и ремесла и даже выучил парочку вещей, для которых нам дан разум. И вот я очутился в собачьем приюте, где смотрители думают, что бродяжки могут телепортировать еду из контейнера себе прямо в желудок. – Дэмми помолчал. – Отсюда вопрос: почему они не телепортировали еду через стену? Зачем нужен люк?

– Ты делаешь неверное предположение. Никаких смотрителей нет. Это транспортное средство полностью автоматизировано.

– Ну вот, это уже кое-что. Значит, команды нет? Только мы с тобой да стены. А снаружи? Вне этих стен мы можем жить?

– Вакуум, излучения различных видов, само поле сжатого пространства...

– А что ведет корабль? Куда он летит? На какой тяге?

– Капсуле задан определенный маршрут, по нему она и летит, само собой...

– Почему по нему?

– Ну как же, разве может она послушаться?

– У нас с тобой разговор не клеится, – сказал Дэмми. – Ты слишком многое принимаешь как данность, вопросов не задаешь. Может, и я совершаю ошибку – от противного.

Остановись и подумай: капсула может изменить курс, если вдруг случится сбой.

— Сбой, — вслух подумал Флосс. — Очередная экстравагантная концепция. Устройство, созданное для определенной работы, выполняющее эту работу и вдруг, вместо нее, начинающее исполнять что-то иное — или вовсе ничего. Чудесно! Дэмми, ты уже привнес в мою жизнь столько новизны, сколько я и не надеялся почерпнуть за весь отведенный мне срок!

— Мои вопросы забавляют тебя, — заметил Дэмми, — но ты не отвечаешь.

— В твоем мозгу я вижу метафору, — сказал Флосс, — и я ею воспользуюсь. Вообрази, что тебя спрашивают: «Почему небо не падает? А высоко ли оно? Почему куры не несутся котятками?» И все же твоя позиция понятна. Я даже не стану пытаться втиснуть твои запросы в рамки моего собственного мышления. Я просто снабжу тебя данными, а ты сам их обрабатываешь, как тебе надо. Посмотрим, что из этого получится! Итак...

Флосс объяснил, что капсула состоит из концентрированной энергии, почерпнутой из напряжения в ткани пространства-времени; что пункт назначения был закодирован в ней еще в момент разработки, и этот маршрут — такая же ее часть, как генетический набор живой клетки.

— Но ведь случаются мутации, — развил аналогию Дэмми. — Гены можно модифицировать.

— Тогда надо получить доступ к плазме. А его здесь нет.

— Когда снова откроется люк и нас будут кормить?

Флосс переправил ему в мозг образ истекшего времени. Дэмми интерпретировал его как двадцать один час и четыре минуты.

— А как с уборкой отходов?

Это был очередной вопрос, потрясший и напугавший инопланетянина. Похоже, известные разумные расы попросту не практиковали столь нерациональное действие, как избавление от неиспользованных молекул.

— Хорошо, — сказал Дэмми. — Выходит, тот, кто меня тут запер, просчитал не все. Он, она или оно упустили один момент. А может, даже несколько.. В стенах есть другие отверстия?

— Люк, как ты его называешь, это не то чтобы отверстие, — поправил Флосс. — Он представляет собой замкнутую дискретность силового поля...

— Пофиг, — сказал Дэмми, — если только это не поможет нам захватить корабль. Буду и дальше думать, что это отверстие.

— Отверстий больше нет.

— Я видел какие-то схемы.

— Сейчас посмотрю.

Флосс коснулся его разума своим — легко, словно ветер всколыхнул траву. Когда проникновение практиковал Дэмми, это было похоже на неуклюжий, бестактный взлом. Флосс быстро просканировал схемы и чертежи в мозгу Дэмми и показал главный узел.

— Инициированный вот тут случайный импульс должен оказать сильный разрушительный эффект на структуру функционирования, — сказал он.

— А если импульс будет не случайный? Что если перестроить структуру и загрузить оформленный импульс, который перенаправит капсулу?

— Полагаю, это реально, если только ударим достаточно быстро, по вектору...

— Мы сможем создать нужный импульс. Если объединимся и ударим разом...

– Дэмми, мне начинает казаться, что это сработает! Легкая переориентация тут... модификация шаблона давления там...

Он ловко переправил Дэмми образы последовательности и формы необходимого понижающего импульса.

– Если удастся получить контроль, – сказал он, – это будет чисто символическое действие, конечно же. Власть не позволит нам существовать как случайным факторам в статус-кво Консенсуса. Однако удовлетворение от этого поступка – награда сама по себе.

– Не согласен, – возразил Дэмми. – Обсудим это после, когда освободимся. Куда перенаправим капсулу?

– Мы же просто повредим ее программу и запустим в случайном направлении. Разве это так важно?

– Откуда ты родом, Флосс?

– Крошечный мир на орбите захолустного солнца, наподобие твоего, Дэмми. А что?

– Почему бы не отправиться туда?

– Вернуться на Альмиону? – Дэмми уловил отголоски инопланетной ностальгии, калейдоскоп образов: желтые луга, залитые зеленым солнцем, леса мальвовых деревьев, отбрасывающих пурпурные тени, широкие крылья, расправленные в свете луны цвета слоновой кости.

– Вернуться, – повторил Флосс. – Вновь увидеть места, откуда я начинал, и, возможно, переплести ткань своей судьбы, составить новый, более приятный рисунок... Но все это фантазии. Галактика неизмеримо широка, Дэмми...

– Попытка не пытка.

– Я охотно верю, что ты производишь из расы диких существ, не испорченных цивилизацией, – сказал Флосс. – Ты озвучиваешь идеи, обрушивающие представления, возраст которых – половина срока жизни звезды. Часть моего разума призывает бежать в страхе от хаоса, который несет само

твое существование. Зато другая – та, что томится под гнетом жизненных ограничений, – тянется к тебе и твоему безрассудству.

– Вот и хорошо, – сказал Дэмми. – Давай готовиться.

Время, заметил Дэмми, летело с невероятной скоростью, когда его разум был полностью занят. Вычисления, которые отняли бы часы в дни до его тренировок, сейчас занимали не больше секунды. Однако, когда он полностью обратил внимание на решение сложной проблемы, уйдя с головой в расчет вариантов, отслеживание множественных линий гипотетических исходов и учет последних, пока рассматривал и пересчитывал новые параметры, незаметно пролетели целые часы.

Когда они с Флоссом закончили анализировать данные по схемам, которые Дэмми уловил за долю секунды, пока люк был открыт, и подготовили удар, Дэмми снова вернулся к реальности и обнаружил, что силы на исходе. До попытки оставалось всего два часа. Тогда он растянулся на упругом полу и, закрыв разум, заснул.

«Что ты делаешь?» – раздался в голове вопрос Флосса.

«Сплю. Примитивная привычка, от которой вы, наверное, давно-давно избавились. И зря. Многое теряете».

«Постой! Ты ускользаешь...»

«Еще вернусь. Мне надо вздремнуть. Я устал...»

– Дэмми! – Монтгомери проснулся от крика пришельца.

Флосс висел в воздухе, раскинув крылья. В трепещущей радужной пленке их текстуры переливался свет из неведомого источника.

– Зачем тебе крылья? – спросил Дэмми. – На вид хрупкие. Я знаю способ намного проще.

Он перешел в режим левитации и воспарил над полом. Сперва потребовалось много усилий, чтобы удерживаться

в воздухе, но потом стало проще. Дэмми пронесся по необычно скроенной комнате, облетев Флосса, который сжался, трепеща крыльями. Дэмми заметил, что стены тут куда сложнее, чем ему показалось на первый взгляд. Они не просто сходились по углам, а шли внахлест, как театральные колосники, и между ними еще оставались широкие зазоры. Дэмми втиснулся в один такой и оказался в искривленном коридоре. В лицо ударил порыв свежего воздуха, и Дэмми полетел дальше – в спину ему неслись стихающие крики Флосса. Он следовал бесчисленными изгибами и поворотами, и, наконец, впереди забрезжил свет. Миновав пеструю бисерную занавеску, он оказался на высокой террасе с колоннами и видом на открытое небо. Внизу за пеленой утренней дымки проглядывала лагуна неземной красоты. Вдалеке, наполовину скрытые туманами, маячили дрейфующие острова. Из невидимого источника доносилась звенящая мелодия, повествующая, как казалось Дэмми, о зачарованных лесах. Он опустился. Мраморные плиты под ногами отдавали холодом дремлющих недр земли.

Дэмми прошел к балюстраде на краю террасы. Вниз уходил отвесный обрыв, у основания которого бились пенные волны. Далеко вверху плыли облака, похожие на части недостижимого пейзажа, как острова в волшебном море. Обширная, чистейшая пустота так и манила. Дэмми ступил на изогнутый резной парапет, подался вперед, ожидая, что ветер подхватит его и вознесет...

Он падал камнем, парализованный, не в силах пошевелиться и даже закричать. С трудом выдавил из себя стон...

Рядом оказался Флосс, его крылья полоскали на ветру. Протянул к Дэмми тонкие, как веточки, руки, схватил его и расправил крылья. Великолепных цветов мембрана напряглась и натянулась, падение замедлилось. Потом ребра выгнулись, гобелен лопнул и заполоскал на ветру лоскутами.

Обмотанные многоцветным рваньем, они оба упали во тьму – окруженные оглушительным шумом, сравнимым с ревом Ниагарского водопада...

Монтгомери насилу избавился от пут, извернулся лицом вниз, раскинув руки-ноги, запрокинув голову – и приказал себе взлететь...

И проснулся от удара. Он лежал лицом вниз, выгнув спину, раскинув руки и ноги. Мгновение ждал, что его охватит непереносимая боль. Потом расслышал, как его по имени зовет Флосс. Дэмми, хрипя, перевернулся и сел.

– Дэмми! Что произошло? Как...

– Кошмар, наверное, – сказал Монтгомери. Образы из сна медленно таяли.

– Я был с тобой, – сказал Флосс, и в его голосе слышалось благоговение. – Ты перенес нас в страну, необычайнее которой я еще не видел. Этот мир ты создал усилием разума, и хотя я это знал, его законы связали меня, как континуум четвертого порядка.

– Прости, – извинился Дэмми. – Я не нарочно.

– Ты напугал меня, Дэмми, – признался Флосс. – Я заглянул в твой разум и увидел там невероятные глубины. Ты в них бродил, создавая и разрушая Вселенные, точно безумный бог.

– Это же просто сон.

– Мне следовало бы избегать тебя, – сказал Флосс. – В тебе есть нечто разнузданное и несдерживаемое, кипящее дикой силой, какой Вселенная еще не знала. Ты пугаешь меня – и в то же время даешь надежду.

– Вот только не надо меня демонизировать. Я за свое подсознание не отвечаю.

– В этом и кроется опасность и надежда. Сперва я отнесся к тебе снисходительно, ты забавлял меня: такой необычный и экстравагантный, внес искорку новизны в мою

предопределенную жизнь. Но теперь... мне больше не смешно. Космос кишит великими силами, Дэмми, и сквозь твой необычный разум я мельком их разглядел. Это отпугивает и притягивает. Я понимаю, как узко мое восприятие многопорядковой реальности, какую мелкую роль играет разум. Когда ты только заговорил о побеге, я содрогнулся: столь смелый вызов порядку мелочных вещей! Ну а теперь я вижу: Консенсус – лишь пена на глади пруда реальности, за которым лежит великий океан. Мне страшно, но я пустился бы в плавание по нему, даже если бы это привело к гибели.

– Вот и славно, – сказал Дэмми. – Вот и готовься. Люк откроется через четыре секунды.

Он дал мысленный сигнал, пробудивший заранее приготовленный шаблон атаки, ощутил, как мощное поле Флосса мягко сливается с его. В нематериальной оболочке, окружавшей их, сместились векторы силы, энергии развернулись и потекли иначе. Появилось отверстие; они ударили вместе, расширили свое поле, чтобы внедриться и уподобиться сети силовых линий, лежащей в основе узилища. Быстрыми и четкими ударами перестроили матрицы напряжений, переписали координаты, перенаправили контрпунктические потоки внутри энергетического поля. Реальность сменила систему координат; неосязаемые переплетенные плоскости сдвинулись, огромные нематериальные шестерни пришли в сцепление. Все неким образом... начало меняться.

Флосс затрепетал, прядая крыльями.

– Похоже, ты нашел плоскость проницаемости среди слоев энергий, – изумленно проговорил он. – Дай секунду, чтобы освоить этот принцип через призму математики.

– Притормози. Ты забегаешь вперед. Заметил, как я расплел узлы напряженности, что, разумеется, приведет эндо-

косм к подобию с экзокосмом, и... Чего мы ждем? Давай выбирать!

– Ты полетишь со мной на Альмиону? Или мне лучше не пытаться?.. Ты, странное создание, предложил и впрямь хрупкую и ненадежную идею.

– Если работает – используй.

– Дэмми! Ты снова меня изумляешь. Твоя логика надежена чистой красотой теоремы Паминдора. Но – начнем.

– Погнали, – сказал Дэмми, ощутив, как странно сводит мышцы лица и выкручивает язык, тогда как голос ревет и вибрирует в замкнутом пространстве.

Флосс сжался, сложив крылья. Дэмми закрыл глаза, осторожно выставил ногу вперед. Провалился в липкую жижу, выдернул ногу, пошарил и, наконец, нашел опору. С большим усилием, цепляясь за шипастую лиану, сделал еще шаг, встал на упругий холмик, отдышался. Обернулся в поисках попутчика. Во мраке, который даже здесь, на краю обширного, источающего миазмы болота, был вечен, он с трудом разглядел хрупкую фигуру.

– Ты как? – тихонько спросил Дэмми.

– Кажется, я застрял, – прошептал в ответ Флосс голосом, дрожащим от еле сдерживаемой паники.

Работая охотничьим ножом, Дэмми принялся резать лианы и пробрался к инопланетянину. Горячий влажный воздух окутывал, словно тяжелая мокрая простыня.

– Давай, – поторопил он, – не так уж и далеко осталось.

Схватив Флосса за тонкую руку, он провел его до участка твердой земли. Где-то поблизости что-то пронзительно заклекотало, послышался всплеск. Флосс жался к Дэмми.

– Возможно, нам лучше вернуться, – дрожащим голосом предложил он.

– Как будто один путь вокруг Вселенной короче другого, – напомнил Дэмми и двинулся дальше.

Тянулись субъективные часы. Дэмми внезапно осознал, как устал. По всему телу саднили царапины от шипов. Бедолага Флосс стойко плелся позади, то и дело слабо побряхтывая. Дэмми то и дело приходилось возвращаться, чтобы освободить хрупкое создание из плена трясины, лиан или переплетенных ветвей. Наконец впереди показалась твердая земля, едва приметная в свете маленькой бледной луны, – склон блеклого серого холма. Преодолев последние метры, Дэмми рухнул ничком без сил.

«Странно, – еще подумал он, – как похожа поверхность, на которой он лежал, на пол в тюремной капсуле». Открыв глаза, он увидел похожие стены. Рядом, сидя на корточках, оглаживал крылья Флосс.

– Что.. – начал Дэмми. – Да как же... после стольких часов... если не дней?

Флосса это как будто не заботило.

– Невероятно, – заметил он секунду спустя, – мне кажется, мы преуспели.

Жизнь в тюремной капсуле после захвата нисколько не изменилась. Ощущения движения не было, и за временем получалось следить только по периодической доставке пайка и сопутствующей уборке отходов – дело, с которым Монтгомери справлялся посредством простого трюка с телекинезом. Перемещал отходы в опустошенные капсулы и отправлял во внешнюю среду, природа которой оставалась неопределенной в терминах любой из земных наук.

Переход в изначальную точку назначения мог бы потребовать несколько месяцев субъективного времени; точнее сказать Флосс не мог, потому как был не в курсе, куда именно капсула направляется. А путь до Альмионы, прикинул он, мог занять месяц. Поскольку понятия скорости и расстояния были относительны, не получалось произвести бо-

лее точных вычислений — не хватало данных. А еще была вероятность, напомнил себе Флосс, что они вообще никогда туда не придут.

— На самом деле, мы вообще можем стоять на месте, говоря релятивистски. Вмешательство в систему свело на нет как пространственные, так и временные транспозиционные торсионы, оставив нас на мели в нулевом пространственно-временном слое, где мы вполне можем застрять навечно.

Дэмми предложил попытаться расширить границы внешнего сознания и оценить природу отношения капсулы и экзокосма, однако Флосс отговорил его.

— Попытка проследить наш прогресс может вмешаться в феномен, который мы сами же хотим проверить. Давай оставим все как есть.

Пришлось Дэмми согласиться. Время еле тянулось. Большие его отрезки Дэмми уделял изучению новых данных в голове, но в конце концов ему это надоело. Занятие здорово напоминало повторение таблицы умножения. Данные из головы все равно никуда не денутся, понадобятся — Дэмми к ним обратится. Однако потребность в достижениях мелочных дисциплин, выработанных в узком контексте геоцентрической концепции, была, как стало очевидно, сильно ограничена.

— Я могу скреплять колосники, тянуть проволоку, дубить кожу и чинить электронные микроскопы, — рассуждал он вслух. — Ищу работу. Разумные расценки. Гарантия на все.

— Не сердчай, но твои навыки имеют узкую сферу применения, — утешил его Флосс. — Все мы усваиваем этот урок. Ты сам поймешь, что базовые шаблоны мышления адаптируются к новым ситуациям. Терпение, Дэмми. Когда достигнем Альмионы, ты определенно заметишь расхождения в том, как различные — однако, надеюсь, не враждебные — расы овладевают искусством жизни.

Дэмми до некоторой степени удалось оживить фантомы, составлявшие ему компанию еще на борту угнанного корабля Ксориалля. У него получилось вызвать гипнотические галлюцинации замечательной правдоподобности, однако живыми они ему казались не более чем карандашный рисунок. Да и это занятие вскоре наскучило.

Флосс надолго впадал в подобие коматозного состояния, из которого его можно было выдернуть телепатическим призывом, хотя беседа ради беседы инопланетянина мало занимала. К просьбам Монтгомери рассказать о родном мире он оставался глух.

— Сам скоро все увидишь. Или, как альтернатива, не увидишь. В последнем случае, знание о моей планете тебе ни к чему. В первом же, твои собственные впечатления окажутся куда точнее моих вербализаций и описаний.

Так время и шло. Дэмми спал, держа определенную часть разума поодаль от неуправляемого сна, в состоянии бодрствования, чтобы не пропустить тревожных событий. Или сканировал литературу, вызывая ее из глубин сознания, оценивал и после внедрял в свою картину мироздания. Или практиковал новообретенные способности, выделявая акробатические трюки, производя вычисления в уме, пересматривая в деталях собственное прошлое. Последнее вогнало его в депрессию, и Дэмми к этому больше не возвращался.

— Даже без того, что стало со мной, — говорил он Флосу, — я бы мог сделать куда больше, чем делал. История моей жизни — это перечень упущенных возможностей, неиспользованных шансов, вызовов, на которые я не ответил. И не было ни дня, когда бы я не мог испытать что-нибудь стоящее, но я этим не воспользовался. Я, если и продвигался вперед, то лишь случайно, когда все инстинкты криком предупреждали против даже искорки любопытства. У меня

были амбиции, но то были амбиции, зажатые в узкие рамки тривиальности. Саморазвитие для меня заключалось в покупке – или угоне – машины покруче. Понятие прогресса состояло лишь в том, чтобы прикинуться моднее. У меня были молодость, здоровье, мозги. Я мог всего добиться в мире, который знал. Мог стать королем планеты, великим ученым, художником – да кем угодно – или всем сразу.

– А рыба могла бы выскользнуть из сети, сумей она понять природу сети и собственные возможности. Но она не выскальзывает. И ты бы не выскользнул, зато теперь заешь больше. Не много, конечно же, но больше, чем раньше. Возможно, когда-нибудь ты станешь ценить то, что поистине ценно. На это стоит надеяться.

– Я-то себя считал гением. Угоняя у Ксориалля корабль, я думал, что Вселенная – моя устрица.

– Ты все узнаешь, Дэмми, – сказал Флосс и снова погрузился в свой недосон.

На девяносто четвертый день капсула без предупреждения мигнула и пропала, оставив Дэмми и Флосса лежать на мягкой фиолетовой траве у кромки алого озера.

ГЛАВА 7

— Не этого я ожидал, — признался Дэмми.

Они с Флоссом лежали на упругом мшистом холмике под навесом из широких голубых листьев рядом с необычной конструкцией, жилищем, которое — как заверил гостя Флосс — принадлежало всякому, кто пожелает им воспользоваться.

— А дома, у тебя дома, Дэмми, все соответствовало твоим ожиданиям?

— Нет, но то было другое дело.

— Как же, как же.

— Я могу дышать здешним воздухом, — вяло произнес Дэмми. — Притяжение почти нормальное, может, на шесть с половиной процентов ниже. Солнце не жарит смертельным излучением, нет скоротечных смертельных болезней. Я в такие совпадения не верю.

— Нет тут совпадений, — заверил его Флосс. — Наши пленители не поместили бы нас в такую среду, которая была бы враждебна одному из нас, а потому мой мир для тебя безопасен. Что до болезней, то идея мне понятна из твоих мыслей, однако уже давно наш цивилизованный мир не знал подобных паразитических форм жизни.

— Я думал, звездолет окажется ракетой размером с истребитель, с металлической обшивкой и тесными каютами, затхлым воздухом и машинным отсеком. Думал, что космический полет — это когда сидишь в кабине пилота и смот-

ришь на звезды. Думал, что посадка в другом мире будет шумной и жесткой, будоражащей и опасной, что нас встретит делегация или толпа, готовая линчевать, что надо будет заполнить бумажки или тяпнуть рюмочку, а потом будут пафосные дискуссии с властями, которые начнут спрашивать паспорт, кто я такой, чего хочу, и тебе придется за меня вступиться, изливаться перед ними, чтобы меня в тюрьгу не упекли, а то и вовсе не выслали, и что потом я кинусь создавать комитет по спасению Земли, и...

— Дэмми, я так понимаю, ты просто забавляешься рассуждениями вслух. Ты ничего такого не ожидал. У тебя есть любопытная привычка сперва выдавать идеи, основанные на стереотипах, а после формально вербализировать их, словно так ты убеждаешь самого себя в структуре реальности. Определенно, в свете сложившихся обстоятельств в этом нужды нет. Идем, — уже веселее добавил Флосс, — покажу тебе свое убежище.

Он повел Дэмми по едва приметной тропинке между зарослями пушистого бледно-лилового мха, который приятно контрастировал с фиолетовой травой. В стоячем воздухе ощущался слабый душок чего-то вроде лимонного дерева. За поворотом, огибающим выступающую часть пурпурно-черной роши, Дэмми и увидел обещанный дом: похожая на пузырь конструкция с бледными прозрачными стенками, сидящая на паутинно-тонких сваях вроде ног самого Флосса. Инопланетянин остановился и сделал рукой жест.

— А вот и мое гнездышко, — радостно произнес он. — За неимением гения в искусстве науки или важного поста в механизме социума я воспользовался наличными талантами и энтузиазмом, дабы произвести этот островок мира и порядка. Я бросил себе вызов, стремясь создать совершенство, владея лишь ограниченным представлением о понятии совершенного. У каждого существа, живого или косного,

есть свой потенциал; развить его – значит довести существо до совершенства. Я постарался воплотить оптимальное сочетание красоты и пользы. Каждая функция, цвет, текстура и форма сбалансированы по отношению друг к другу, создавая гармонию, соперничающую с таковой в естественной среде. Тут учтено все, вплоть до последнего атома; я не пошел на сделку с совестью, пытаюсь обойти трудности или дороговизну. Все тут составлено безупречно и таковым остается. Тут нет углов, где затаились бы ошибка или грязь. Мой дом, по сути, является материальным воплощением моих представлений о гармонии вселенной, собранием всего, что мне дорого... Но я увлекся. Идем, оценим степень моего успеха.

Он повел Дэмми по извилистой тропинке между клумбами ярких цветов, через небольшую безупречную лужайку пурпурно-красной травы и вдруг остановился. Дэмми увидел разбросанные тут и там куски дерна. Четыре небольших кустика в белом цвету лежали корнями вверх.

– Я выбрал это место вдали от великих центров нашего общества, потому что воздух здесь чист и спокоен.

Флосс подергал похожим на ухо отростком, в котором Дэмми опознал орган обоняния. Одновременно с этим он сам уловил легкий душок подопревшего мусора, примешивающийся к гардениевому аромату цветов. Откуда-то донесся визг, похожий на поросычий.

Флосс медленно обернулся в направлении звука. И в тот же миг приглушенно бумкнул взрыв, высокое дерево по другую сторону дома задрожало и медленно рухнуло, исчезнув из виду. Взметнулся фонтан щепок, и под ноги двум зрителям упало несколько клочков мандаринового цвета.

Флосс обернулся к Дэмми; его похожее на пчелиное лицо дергалось в непонятных мимических конвульсиях.

– Что-то не так, Дэмми. Лучше тебе укрыться, и посको-

рее. Беги туда.

Он указал на чащу пурпурно-черных деревьев.

– Что происходит? – спросил Дэмми, глядя на дом.

В поле зрения появились фигуры в серых комбинезонах: высокие, на коротких ножках, они спешно семенили вперед. Флосс закричал:

– Теесты! Случилось то, чего я так боялся!

– Что-то далековато они от границ своей территории, – напомнил Дэмми. – Я так понимаю, у них нет законных оснований находиться тут?

– Нет, – простонал Флосс. – Мое великое древо хео уже пало их жертвой, и... – Он указал на дом, внутри которого уже копошились незваные гости.

– Чего им надо?

– Надо? – эхом повторил Флосс. – Они уже получили, что хотели: разрушение. С ними не может быть переговоров, они живут ради разрушений. О, горе мне, меня выследили!

– Что будешь делать?

– Спасать что могу. – Флосс двинулся вперед. – Однажды начну все заново.

По тропинке из цветных плиток он устремился к дому, пробежал мимо фонтанчика, из которого на пятнадцать метров вверх била сверкающая струя: капли алмазами падали в неглубокую чашу с плавающими бледными кувшинками. Рядом на дерне валялись осколки утонченной скульптуры.

У дома тем временем собрались толстобрюхие теесты. Трое отделились от основной группы и двинулись наперехват Флоссу, но он и не подумал уклоняться.

Дэмми расширил границы сознания, уловив примитивные волны жизни от растений, едва различимое бормотание, на фоне которого смутно различались тревожные

недодуманные мысли Флосса. Гудело, не замечая сканирования, скопление грубых и неотесанных умов. Дэмми сошел с тропинки. Прислонился к стволу дерева в густой тени, закрыл глаза и стал мысленно прощупывать... Наткнулся на текстуры вроде колючей проволоки, зазубренного металла и битого стекла; от кучки вандалов в сотне метров исходили волны чистого зла и агрессии. Дэмми уловил отголоски боязни высоты, нетерпения, спешки, расстройств — гнетущих и неутоленных мук. Потом уловил более четкие мысли.

«...до возвращения Великого!.. Странно, беспомощная жизнь. Слепая... Не нравится мне это... Там! Чуете? НЕТ!»

Отсечение ударило, как волна от взрыва. Грубые текстуры закрылись. Дэмми осторожно проследовал по «краю» закрытого сияния разумов, отыскивал брешь, ткнулся внутрь... и утонул в бурлящем звуке и нестерпимо ярком свете. Его начало кидать из стороны в сторону, пока он не пробился в болезненную бездну центра. В наступившей тишине он стал исследовать связанные ментальные поля, которые поначалу пробовали сопротивляться. Теесты, как он понял, были существа простые, сами по себе неполные, но сбивались в группы, чтобы добиться этой самой цельности — такой способ позволял им поднять уровень интеллекта почти вровень с человеческим. После этого они искали бездумного разрушения. Так и жили: в разладе со Вселенной, не в силах утолить великий голод.

А потом вдруг Дэмми ощутил, как его окружает скопление напряженных мыслеформ. Тогда он прервал глубокий контакт, оставив после себя сбивающее с толку маскирующее впечатление, будто он растворился. Сосредоточенно рыщущие инопланетные зонды моментально расслабились и, еще немного пошарив, удалились — вспышка, и они втянулись в сердце голодной массы. Открыв глаза, Дэмми уви-

дел пару похожих на хорьков созданий, которые вальяжно брели по лужайке в нескольких метрах от него, а дальше беспомощно дергался в руках у трех теестов Флосс. Один из пленителей трепал безобидное существо за радужные крылья.

Дэмми уже хотел было ринуться на помощь, как вдруг из-за кустов, скрывающих основание дома, выбежала кучка теестов. Дэмми снова отступил в тень, следя, как эти твари по одному, по парам или по трое присоединяются к общей толпе. Наконец их собралось с полсотни и все они обратились лицом к одному из своих. От прочих он отличался черным шлемом и сверкающим клинком. Визг, который Дэмми слышал прежде, возобновился. Оратор размахивал короткими ручонками; толпа взволновалась, но замерла при резком окрике. Забытый всеми, Флосс привалился к стволу дерева возле дома. Дэмми коснулся его разума.

«Лети, — поторопил он друга. — Используй крылья!»

Флосс не смог даже шевельнуться. Лишь вяло возразил что-то. Дэмми нащупал грубый разум вожака теестов...

«...усердие! — прочел он. — И... наедайтесь, но прежде...»

Тут мысли вожака прервались, и он обернулся в сторону скромного укрытия Дэмми. Потом продолжил:

«...коварство. Быстрее. Ну! Закончим все до последнего зата! Не забывайте: вы трудитесь под бдительным оком Первого!»

Толпа мигом рассосалась: одни устремились обратно за дом, другие рассредоточились по лужайке и принялись выдирать дерн. Один теест подошел к фонтану и бросил в воду пригоршню земли вперемешку с грязью — чистая вода тут же помутнела. Покончив с вандализмом, существа переместились к цветущим кустам, усыпанным бледно-розовыми бутонами. Повинуясь импульсу, Дэмми коснулся зондом куста и, к собственному изумлению, обнаружил почти

животный разум. Было ясно: куст ощущает угрозу и напуган, он заметно дрожит. И в этот момент мысленная энергия тееста ударила по кусту. Инопланетный захватчик остановился и протяжно взвизгнул, а куст вспыхнул ярко-розовым. Его слабенькое ментальное поле замерцало от ужаса. Теест тем временем замахнулся изогнутым клинком, который снял с широкого ремня. Дэмми сделал два шага за спину животному, схватил его за вскинутую руку и с силой дернул. Теест дико завизжал и развернулся, так и норовя цапнуть Дэмми за руку. Но тот устроил ему вывих – но осторожно, чтобы не причинить непоправимого ущерба, – и отшвырнул звероподобное создание в сторону. Шатаясь, скулля и повизгивая, прижимая к боку раненую руку, оно попятилось. Развернулось и дало деру.

Два тееста, оказавшихся поблизости, оставили попытки подпалить сухую траву на окраине леса и стали надвигаться на Дэмми, заходя с двух сторон. Дэмми встал поустойчивей и протянул ментальные щупальца к примитивным умам свирепых созданий. Они тем временем попытались соединиться, точно два не подходящих кусочка мозаики, но бросили попытки и сосредоточили конструктивные мысли на том, как уничтожить новый предмет ненависти. Дэмми обрушился на один из недоумов, ощутил, как тот затрепал по неровным и хлипким швам, соединяющим этапы развития этого вида. Создание пошатнулось и, рухнув на четвереньки, слепо поползло куда-то в сторону. Второе существо достало нож и настороженно приблизилось; Дэмми ударил импульсом – походя, даже толком не концентрируясь. Вот и этот превратился в четвероногое животное и заспешил под сень рощи справа от Дэмми.

Теесты возле дома переполошились. Разведенный ими огонь уже охватил сухие стебли и ветки подлеска сразу за домом и трещал с подветренной стороны. Звери вспомнили

о Флоссе и снова занялись им: связали руки и крылья толстой веревкой, и он плелся за ними, спотыкаясь. Из дома на улицу летели вещи — их деловито вышвыривали захватчики. Флосс прошел мимо кучи сломанной мебели, словно не замечая царящего разгрома. Вандалы бесцеремонно потопрапливали его, дергая за веревку, направляя покорную жертву в густую тень к востоку от разграбленного дома.

Дэмми потянулся к разуму друга, но столкнулся с трудностями: мешал сильный фон шумных ментальных полей теестов. Они разбились на четыре группы по двенадцать рыл, и ни одна из групп больше не работала так слаженно, как изначальные пять групп по десять. Потеряв два сегмента-разума, сломанных Дэмми, две осиротевшие группы ментально распались, но их члены влились в другие, все еще работоспособные единицы, и те с готовностью приняли их, хоть и не включили в свой состав полностью. Так получилось, что оставшиеся рабочие теесты утратили былой энтузиазм и сплоченность. Великий в черном шлеме, который до этого спокойно командовал слугами, теперь едва сохранял дисциплину, и вообще с трудом удерживал их внимание. Теесты бесцельно шатались разрозненной толпой, словно животные, которым древний инстинкт приказывает сбиться в стаю для поисков пищи и обороны. Вырвались на свободу давно дремавшие под спудом репродуктивные влечения, и внезапно стали появляться пары, которым уже было не до ярости повелителя. Тут и там отдельные особи, утратив роль в общей ментальной группе, падали на четвереньки.

Внезапно рядом с основной группой полыхнуло пламя. Ошеломленные твари отпрянули, и на опаленной траве остались извиваться две особи. Дэмми уловил, как гаснут их расшатанные ментальные поля. Великий набросился на оторопелых последователей, держа в руках оружие,

украшенное замысловатым орнаментом, встал между трупов и пригрозил оставшимся в живых. Те быстро отступили, прижимаясь друг к другу. Одного отставшего вожак спалил.

Дэмми тем временем удалось наладить ненадежный контакт с Флоссом, которого его пленители вновь уложили на землю; его разум излучал страх. Дэмми попытался взбодрить друга: «Соберись, Флосс, рвем когти. Беги туда!»

Ответом ему было сильное удивление.

«Но... им это не понравится! – пришла слабенькая мысль. – Мне надо ждать инструкций».

«Зачем? – в недоумении спросил Дэмми. – Разве не лучше освободиться и делать то, что захочешь? Например, разогнать всех этих свиней».

Флосс ответил неясным изумлением: «Дэмми! Ты опять предлагаешь внушающие ужас перспективы невероятно искаженной картины вселенной! Как тебе удастся столь легко выдавать подобные шокирующие мысли?»

«Это не сложно, – ответил Дэмми. – Сперва я выясняю, чего хочу на самом деле, а после ищу способ, как это исполнить».

«Дух захватывает, – подумал Флосс. – Вот так запросто! А ты не подумал, что эти дикари могут страшно отомстить? Я уж не говорю о положениях Кодекса раптата?»

«Нет, и секунды не задумывался. Давай-ка к делу. Надо драпать и желательно вприпрыжку, пока ребята Великого тут все не заволокли».

«Это может быть опасно», – возразил Флосс.

«Не-а, – ответил Дэмми. – Я его не трону».

Флосс уперся: «Я говорил серьезно, а ты, вижу, шутишь».

Дэмми снова растворился в тени рощи и бесшумно стал пробираться обратно к дому. Ощутил, как откуда-то спере-

ди за ним следит упавший на четвереньки захватчик, почувствовал его бездумную жажду убить не-тееста – убить и расчленить. Теест двигался прямо на Дэмми. Тот следил за ним, но не со страхом, а с любопытством.

Теест то и дело пропадал, двигаясь через густой подлесок так же бесшумно, как и Дэмми. Внезапно он полез на ствол крупного дерева, проворно переполз на ветку толщиной в тридцать сантиметров, под которой должен был пройти Дэмми, и распластался на ней. Его ментальное поле пестрело калейдоскопом полусознанных мыслей о жестокой расправе: когти и зубы рвут плоть, кровь стекает в иссохшую глотку, и, наконец, наступает сытость.

Дэмми присмотрелся к разуму тееста.

Теперь-то он разобрался: теесты с рождения сбивались и действовали в группах, каждая из которых обычно формировалась из братьев и сестер. Отпрыски приобщались к старшему разуму матери. Таким образом, развитие незрелого тееста формировалось уже существующей группой, в которую он входил. Иногда новорожденный обладал достаточной самостоятельностью, чтобы отколоться и образовать новую комбинацию или прибиться к другой – более благоприятной. Вожак, сообразил Дэмми, и стал такой исключительной личностью.

А вот разум обычного тееста, оказавшийся в одиночестве – причем впервые с того момента, как он проклюнулся на заключительной стадии формирования зародыша – оказавшийся в ситуации, когда он предоставлен сам себе, сталкивается с необходимостью самостоятельно принимать решения. И это вызывает у него полный паралич воли.

Заинтригованный, Дэмми пристальней взгляделся в откровенно хиленькое ментальное поле. Это было существо, с рождения лишенное всякого понятия о личности, живущее в неопределенности, незавершенным.

И в центре его картины мира зияла голодная пустота. Пытаясь ее заполнить, эту саднящую бездну неуверенности, существо с готовностью окунулось в беспощадное разрушение враждебной и отторгающей его среды. Вместо того чтобы обратиться к поискам в себе сокрытого творческого начала, это увечное создание стремилось посредством разрушения утолить жажду своей лишенной эго души. Жажду чего-то...

Различия были минимальны, сразу же заметил Дэмми; касание здесь, выпад там, быстрая корректировка энергетических токов – и он задал разуму тееста новый вектор. В один оглушительный миг модель мигнула, задрожала; затем перестроилась, освоилась с изменением и обрела равновесие, какого прежде не знала. Буйство ушло, вырванное с корнем.

«Черт, я же не подписывался их проблемы решать, – упрекнулся себя Дэмми. – Пусть ксенопсихиатрией специалисты утруждаются, а мне сейчас лучше заняться чем-нибудь поумнее».

Над головой у Дэмми засевший на ветке теест бесцельно вытянул конечности, забыв о жажде, что загнала его вверх. Он посмотрел вниз, мимо Дэмми, впился желтыми зубами в пурпурную кору, потом зевнул и, легко спрыгнув на землю, посеменил прочь. Дойдя до края леса, встал на ноги, подбежал к ближайшему выдранному куску дерна и ловко вернул его на место. Повторил то же действие со следующим куском, с третьим... Минут за пять убрал все следы вандализма на четверти маленькой лужайки. Затем двинулся дальше, то и дело останавливаясь, чтобы подобрать то осколок статуи, то клочок бумаги или ткани и положить в объемистую кожаную сумку у себя на боку.

Дэмми вдруг понял, что устал и, очистив от веток пята-

чок травы под раскидистым кустом, растянулся во весь рост и моментально уснул.

Кто-то настойчиво ломился к нему в голову. Дэмми, лежа в большой кровати, от души пожелал, чтобы этот кто-то поскорее убрался.

«Дэмми! — сквозь пелену забытья пробилась безумная ментальная мысль Флосса. — Где ты?...»

«Все зашибись, — коротко ответил Дэмми. — Дай поспать, я вымотан».

Флосс не отставал: «Я никак не мог нащупать это твое фантастическое Я-поле! Ты опять спишь. Но где? Я уж думал, тебя уничтожили».

Дэмми, нисколько не отдохнувший, с трудом сел, поморгал и непонимающим взглядом уставился на тенистые заросли. Потом встал и просканировал окрестности на предмет чьего-нибудь присутствия. Флосс никуда не делся и находился на расстоянии 104,31 метра от дома. Теестов поблизости не наблюдалось, зато Дэмми слышал вдохновенную зажигательную речь Великого.

Солнце зашло, однако тьму вокруг дома разгоняло белоголубое свечение прожекторов. Наконец Великий закончил речь, и толпа, вновь скованная дисциплиной, разошлась по своим делам. Неся с собой фонари, разбитые на группы по пятеро, они широкой гребенкой с редкими зубьями отправились прочесывать лес.

Некоторое время Дэмми следил за ними, затем отвернулся — и увидел, как к нему сзади приближаются огни. Тогда он взлетел на ствол ближайшего дерева с грубой корой и затаился в раскидистой кроне. Прислушался к хрусту веток и визгам. Вот один из теестов остановился на том месте, где недавно спал Дэмми. Ткнул в землю инструментом, похожим на трость, и прошел по следу Дэмми — до того места,

откуда тот наблюдал за построением поискового отряда. Затем, повесив прибор на пояс, теест приблизился к дереву, на котором сидел Дэмми. Постепенно к товарищу присоединились остальные члены группы. Дэмми бесшумно встал на широкую ветку и прошелся по ней до места, откуда смог перешагнуть на ветку ближайшего соседнего дерева. В голове тут же мелькнуло призрачное воспоминание о бесчисленных часах тренировок под куполом цирка. Дэмми вспомнил изящную рыжюльку, научившую его секрету тройного сальто. Бедняжка Молли... Что с ней стало, после того как Блатман прикрыл ее шоу?..

Прогнав праздные размышления, Дэмми сконцентрировался на решении текущих проблем. Впереди по курсу возникло препятствие в виде переплетенных лиан, усеянных пятнадцатисантиметровыми шипами с красными кончиками – определенно ядовитыми. Внизу, в прорехи кроны Дэмми разглядел приличную толпу теестов. Их увенчанные бледно-зелеными лампами посохи образовали озерцо зловещего сияния. Пока Дэмми продумывал маршруты отступления, пустые морды теестов обратились вверх: розовые мордочки поблескивали, красные глазки вглядывались во мрак в поисках добычи. Дэмми замер: было ясно, что, даже не видя цели, теесты ее ощущают. Один из них вскинул «факел», и тут же ветка рядом с ногой Дэмми разлетелась в щепки. Последовало еще два быстрых выстрела. Последний опалил Дэмми левую лодыжку, обуглив похожий на кожу материал корабельного костюма (Дэмми разжился им, пока летел на Волшебной Тыкве).

Он быстро остановил кровь и заглушил боль, однако конечность все равно ослабла. Прыгнув в сторону, Дэмми ухватился за соседнюю ветку и при этом как-то умудрился не пораниться о ядовитые шипы. Правда, вышло все равно неловко, и он чуть не упал – теесты внизу завизжали, топча

кустарник. Вспыхнули смертоносные лучи, сжигая листву и лозы, вышибая из коры щепку, но в Дэмми ни разу не попали. Наконец теесты пошли прочь, сосредоточившись на чем-то шагах в двадцати за спиной Дэмми. Похоже, решили, что он вернулся на дерево, в кроне которого они его обнаружили. Спустя двадцать восемь минут, сорок одну целую и три десятых секунды Дэмми убедился, что теесты потеряли его след. Стараясь не шуметь, дрожа от слабости, он спустился на землю и укрылся за стволом дерева. Заполз под пышный куст, что-то вроде можжевельника, и сосредоточился на быстром восстановлении обожженной кожи и мышечной ткани.

Спустя два часа, после трех стычек с потерявшими бдительность теестами – отбившись от армии, они топтали кусты, – Дэмми наткнулся на их судно. Это был стандартный «Боган-3» (универсальный), простой и высокоскоростной – для своего класса – корабль на плюс-С тяге. В темноте, окутывавшей прогалину, которую корабль выжег при посадке, его нос высвечивался редкими и слабыми габаритными огнями. Однако часовой – видно, желая унять дурное предчувствие, – установил небольшой световой узел, который так кстати освещал открытый люк. Дэмми остановился и подождал. Ничто в ментальном поле единственного на борту тееста не выдавало его желания выйти и осмотреть окрестности. Затем он вдруг решил активировать противопехотное поле. Дэмми знал о нем все – нужно было только подождать.

Он поудобнее растянулся на влажных ветвях и острых камнях и воспарил по вертикали, не забыв уклониться от нависающей сверху ветви. Однако острый гравий отчего-то по-прежнему впивался в грудь и ляжки. Странно!.. Дэмми предпринял еще попытку, которая почти провалилась,

но вот наконец ветка приблизилась, скользнула в сторону, и Дэмми отправился в полет. Правда, невысоко.

«Батюшки святы, мне б пожрать да поскорее, — подумал Дэмми. — Я уже вырабатываю ресурсы третьего уровня. Если в ближайшее время не набить желудок, то и до сердечного приступа недалеко».

Вынесенная из дома еда сейчас находилась на борту звездолета, а из растений вокруг ни одно не подходило земному желудку. От натуги перед глазами запрыгали цветные искорки, но Дэмми приподнялся еще на несколько сантиметров и тихо скользнул к кораблю. Он чувствовал периметр противопехотного поля. С трудом подумал: надо пролететь над ним.

В самый распоследний момент заметил, что легким ветерком его поднесло опасно близко к полю, и схватился за ближайшую ветку. Ветка сломалась, и Дэмми принялся выписывать замедленную бочку, одной ногой угодив внутрь периметра. Тут же резко вжикнуло, и Дэмми ощутил, как в него вливается облачко мелких кристалликов, которые осыпали листву, точно песок. Это был нервнопаралитический яд широко спектра действия. У Дэмми оставалась треть секунды на то, чтобы что-нибудь предпринять, а потом он рухнет на лесную подстилку. Единственное, что пришло в голову: рвануть из последних сил к ближайшему дереву и предоставить все древним инстинктам. Уже бессознательно он ухватился за ствол, а ноги принялись нашаривать опору. Дэмми начал спускаться, но тут рефлексy сдали, и он упал.

Очнувшись, Дэмми через боль подумал: какое жесткое пробуждение. Плюс сложный перелом левой большеберцовой кости и кое-что по мелочи. Однако я не мертв. Странно.

Дэмми заглянул в себя и обнаружил, что клетки, отвечая на подсознательную команду, о которой он и сам не дога-

дывался, отторгли яд, инкапсулировали снаряды и выдавили их на поверхность – отсюда, видимо, и зудящие пупырышки на коже. С удивлением Дэмми отметил, что его умные клеточки – перед тем, как избавиться от мусора, – разложили чужеродный материал и извлекли из него энергопроизводящие молекулы.

«Теперь бы пожрать по-человечески», – подумал Дэмми. Получив минимальный прилив свежих сил, он расширил границы сознания, просканировал трюм корабля и отыскал содержимое кладовки Флосса. Выбрал контейнер с пресной бобовой пюрешкой и телепортировал его содержимое себе в желудок. Покончив с едой, занялся бедром.

«Дэмми! – коснулся его разум Флосса. – Выходит, ты не в западной роще, как я тебе советовал. А хотя это неважно. Мы больше не встретимся, но перед смертью прошу тебя, объясни: зачем ты напал на теестов? Я несколько часов гадал, но так и не смог понять. Они же не представляли для тебя угрозы и портили не твою собственность. Ты мог отсидеться в стороне, дожждаться, пока они не уйдут, и продолжить одиночное существование. Но ты задержался и, не удовлетворившись ролью наблюдателя, отвлек их на себя. Сейчас я чувствую, что ты истощен, ранен, одинок и лишен надежды. И все же бодро берешься исправлять положение, насколько это сейчас в твоих силах. Зачем, Дэмми? Ты что, ищешь смерти?»

«Сначала меня посетила странная мысль помочь приятелю, – ответил Дэмми. – А потом эти бараны принялись пулять в меня, и дело стало личным. Короче, не так уж они и круты. Ты там держись. Может, еще удастся их прижать».

«Дэмми, скоро они тебя отыщут. Кстати, ты где вообще?»

«Забей», – посоветовал Дэмми нерешительному созданию.

В этот момент он расслышал едва уловимые звуки со стороны леса. Видимо, поисковый отряд прочесывает местность, но пока не близко. Сейчас самым верным шагом будет проникнуть на корабль и там уже импровизировать. Дэмми немного задержался, чтобы рассказать Флоссу о своем плане и показать бывшему сокамернику свое местоположение – всего в девяносто восьми целых и семидесяти пяти сотых метра от входного люка, в густом подлеске у основания неприметного дерева.

«Держись, – подбодрил он собрата по несчастью. – Ты вроде не связан. Может, воспользуешься моментом и слиняешь? Попробуем провернуть отвлекающий маневр?»

«Это лишь продлит мои муки», – ответил Флосс. Он явно не спешил соглашаться.

Дэмми уже отчетливо слышал шум, с каким приближалась орда теестов. Они подобрались ближе, авангард был в какой-то сотне шагов. Дэмми легко коснулся разума лидера и – ничего не вышло. Он хоть и поправил силы, но все еще не достиг нужной кондиции, чтобы использовать мощь разума по полной. Ладно, тогда оставим попытки помешать наступлению захватчиков, решил Дэмми и сосредоточился на том, как укрыться в относительной безопасности на борту корабля. Встать оказалось не то чтобы трудно, однако залатанная нога взорвалась зверской болью. Дэмми продрался сквозь заросли похожих на ежевику растений на прогалину. С двух сторон приближались отряды теестов – их пути пересекались как раз у корабля. Дэмми присмотрел самое темное местечко – пяточок практически полной черноты меж двух больших деревьев. И только он спрятался, как мимо, шушукаясь и похрюкивая, прошел отряд. Дэмми сменил позу, пытаясь унять боль в ноге. Исцеление еще не завершилось, и Дэмми это знал: для полного заживления не хватало ни энергии, ни материала. Нечего было даже ду-

мать о левитации; огромных усилий стоило просто стоять на ногах и оставаться в сознании...

По сторонам раздавались топот, хруст и хрюканье. Основная группа проходила совсем рядом, но пока еще никто не сообразил заглянуть в тень между древними стволами. И вдруг один солдат отделился от колонны. Чуть не налетев на Дэмми, он остановившись менее чем в метре от него и громко приняхался. Дэмми слушал, как пыхтит существо. Наконец, через двадцать семь и шестьдесят восемь сотых секунды оно двинулось дальше.

Скорчившись в плотной темноте, Дэмми вдруг понял, что утратил контроль над мыслями. Навалилась тяжесть теплого влажного воздуха, древние стволы окружающих его деревьев, казалось, сдавливают и душат, да еще жутко разболелась нога... Дэмми сменил позу. Отошедший было теест развернулся, но, так ничего и не высмотрев, пошел дальше. Дэмми изо всех сил постарался очистить разум. Надо лишь выждать, пока толпа скроется из виду, и скользнуть налево, а потом... Но, поразмыслив, решил, что план сомнителен. Вот бы сейчас хороший стейк да под квартиру баварского!..

Спустя полчаса напряженных вычислений Дэмми пришел к выводу, что вопрос состоит в следующем: умрет ли он от растраты псионической энергии, необходимой на синтез еды из окружающей материи, прежде, чем эту еду успеет съесть? «Впрочем, – строго напомнил себе Дэмми, – сидя во влажной духотище, денег не заработаешь... И тем почетней гибель, чем безнадежней бой»¹...

Попытка не пытка. Процесс, в принципе, простой: небольшая и наглая трансмолекулярная перестройка. Местные нуклеотиды отличались от земных, но не кардинально.

¹ Т. Маколей. «Песни Древнего Рима. Гораций» (пер. В. Карпова)

Итак, добавим азоту здесь, уберем лишней серы там – все, можно работать. Дэмми начал с того, что оказалось под рукой: с похожего на древесину материала. Было мучительно больно знать, что и как делать, но не иметь для этого достаточно сил. Дэмми отключил все периферийные функции организма, чтобы освободить энергию, и сосредоточился на том, как замастырить чертов кислород... Ага, вот и он встал на место.

Дэмми воздвиг простое системное поле типа того, какое используется в производстве, и закрутил векторы силы так, чтобы выровнять поток молекул сырья и запустить быстрое нагнетание полезной массы продукта. Попутно он вытягивал энергию из окружающих растений, щадя собственные тающие запасы; а после процесс пошел по накатанной.

Спустя десять минут Дэмми позволил себе усилие просканировать фокусную точку: полость объемом двадцать три кубических метра внутри древесного ствола поблизости, который послужил источником материала для синтеза. Вот, на бумажной тарелке – а может, фарфоровую? или серебряную? хотя чего зря париться? – лежал двухсотдвадцатиграммовый гамбургер, отлично прожаренный, со всеми положенными приправами. Аромат стоял божественный, но Дэмми решил, что это излишне расточительно, и убрал его. Прежде чем схватить гамбургер, отхлебнул из кружки большой глоток холодного живительного пива.

– «Вюрцбургер хофбрау»! – почти что вслух произнес он. – Мое любимое, а я даже не заказывал... Здесь действует нечто большее, чем просто старое доброе взаимодействие материи и энергии, – сделал он вывод. – Не знаю, какими силами я тут ворочаю, но лучше сперва поем, а уж потом подумаю.

Дэмми с трудом сдержал порыв проглотить гамбургер в два укуса и заставил себя есть понемногу, тщательно пере-

жевая и наслаждаясь вкусом жаренной с пеканом говядины. Одновременно подметил про себя, что если бы сил не оставалось вовсе, то он и есть бы не смог. Потом посвятил момент вычислениям потенциальной выгоды этого метода по сравнению с прямой транспортировкой питательных веществ в ткани. Удовольствие от еды, пришел он к выводу, намного перевешивает незначительный минус в эффективности.

К насущным делам его вернул хруст в подлеске. В десяти метрах он заметил пару одетых в серое теестов — они встревоженно озирались по сторонам. Пришли со стороны корабля, заметил Дэмми. А значит, сейчас прочешут тут все мелкой гребенкой. Потом он разглядел во мраке подле теестов пестрое пятнышко вроде бутона цветка: помятые и грязные крылья Флосса.

Вот его бывшего попутчика вывели на прогалину. Теесты шли без спешки, Флосс плелся позади, словно на прогулке с друзьями. Ближайший к Флоссу теест обратился к нему, протяжно завизжав. Потом оба тееста обшарили подлесок пристальными взглядами, подсвечивая себе жезлами-фонарями. Один отвернулся, и тогда Флосс посмотрел напрямиком в сторону укрытия Дэмми.

«Беги, — предложил Дэмми. — Оторвись от них и вставай на крыло».

Флосс напрягся и обратился к теестам на их же языке, глядя в сторону Дэмми. Их взгляды встретились. Флосс подергал ближайшего тееста за рукав и указал на друга. Конвоиры тут же выставили перед собой жезлы и двинулись в указанную сторону. Один походя пальнул по кустам, заряд прошел рядом с Дэмми.

«Ну спасибо, приятель», — саркастично поблагодарил Дэмми Флосса, шедшего сразу за пленителями (или уже друзьями?).

«Но Дэмми, – пришел страдальческий ответ, – они меня пытали. И я мог откупиться лишь одним – тобой».

«Ну значит, все в ажуре, – сказал Дэмми. – Что ж ты за тип такой, Флосс? У тебя крылья бабочки, но нет даже ее смелости».

Дэмми ударил приближавшегося тееста одним выверенным импульсом. Создание покачнулось и, выронив оружие, упало на четвереньки. Его товарищ попятился, хотел было выстрелить, но выронил оружие и бросился наутек. Дэмми вышел из укрытия, подобрал лучевой жезл и прошел мимо Флосса.

«Дэмми! Ты что... нельзя же!» – в смятении подумал предатель.

Дэмми обернулся и одарил его презрительным взглядом.

«Возвращайся на развалины дома и затаись, – велел он. – Сиди тихо и жди, что будет дальше».

Не обращая внимания на оскотинившегося тееста, неуклюжим зверем проскакавшего поперек пути, Дэмми направился к вражескому кораблю, который теперь купался в лучах света.

ГЛАВА 8

Слепящий зеленовато-желтый свет солнца лился сквозь заново начищенные стенки дома-пузыря, поставленного на паучьи (или же бабочкины?) лапки-стебли, над лужайкой, которая вновь приобрела безупречный вид. Дэмми потянулся и зевнул. Он ощущал приятную усталость после ночных трудов и как раз думал проверить мягкость постели в доме-пузыре. На крохотном балкончике появился Флосс; его крылья, вновь ухоженные, переливались радужной пленкой в солнечном свете.

«Дэмми, – мысленно позвал он. – Ты ли это? Не может быть. Как видишь, со мной все хорошо, и...»

Возбужденное мысленное щебетание прервалось, стояло Флоссу увидеть одинокого тееста – тот вышел из-за цветущего куста недалеко от Дэмми. В одной руке он сжимал садовый нож, в другой – совочек. Дэмми легко коснулся разума этого создания и опознал в нем самого первого тееста, которому вправил мозги. Там, где прежде бушевала буря страхов и неутоленного голода, царило спокойствие. Рана быстро затягивалась.

«Не бойся, – успокоил Дэмми Флосса. – Остальные на борту корабля, а Минф решил задержаться и навести порядок. Он уже уходит. До свиданья, Минф».

Дэмми осторожно передал прощание существу, которое все никак не могло освоиться с новообретенной индивидуальностью и не знало, что делать. Минф, неслышно бормоча

собственное – такое собственное и личное – имя, двинулся прочь.

«И снова, – удовлетворенно заметил Флосс, – Космос проявил Себя».

«Это было не чудо, – ответил Дэмми, – а старая добрая сила».

«Наша встреча, – не уступал Флосс, – уже стала проявлением Космического равновесия. Хотя, конечно, твоя формулировка механики моего спасения будет любопытна для изучающих материальную манипуляцию. Самый восхитительный аспект Космоса – его стремление к новизне. Кто бы мог подумать, что разрушительную энергию теестов можно направить в созидательное русло!..»

«Я рад, что они за собой прибрались, – сказал Дэмми. – Выглядит мило».

«Если не считать моего тысячелетнего дерева хео, – взгрустнул Флосс. – Впрочем, мне оставили аккуратную поленицу и десять новеньких саженцев, так что и это событие укладывается в общую канву. Иначе когда бы я еще получил для работы древесину хео огненного цвета? Ах, этот вид опилок, этот пряный, остро-соленый аромат, сияние готовой фигурки у меня в руках!..»

Его непроницаемое жучиное лицо обернулось к Дэмми.

«И все же я не понимаю, Дэмми. Зачем ты утруждался? Почему до сих пор не ушел и беспокоишься о моем благополучии? Где тут логика?»

«Не бери в голову. Я просто не могу бросить приятеля в беде. Поэтому сделал все, что посчитал нужным».

«Приятеля? – эхом повторил Флосс. – Я почти уловил смысл этого хрупкого понятия, не лишнего внутренней логики. О, нет, не логики, а сообразности с Космосом... Да. Теперь я практически все понял. Понял, что мой совершенно логичный поступок, когда я сообщил твое местоположение захватчикам в обмен на обещание амнистии, показался

тебе столь же нелогичным, сколь и мне – твоё поведение. Но вот мы снова примирились. Что же ты намерен делать дальше... друг мой? Смею надеяться, что и ты сможешь снова называть меня так».

«Я не держу зла, приятель, – заверил Дэмми. – Я отправлюсь в путь. Работа не ждет».

«Дэмми, – позвал наконец Флосс. – Я должен тебе кое-что сказать... как друг».

«Да?»

«Этот Ксориалль, о котором ты мне рассказал, неверно тебя проинформировал. Да, несомненно, ты почерпнул сведения из его библиотеки, но ведь программировал ее банки памяти сам Ксориалль. Твои знания о галактике в корне своем верны, и все же Ксориалль исказил их в некоторых местах – сообразно собственным целям. Особенно он постарался создать образ Галактического консенсуса как могущественной силы, перед которой слабые преклоняют колени. Это ложь. Галактический консенсус – название, данное энтузиастами небольшой и склочной организации, намеренной устроить все так, как стремился представить твой амбициозный учитель. Положение их довольно шатко, и сильные мира сего еще не истребили их лишь потому, что считают их досадной мелочью. Надеюсь, эта новость не привела тебя в нежелательное замешательство – да и с чего бы? Особенно если учесть твоё негодование по поводу заданной «классификации» твоего мира».

«Действительно, это странно, что теесты хозяйничают на территории Консенсуса, – неопределенно сказал Дэмми. – Значит, путешествие на Тризме ничего не даст».

«Так почему бы тебе не остаться на Альмионе? – предложил Флосс. – Можешь взять себе сколь угодно большой участок никем нетронутой территории и преобразовать по своему желанию».

«Сам не знаю, — ответил Дэмми. — Просто ощущение, что есть незаконченные дела и пора в путь».

«Смотрю, ты не больно-то церемонишься, — заметил Флосс. — После всех наших совместных злоключений это как-то...»

На мгновение Дэмми ощутил прикосновение неосязаемой силы, а потом перенесся обратно на борт безликой тюремной капсулы. Правда, теперь он остался совершенно один. На протяжении странно растянутого времени Дэмми почти безуспешно пытался осознать опыт последних шести недель (по земному исчислению). Флосс и жалкие теесты уже казались ему давнишним происшествием, а Ксориалль со своей роскошной тюрьмой — событиями полузабытой истории из детства. А до того... было нечто малозначимое, вроде метания рыбешек в тазу с мутной водицей.

С поразительной ясностью Дэмми осознал, что время — это иллюзия, сквозь пелену которой разум воспринимает внешнюю реальность. Как и теесты, думал Дэмми, мы, люди, боролись с самими собой и думали, будто со Вселенной у нас война, тогда как на самом деле Вселенная очень даже мила. Проста и мила. Я считал, что работа — «грязное» слово, и всячески бежал от ее, но что может быть лучше, чем выполнять свою работу и сознавать это?..

Преисполнившись стыда, он усмехнулся над тем, какой философский оборот приняли его мысли, и поспешил занять голову другим.

— Снова застрял, — подумал Дэмми вслух и слегка испугался грубости родного языка. — Снова в ящике, в котором очутился до того, как начал совать нос в устройство большой машины.

Дэмми вспомнил о кошмарном пути через болота, как они вместе с Флоссом шли по трясине. Не придется ли проделывать это еще раз? Он лег на пол и прощупал окружающее

пространство. Сразу же понял, что все изменилось. Кто-то на славу потрудился: перебрал судно концентрированного сгустка энергии — если, конечно, оно то же самое. Он не обнаружил плоскости проницаемости; узлы давления были ровными и выверенными. Тогда Дэмми собрал поле сознания, а через миг — или неделю — открылся люк, и в камеру влетел знакомый контейнер с пайком, который Дэмми телепортировал себе в желудок. Наконец, соскучившись, он снова принялся вызывать себе призрачных собеседников, помогавших скрасить одиночество еще во время предыдущего заключения.

Они появились вместе с комнатой, собранной из упаковочных ящиков и грубо распиленных бревен. Это был безымянный салун: в дальнем конце над потускневшим зеркалом в баре висела голова лайки. В зале толпился народ, гудели голоса, топали грязные ботинки, светили газовые лампы. Сквозь множество щелей задувал кусачий ветер. Дэмми отметил, что снаружи, за стенами, стоит холод градусов десять ниже нуля. В одном конце какой-то парнишка беззаботно наигрывал ранний регтайм на ветхом пианино.

Толпа зашевелилась, когда открылась дощатая дверь и в салун, моргая, вошел мужик в грязной парке из волчьей шкуры. Бледное, осунувшееся лицо, отмеченное шрамами морозных ожогов; шаг — неустойчивый, но не как у пьяного, а как у инвалида. Пройдя напрямик к бару, он высыпал на затертую стойку содержимое кошелька из мягкой кожи: небольшую кучку сверкающего желтого песка.

— Незнакомец всех угощает! — воскликнул мелкий тип с мышьиной мордочкой и помчался к бару.

Дэмми расслабился, сидя на стуле спинкой к стене. Паренек-тапер тоже устремился к бару, а незнакомец прошел за пианино. Скинув парку, опустился на табурет и опасно покачнулся, но сумел сохранить равновесие. Протянул

узловатые руки к клавиатуре. Кожаная рубашка на нем — просто невероятно! — была еще грязнее парки. «Впрочем, играть он умеет», — отметил про себя Дэмми, когда зазвучал «Варшавский концерт».

На музыку никто не обращал внимания, и только размазанная шлюха в дальнем конце бара удивленно смотрела незнакомцу в спину. Вскоре он закончил играть и встал, уже тверже. Обернулся к публике и, бормоча, сделал что-то вроде объявления, завершив его какой-то совсем уже невнятной фразой.

Дэмми встал, но тут незнакомец выхватил пистолет; в тот же миг, когда погасло пламя свечей в люстре, Дэмми пораженно понял, что ствол смотрит прямо на него. Только он хотел возразить или задать вопрос, как правая рука его дернулась, и прогремел двойной взрыв. В темноте удар, как от рухнувшей каменной плотины, смел его и повалил на пол.

ГЛАВА 9

Очнувшись, Дэмми вспомнил первые прощупывания интерьера в Волшебной Тыкве, шок от столкновения с чем-то, что пронзило невидимые границы его расширенного сознания и сжало сущность Дэмми в плотную точку беспредельности. «И вот опять, — в смятении осознал он, — его подвергли допросу, которому противиться нет возможности».

«Тебя уже предупреждали, существо. Но твою необузданную тягу к «свободе» я лишь сейчас отметил. В дальнейшем — никаких поблажек. Сотрудничай или исчезни!»

Это предупреждение Дэмми оценил как ободряющее по двум причинам. Во-первых, суперразум, который сосредоточился на нем, не ведал о его побеге на пару с Флоссом; а во-вторых, повторяя угрозы, он не осуществлял их и тем самым демонстрировал непоследовательность и нерешительность.

«Значит, это всего лишь человек или нечто уровня человека, — подумал Дэмми. — Следовательно, его можно провести. Однако сейчас лучше оставаться пайнкой».

«Я проверил занятую отсылку, которую ты мне дал, про третью планету от Солнца, — вновь зазвучал бестелесный голос. — В архивах оказалась интересная непоследовательность. Твоя форма жизни известна, и в моем каталоге о ней есть запись, но спецификация незначительно отличается».

— Мать честная, — неуклюже выдал Дэмми по-английски, изображая энтузиазм. — Я снова «форма жизни». Не больно-то меня тут, в большом мире, повысили.

Через несколько часов допроса Дэмми показалось, что схватившее его гигантское существо утратило к нему всякий интерес и непроизвольно ослабило хватку. С облегчением отметив новые границы свободы для разума, Дэмми осторожно расширил сознание и прочесал сектор окружающего чегобытонибыло, которое, кстати, не укладывалось в привычные рамки «где» и «когда». Оно, скорее, представляло собой бесконечную цепочку срезов времени и пространства. Впрочем, вопрос чисто академический, напомнил себе Дэмми. Не успел он определить положение родной Солнечной системы и заодно Тризме, пункта назначения, как его схватило ЭТО.

«Можешь называть меня Астроба, — неожиданно известил его гигантский разум, но мысль была слабой, будто пришла издалека. — Ты случайный объект, и мне наскучил. Ты волен продолжать свои бесконечно мелкие странствия».

Дэмми показал невидимому существу язык и нос, потом еще парочку неприличных жестов, наслаждаясь ощущением безнаказанности. Затем, напустив на себя деловой вид, расширил границы сознания и охватил сферу радиусом в пятьдесят один световой год. Задав шаблон сканирования, стал продумывать следующий шаг.

«Я бежал из клетки Ксориалля (или он сам отпустил меня?) с багажом неслабых способностей. Да вот беда: использовать их не на ком. Флосс — так, пустячок. Теесты — тупые бандюганы, вроде Макси и Фреда из Чикаго. Зато Астроба — совершенно на другом конце спектра возможностей. Значит, лечу на Тризме — посмотреть, что из баек про Консенсус правда, а что нет».

Перестройка матрицы давления в навигации капсулы отняла почти все силы. Тогда Дэмми переправил себе в желудок все наличное питание из контейнеров, и у него разболелся живот.

— Слишком резко поел, — вслух укорил он себя и так перераспределил молекулы питательных веществ, чтобы усваивались оптимально. Потом, повинуясь порыву, мысленно позвал:

«Эй, Астроба! Можно тебя на минуточку! Я тут поразмышлял, и у меня возникло несколько вопросов».

Ответ пришел едва различимый:

«Занятно, как из взаимодействия молекул умеренной сложности могло возникнуть столь фундаментально высокомерное существо. Это воистину достойно моего любопытства. Ладно, микросоздание, о какой милости ты просишь?»

«Скажи, зачем это все? Ради чего ты залез в мои дела? Ты что, местный регулировщик? Тогда какое правило я нарушил?»

«Если брать аналогии из твоего мира, то я — опрятный домовладелец, заметивший в гостиной муху».

«Да? И у тебя есть право гоняться за мной с мухобойкой?»

«Гм-м... Право? Мне известно множество воплощений энергии, включая материальные, а также формы их взаимодействия. Но слышать о праве от тебя... это поразительная тонкость! Надо изучить подробнее. Прощаю твою изумительную заносчивость — на том основании, что твое невежество еще изумительней».

Дэмми пропустил колкость мимо ушей.

«На этот раз буду умнее, — пообещал он себе, отметив за собой привычку к мысленному диалогу. — Впрочем, причин для волнений нет. Это все от затянувшегося бездействия и

одинокчества. Все пройдет, стоит снова оказаться среди людей, если, конечно, можно назвать их людьми», — напомнил он себе, имея в виду множество причудливых форм жизни, которыми кишел Большой базар на Тризме.

Дэмми отвел сто две секунды на ретроспекцию диалектов Консенсуса типа К-30, так же как и наиболее широко употребляемых провинциальных наречий. Подготовившись, он задал кораблю параметры посадки.

Дэмми не ощутил изменений в скорости или направлении, но спустя 131,6 секунды тишину нарушил одинокий немодулированный звонок. И все.

Дэмми напрягся, готовый... к чему? Он торопливо пошерстил память и вспомнил, что тюремные корабли двенадцатой категории, прибывающие вне расписания, садятся и заходят в порт под руководством главного узла схем. А значит, ему остается терпеливо ждать, пока капсулу не разберут в соответствии с текущими директивами по сохранению энергии.

«А пока можно использовать это время и приготовить что-нибудь про запас», — предложил себе Дэмми и согласился. Так, посмотрим...

ГЛАВА 10

Сперва Дэмми решил вести себя очень тихо и просканировал текстуру окружающих стен. Выяснилось, что поля давления стали инертны, обратившись в материю примерно той же проницаемости, что и бронепластины обшивки морского корабля. Сканирование внешней среды выявило присутствие полдюжины живых существ – единственных работников восьмисотметрового купола, куда приземлилась капсула Дэмми. Тогда он выбрал стену, противоположную той, снаружи которой столпилась встречающая делегация, и ловко прошел сквозь нее, оказавшись в гулкой темноте. Упражнение в способности приводить атомы своего тела в резонанс с материалом барьера, чтобы проскользнуть сквозь него, оказывается, не просто истощало запасы энергии, но и вызывало зуд.

Дэмми посвятил секунду беглому изучению купола: диаметр у основания – 235,768 метра, у вершины – 74,632 метра. Состоит из сплава материи и чистой энергии, противостоящего любым попыткам проникнуть сквозь него. Вывод: нужно искать дверь. Таковая оказалась в эллиптическом слабом месте, в дальнем конце, в тени, где лежали сваленные в кучу товары – видимо, в ожидании погрузки.

Дэмми ощутил мягкое «чпок!», когда за спиной дематериализовалась капсула, столь долго удерживавшая его в своих стенах и унесшая так далеко (за пятнадцать с половиной световых лет) от родного мира. Группа встречающих

засуетилась, они ждали явно его. Высокие, худые жукоглазые твари, вооруженные грозного вида кривыми мечами и замотанные в грязные шелка цвета желчи и мутного марона, рассредоточились, образовав широкий полукруг. Они обступили человека, который потрясенно сжался в точке, где прежде был центр исчезнувшей капсулы.

— Пойдите, ребята, — произнес человек невероятно грубым, резким и в то же время знакомым голосом. — Я прибыл сообщить о похищении. Меня, кажется, похитил Воцил Напт... но не только он. Потом был другой, назвался Астробой, он тоже внес вклад... Еще толпа теестов налетела на сектор Ванг. По ходу дела, власть Консенсуса расплзается, как намокшая салфетка.

Незнакомец с важным видом шагнул вперед, не обращая внимания на угрожающие жесты встречающей делегации. Один из жукоглазых подступил к нему, но незнакомец ухватился за тупую сторону клинка и разоружил противника. Тот обратился к друзьям, мол, не оставьте это безнаказанным. Шестеро тризмиан в форме быстро посоветались, и после один из них выступил вперед и демонстративно спрятал оружие в ножны — знак доброй воли.

— Слушай, приятель, — устало произнес незнакомец, — понимаешь ли, есть дело. Короче, охрана тут явно медленно соображает, а слушок прошел, что скоро придет левый товар. Этим-то я и занят, но все надо за день обстригать. Ничего личного, лады? Так что включите мозги, подваливайте, перетрем, чтобы все прошло как по маслу.

Дэмми преодолел последние метры до тюков с грузом, спрятался за ними и оттуда наблюдал, как фантом отвлекает несостоявшихся захватчиков. А ничего такой живчик получился: важный, в красном котелке, белой шелковой сорочке с огромными перламутровыми пуговицам, в черном галстуке-бабочке и идеально пошитом пиджаке без лацканов.

– В чем дело-то? – разозлился фантом, как будто не замечая, что тризмиане расходятся в стороны от него.

– Вы, парни, ничему не учитесь, – сказал сержант копов. – У всех одно на уме: думаете, сможете провезти контрабанду фарфы прямо в центральный порт, воспользовавшись тем, что урезан бюджет на борьбу с наркотой. Ты арестован. Обернись, согнись и ухвати себя за лодыжки!

– У меня вроде права имеются, – возразил поддельный Дэмми.

– Назови хоть одно.

– Кодекс раптата, раздел девятый, параграф девяносто первый, подраздел С: «В случае, когда нарушение кодекса подразумевается исключительно на основании объективных экзокосмических обстоятельств, обвиняемому должен быть предоставлен выбор: выбрать адвоката по своему усмотрению или хранить молчание до начала проверки (действует дополнение сорок четыре)».

– Вот чудак-правокачатель, – чуть не простонал сержант. – Простое, чистое задержание обернул чуть ли не межпланетным скандалом со всеми вытекающими.

Качая цилиндрической башкой, он подошел к фантому, а с боков ненавязчиво пристроились двое его помощников. Предполагаемая жертва легко подбросила меч и, поймав за рукоять, отбила коварный удар слева. Взмахом клинка обезоружила противника – и тот спешно попятился, – а после ткнул острием в открытое брюшко копа справа, когда тот замахнулся мечом. Дэмми ногой отбросил в сторону клинок, упавший с глухим звоном.

– Подыщи себе новых ребят, герр обер-ефрейтор, – обратился он к сержанту. – Эти подустали мальчика.

Резко обернувшись, он крикнул «Брысь!» еще одному смельчаку. Тот подскочил, словно ему в зад ткнули вилкой, и принял самый что ни на есть невинный вид.

Настоящий Дэмми чуть слышно фыркнул и двинулся дальше к двери, которую приметил, еще находясь на борту капсулы. Когда он добрался до нее, люк открылся, и в ангар ворвались два инопланетянина не внушающей доверия внешности. Наемники гламорфа, понял Дэмми по искусным – и сильно проржавелым – значкам на форме десятого класса. Командир остановился и взглянул на Дэмми.

– Новый посыльный, что ль? Почему Танвер нас не предупредил?

– Занят был, наверное, – холодно ответил Дэмми. – Чем-нибудь важным. Пепельницу вытряхивал.

– Откуда нам знать, что ты тот, за кого себя выдаешь? – не уступал страж.

– Ну, я же здесь, разве нет? – строго произнес Дэмми и протиснулся мимо него в резкий серый свет и тонкую дымку измороси. Сверху вниз на него взирал детина за рулем транспортного средства, жутко смахивающего на грузовичок года так 1913-го: колеса со спицами, цельнорезиновые шины и все такое... Машина была выкрашена в темный мутно-зеленый цвет; заляпанную грязью надпись на пандексе Дэмми перевел как «Муниципальный автопарк особого назначения», а другую, под ней, как «максимальная г.п. 875 ед.». Ему это, правда, ни о чем не говорило.

– Эй ты! – ожил водила. – Давай-ка не крутись тут.

– Следи за языком, братан, – невозмутимо ответил Дэмми и отвернулся.

Он уловил звук резкого движения – как раз за миг до того, как мир взорвался. Странно, землетрясение без предварительных толчков, успел подумать он и тут заметил, что на глубину пятисот метров солнечный свет не проникает и потому так ярко сверкают блестки на шкуре занятых морских существ. Те столпились вокруг, с любопытством изучая пришельца. Дэмми храбро поплыл вверх, почти даже

не заметив, что без труда дышит под водой.

— ...ладно, шеф? — постепенно проступил грубый голос. — Я огрел этого козла по макушке. На вид по самому мягкому месту.

— Кто он такой? — спросили на коверканном К-5.

Дэмми приподнял одно веко. Существо, которое сидело рядом с ним на корточках и разглядывало его, больше всего напоминало карикатурное изображение жирной помеси белки и устрицы. Его тяжелый панцирь поблескивал яркими огнями цвета плюс и мексиканской гвоздики — в тон лоскутам пушистого хвоста.

— Гастролер, за которым вы велели следить, — торжественно объявил водила.

За спиной у него кто-то вышел из купола. Дэмми узнал симулякр — тот живо вел за собой отряд из шести копов.

— Оп-па, шеф, кажется, я сгруппировался, — пропыхтел водитель. — Вон тот на него похож, а еще он заодно с легавыми.

— Плевать, — безразлично ответил шеф. — Этот вот лежит, скрючился так, что не скажешь, сколько у него хвостов, рук и рогов... Ты не перестарался, когда бил его, Орф?

— Кстати, да, мог... — признал Орф. — Кладите его в кузов, потом осмотрим. Если он не тот, то просто скинем на муниципальной мусорке. Я на своем грузовичке умею концы прятать.

Дэмми подняли на ноги. В этот момент его дубль, проходивший мимо в шести шагах, обернулся и решил подойти к ним.

— Слышь, братан, — бодро обратился он к Орфу. — Вы, пацаны, хоть в курсе, что перед вами — сержант Айовской национальной гвардии?

— Это кто же? Вы, сэр? — как можно раболепнее спросил Орф и всем своим двух с половиной метровым существом обратился в подобие внимания.

– Никак нет, приятель. Я – старший атташе Триарха Грии. А вот этот пассажир, – он указал на Дэмми, – и есть тот самый лейтенант. Лучше пошевеливайтесь, не то он очнется и на месте вас порешит.

Орф с шефом тут же опустили Дэмми, и он шлепнулся на тротуар, изящно – как заметил сам Дэмми – выложенный йалканским плитняком.

– Ну ладно, свиньи, пошли прочь! – пролаял властный голос.

– Сержант, да это же известный грабитель и карманник Орф, – проговорил другой, – а второй негодяй, если не ошибаюсь, сам Чистюля!

– Проваливайте, пока я вас не замел, – неубедительно пригрозил коп с тремя лычками; однако Орф с шефом уже запрыгнули в кабину мусоровоза и рванули прочь, обдав всех облаком не до конца сгоревшего углеводородного топлива.

Начали стекаться зеваки. Дэмми стал рассматривать их. Толпа была разношерстная: высокие и низкие, мохнатые и панцирные, всевозможных расцветок. Кто-то пучил глаза на стебельках, кто-то шевелил утонченным нюхательным органом. Стоял гомон на дюжине наречий, разобрать которые у Дэмми получалось с трудом.

– ...один из этих, с Диска, держу пари! Я слышал...

– ...наркотики. Дегенерат какой-то...

– ...чтоб разглядеть, Фооба ради!

Копы разогнали толпу, а после вернулись к Дэмми, который к тому времени сумел уgomонить свою башку – с каждым ударом сердца она раздувалась вдесятеро и снова сжималась.

– Эй, сержант, – позвал Дэмми. – Вы что, знаменитого грабителя Орфа отпустили?

Он поднялся на ноги, слегка покачиваясь, привалился к

стене.

Копы, довольные тем, что исполняют рутинную работу, не требующую напрягать ограниченный интеллект, прогнали последнего ротозея и обернулись к начальнику в поисках одобрения. Тот мрачно смотрел на Дэмми.

— Что за придирки, лейтенант? — требовательно спросил он, надвигаясь на Дэмми и сжимая в пухленьких ручонках некое устройство — не слишком мудреное, чтобы Дэмми не опознал в нем наручники.

— Фильтруй базар, — спокойно ответил Дэмми. — Разрешаю доложиться. Сообщи в точности, какие тебе даны инструкции и с чем тебя прислали в порт?

— Ну, — сказал сержант, — нам сообщили, что вне расписания доставят предметы жизнеобеспечения, начиненные контрабандой. В точку 12-137251А ровно в два. Полагалось взять одного прощелыгу, улизнувшего от некоего большого чина. Ну а под руку попались вы, и ведь под описание-то подходите.

— Понятно, — кивнул Дэмми. — Иными словами, вы проявили избыток рвения и потому обознались.

— Да, наверное, так, — пристыженно признал коп и нехотя убрал наручники. — Ладно, парни, — обратился он к своим, — доложим, что миссия прошла вхолостую, но мы старались.

Пока смущенные копы, шурша подошвами ботинок, собирались в строй, двойник Дэмми решил наехать на их начальника:

— Послушай, ты, легавый, — раздраженно произнес он. — Как насчет извиниться перед этим благородным человеком? И предоставить ему первоклассный транспорт до места назначения... немедленно?!

— А с другой стороны, — сказал сержант, — гораздо лучше взять хоть кого-то, чем не взять никого. Поэтому... — Он обернулся к Дэмми, доставая наручники, которые, по всей

видимости, парализовали нервы, когда защелкивались. Дэмми сделал шаг назад.

— Эй! — окликнул его коп. — Знаете, а вы двое похожи. Если смотреть не наметанным зрительным органом. Ну, например, у вас обоих розовые шляпы-кастрюли... только твоя с вмятиной от удара Орфа. А ну, быстро сюда!

— Так, ладно, офицер, — примирительно сказал Дэмми (настоящий). — Это еще одно недоразумение. Вас прислали перехватить контрабанду, а не запугивать чиновников дружественного государства. Как вы знаете, Айова и Тризме всегда были большими друзьями.

— Никогда не понимал этой политической белиберды, — отмахнулся коп. — Закон блюсти и без того сложно.

— Разуй глаза, легавый, — резко произнес двойник Дэмми, не обращая внимания на то, что настоящий Дэмми жёстами велел ему заткнуться. — Собирай своих кретинов и проваливай.

— Опять ты? — обернулся сержант. — Эй, кстати, кто из вас двоих кто? — живо поинтересовался он.

— Я — хороший, — быстро вставил Дэмми. За спиной сержанта он снял шляпу и, пока тот оборачивался, ловко поменялся с двойником. Коп печально покачал головой. — А я думал, это у него вмятина на шляпе, — обиженно произнес он.

— Была. То есть и сейчас есть, — заверил его Дэмми. — Хватайте его живее!

Коп кивнул и двинулся на фальшивого Дэмми. Остановился, теребя наручники и постепенно теряя терпение.

— Паршивые браслеты, — пожаловался он. — Ну хорошо, приятель, дам тебе шанс. Не стану заковывать, если пойдешь по-хорошему.

— Забудь, болван, — ответила предполагаемая жертва. Дэмми шагнул вперед.

– Возможно, я смогу помочь, офицер, – сказал он. Забрав у копа неисправные наручники, он ловкими движениями словно вывернул их наизнанку и передал сержанту. – Думаю, сейчас они работают, – небрежно бросил он.

– Эй, что ж вы сразу не сказали, что вы из наших, брат? – сердечно спросил полицейский. – У вас поди и дружки остались в управлении? – Он с надеждой рассмеялся.

– А то, брат, – утешительно ответил Дэмми.

– Постойте, сэр, я сейчас быстро разберусь с этим умником, который пытался сойти за вас. – Коп ловко защелкнул на запястьях симулякра, который и не думал сопротивляться, ограничительное устройство (нейронного действия, «Марк IV», ИН 76842).

– Отличная работа, капитан, – сказал Дэмми. – Следите за ним в оба. А то он такой ловкач.

– Не переживайте за него. Скованный «Марком IV», от меня никто не уйдет.

В этот миг симулякр исчез с негромким хлопком вытесненного воздуха. Наручники упали на мостовую. На секунду Дэмми ощутил странное головокружение. От голода, наверное.

– Только я хотел браслеты на этом бродяге защелкнуть, – безутешно пожаловался сержант, подбирая «Марк IV», – как он дал мне коленом в пах, прыгнул в подъехавшую машину и был таков. Все явно спланировано!

– Разумеется, сержант, – сочувственно произнес Дэмми. – Он воспользовался вашей добротой.

– Похоже, теряю хватку, – посетовал сержант.

– Никак нет, майор. Прошу простить, мне надо чуток подумать. А чтобы стимулировать кровообращение, хорошо бы пройтись, – добавил Дэмми и, не дожидаясь формального разрешения, пошел за угол, где наткнулся на Орфа и его мусоровоз.

— Молодец, что не выехал за поворот, — сказал Дэмми. — Там отряд легавых планирует засаду прямо у главного входа купола.

— Ах они, проныры! — сплюнул Орф. — Теперь я тебя узнал, — добавил он. — Ты Ловчила, известный карманник, грабитель и все такое.

— Верно! — согласился Дэмми. — А не подсказешь, где в этом городишке можно развернуться?

— Подскажу ли! Сам знаешь, Ловчила, я всегда на старте. К тому же шеф тоже любит кости размять.

— Шикарно. Идем... Хотя постой, сперва местных копов потреплем. Они в кустах у служебного входа спрятались: один резкий сержант и шестеро громил.

— Да, но там нет кустов.

— Верно, потому их легко приметить. Ты просто медленно подъезжай, как будто хочешь остановиться — а потом жми по газам. Я тебя позже встречу — только скажи где.

Когда Дэмми прогулочным шагом вернулся ко входу, сержант грустно покачал головой.

— Я все запарол, брат, — пожаловался он. — Ворье среди бела дня проворачивает свои дела. Похоже, пора значок сдавать.

— Не грустите, начальник. Ничего не поделаешь, просто не повезло... Я за вас словечко замолвлю перед комиссаром.

— Ох ты, правда, друг? Видать, не зря я сегодня сюда пришел — знаете, без причины ведь ничего не случается.

— Слыхали когда-нибудь про притон под названием «Зеленый труп»? — как бы мимоходом спросил Дэмми, сам не понимая зачем.

— Шутить изволите! Вам, я смотрю, лишь бы поржать, а повод найдете. Я в том конце города не бывал с тех пор, как

повязали самого Ловчилу, а это было три цикла назад – меня еще тогда повысили. А что?

– Слышал про это местечко, вот и подумалось: пока я тут, почему б не глянуть, – импровизировал Дэмми.

– Поосторожней там, ваша честь. Это такое злачное место, не лучше других, там всякое творится. По хорошему, навести бы там шмон, но все так ловко устроено – все дела в городе там проворачивают.

– Верно мыслите, капитан. Может, подбросите?

– Конечно, друг, не вопрос... но прежде вы повидаетесь с комиссаром, лады?

– Считайте, вас уже повысили.

– Я вас прямо отсюда заберу... или из хостела, где вы остановились. Поверьте, сэр, сержант Блут – коп, который сразу видит истинного джентльмена. Истинный джентльмен – большая редкость в наши дни. Кстати, когда будете шептаться с вашим другом комиссаром, прошу, не говорите ничего о том, как этот гад, которого я почти схватил, от меня ушел.

– Ни словом не обмолвлюсь, – пообещал Дэмми, а про себя подумал: вот странно, из всех техник манипуляций, которые предлагают мастера от Макиавелли до Друнта, лучше всего работает старый добрый развод. Я словно в Чикаго вернулся.

Тут вдалеке без предупреждения возникло нечто твердое – нет, даже не твердое, но и не газообразное – стена вибрирующих молекул, хотя молекул там не было, только их вибрация в самом нижнем звуковом регистре, с дозвуковыми и сверхзвуковыми обертонами. Этот звук, как запоздало отметил Дэмми, заполнял собой все пространство и время.

«О, так значит Большой взрыв – правда!», – успел подумать он перед тем, как его накрыло: смело в бездонную

беспредельность, где он завис, быстро вращаясь вокруг длинной оси и светящегося тела поблизости в бесконечной дали.

«Теперь, значит, я планета», – сказал он себе молча голосом, прогремевшим до самого барьера вечности и отразившимся эхом как тонкий писк.

«Давай-ка все сопоставим», – строго велел себе Дэмми. Повалил черный дым, густой, удушливый (хотя дышать надобности не было); появилось неясное ощущение, будто его привязали к якорю. Наконец Дэмми определился: это боль такая. Занятное понятие. Зачем воспринимать боль как неприятное? Но что тогда удовольствие?

В то же время решить этот вопрос было важно. Дэмми потянул за мономолекулярную нить, которой был привязан к боли, и та приплыла к нему сквозь головокружительные картины взрывающихся галактик, ловко маневрируя между космически мусором, и наконец остановилась, оглушила так, что разум онемел. Дэмми вцепился в нее, уколотившись об острые шипы и битое стекло, отпустил и соскользнул – разбился обо что-то, что обволокло его пушистым дном озера, наполненного тихими снами. Дэмми открыл глаза и поморгал.

Насыщенный янтарный закат затопил узкую улочку, словно приливная волна слабого чая. Несмотря на это, он без труда прочитал светящуюся зеленовато-желтую вывеску «Зеленый труп». В кои-то веки фраза «не промахнешься» пришлась к месту.

На улице Вонючей околачивалось несколько граждан – по многим причинам, не считая той, по которой улица получила свое имя. Дэмми прошел мимо стоявших в глубоком дверном проеме двух стройных эвианских проституток с синей кожей, потом принял вбок, чтобы не столкнуться с ковыляющим навстречу трункианским аристократом в со-

провожении четырех похожих на пауков телохранителей-феелей. У открытого входа в тошниловку, в которой Дэмми и назначил встречу, терся одинокий тризмианин.

Дэмми с трудом припомнил, что сержант Блут высадил его в начале улицы и спешно ретировался — мол, надо рапорт написать. Он приблизился к тризмианину и метнул мысль ему в голову. Из дверей доносились звуки и запахи, предполагающие одновременно кутеж и насилие.

Охранник преградил Дэмми путь.

— Рутинная проверка, сэр, — прожужжал вышибала на трущобном диалекте К-5.

— Присохни, плесень! — прожужжал в ответ Дэмми.

Вышибала угрожающе надвинулся на Дэмми, но тот не шелохнулся. Рука охранника поползла к бедру.

— Хочешь испытать меня, гнида? — прорычал он.

Вспомнив фокус Быстрого Гарри, Дэмми выдернул пистолет из кобуры охранника, выщелкнул обойму и выстрелил в воздух. Вернул оружие в кобуру еще до того, как обойма коснулась засаленной мостовой.

На противоположном конце квартала феели сгруппировались вокруг нанимателя и глазели на заварушку у двери в бар. Охранник, изо всех сил стараясь сохранить лицо, махнул им рукой:

— Это так, приколы, ребята, — и снова взглянул на Дэмми. — Надеюсь, я этого не видел, — пробормотал он.

— Ступай внутрь и закажи мне лучший столик, — сдержанно приказал Дэмми. — А заодно — самый большой и сочный в Тризме стейк.

— Кто ты, говоришь? — спросил тризмианин, пятясь к двери.

— Скажи, что тебя послал Граучо, — ответил Дэмми. — Да поживее.

Спустя пять минут Дэмми уже вспарывал ножом хрустящую черно-бурую корочку, под которой открылась дымящаяся сочная мякоть розового цвета, толщиной не менее пяти сантиметров – филе блерба. Руки у Дэмми слегка дрожали. Он, конечно, сэкономил энергию, вручную обезоружив вышибалу, – а мог бы телепортировать пистолет себе в карман, – но силы были на пределе. Если бы охранник поартачился еще чуток, Дэмми пришел бы конец.

Стейк был шикарный. Он весил целый килограмм. Именно то, что надо! Да и запахом несколько не отличался от первосортного американского стейка. Дэмми мимоходом подумал, что можно было бы, наверное, разводить блербов на просторах Техаса или Флориды: каждая туша – три с половиной центнера чистого мяса плюс превосходная желто-розовая шкура.

Увлеченный едой, Дэмми старался не обращать внимания на галдящую на нескольких наречиях толпу, собравшуюся в этом просторном заведении с низким потолком. Доев, он ощутил эйфорию – начали прибывать силы.

Откинувшись на спинку кресла и потягивая черное вино из стакана с тонкими стенками, Дэмми забавлялся тем, что разглядывал представителей разных видов – прежде он их знал только по учебникам Ксориалля. Разнообразие просто поражало – до тех пор, пока Дэмми не вспомнил, что на той же маленькой Земле обитает два миллиона видов членистоногих (и это только те, что дожили до наших дней), не говоря уже о прочих видах фауны и флоры. Природа никогда не исчерпает запас решений для проблемы связи между живым и неживым. Тут Дэмми заметил проблеск радужных переливов.

– Флосс! – крикнул он, перекрывая гам.

Подскочил услужливый официант-анцилоид. Дэмми объяснил ему:

– Увидел старого приятеля и позвал не думая.

Он указал на хрупкую фигуру в гуще толпы, выделяющуюся на фоне неряшливых тризмиан. Официант кивнул головой-морковкой, усакал прочь, и через мгновение Дэмми уже смотрел в знакомое пчелиное лицо роскошной расцветки и на крылья бабочки, то бишь на своего бывшего попутчика-сокамерника.

– Падай, Флосс, – пригласил он приятеля. – Как говорится, не ожидал тебя тут встретить.

– Боюсь, сэр, произошла ошибка, – возбужденно вклинился официант. – Это существо, сэр, Его Высокопревосходительство Генерал-Фельдмаршал Барон Клэйс, почтивший визитом сие скромное заведение по случаю обретения вышеозвученных титулов и вступления в должность при Директорате.

Далее он представил Дэмми как лорда Бонбона из Зрейда по делам Синдиката. Затем ушел, оставив Дэмми озадаченно взирать на пестрого инопланетянина.

– Да. Лорд Бум-бум – это я, – сказал Дэмми. – Он же Ловчила.

– Мне показалось, ваше имя Бон-бон, милорд, – пропело бабочкообразное создание.

– Наверно, официант оговорился, точнее, одумался. Присаживайся, Флосс, отведай винца. Весьма недурное. Не классное, но и не плохое.

– Как успела уведомить вас здешняя обслуга, милорд, я – барон Клэйс, – напомнил Флосс резким и звонким, как натянутая струна, голосом. – Любезно прошу избавиться от заблуждения, будто я друг вашей светлости. Боюсь, никогда не имел чести таковым быть.

– Да завязывай уже, Флосс, – радушно улыбнулся Дэмми и стрельнул ментальным зондом в сторону знакомого, смутно очерченного ментального поля этого чахлого создания,

чью жизнь и имущество спас недавно от покушений орды теестов. К своему изумлению, Дэмми наткнулся на барьер вроде того, который держал их с Флоссом взаперти на борту транспортной капсулы.

Дэмми хохотнул, и его визави вздрогнул.

— Умно, Флосс, — пропел он на К-7. — Что за причина для подобной скрытности?

Существо с радужными крыльями выдвинуло стул и присело.

— Не подавай виду, будто знаком со мной, — тихо прощелкало оно. — Тебе грозит большая опасность.

— Еще бы, как и всем, — беспечно заметил Дэмми. — В чем дело-то?

Он огляделся: никто не смотрел на него с откровенной враждебностью, однако взгляды были прикованы к сцене, разыгрывавшейся за его столиком. От толпы отделилась тройка необычайно крупных тризмиян в одежде строгого и в то же время элегантного цвета и покроя. Шагая плечом к плечу, они подошли к столику и остановились за спиной у Флосса, или барона Клэйса, как он просил его величать.

— О, задержание? — беззаботно произнес Дэмми. — Снова меня кто-то продал. А я-то думал, откуда все эти парни знают, где меня искать.

— Так получилось, милорд, что я старший офицер разведки Консенсуса, — сухо представился жукомордый аристократ. — Всего лишь исполняю свой долг. На самом деле я только что спас вас от уничтожения. Если бы я подал иной сигнал, вас испепелили бы на месте. Эта опция, кстати, имела приоритет категории А, однако я дарю вам временное помилование. Ну, довольно излишних объяснений. Говорите — кто вы?

— Хорош дурака валять, Флосс, — дружески проговорил Дэмми. — Сам знаешь, я — Дэмми Монтгомери. К чему эти

игры?

– Я уже достаточно откровенно признался, Дэмми, что я – офицер разведки. Разве я обязан по первому требованию раскрывать профессиональные тайны?

– Просто хватит лепить горбатого. Можешь спокойно признаться, что ты Флосс. Хотя я знаю это и так.

– Ладно, Дэмми, и правда некогда я ходил под личиной персоны, о которой ты говоришь. Ну что, видишь? Я ничего не утаиваю. Ну, или почти. – Судя по выражению на печлином лице, инопланетянин ждал, что Дэмми этим заявлением удовлетворится.

– То есть теперь ты большой госслужащий и у тебя своя шайка энтузиастов, так что ли? – саркастично спросил Дэмми.

– Не уверен, что понимаю, – сдержанно ответил барон Клэйс.

– Сам же предупреждал, помнишь? Мол, Галактический консенсус это просто горстка существ, которые хотят захватить мир при помощи одной только болтовни.

– Издержки профессии, порой приходится лгать, но я и не спую, – все так же сдержанно ответил Флосс, или барон Клэйс.

– Ну спасибо, приятель. А в чем смысл? Чтобы я вломился к вам и меня прихлопнули, не дав вякнуть ни слова? Вдобавок ты и власти предупредил?

– Это иррационально, Дэмми, пытаться оценивать мои поступки в соответствии с твоим искаженным мировоззрением.

– Да все ништяк, Флосси. На самом деле ты помог: просто заporол все. Если б не ты, я бы даже не знал, как важен для вас, народ.

– Смысл твоих слов ускользает от меня, – ровно и холодно проговорил барон Клэйс, будто хватил кувалдой по обледенелой наковальне.

Дэмми подозвал кружившего неподалеку официанта-анцилоида.

– Повтори прежний заказ как десерт, – сказал Дэмми. – Люблю заесть большой стейк из блерба большим стейком из блерба. Самое то кишки умаслить.

Флосс не стал ничего заказывать.

– Аппетит у тебя нездоровый, если позволишь заметить, – неодобрительно пропел он. – Мне вот приходится придерживаться строгой диеты школы Тайна – главным образом цветочные нектары.

– Маловато белков, – заметил Дэмми. – Неудивительно, что ты такой тощий, если позволишь заметить.

Флосс невозмутимо смотрел, как Дэмми уплетает второй кусок мяса.

– Есть три вида голода, – с чувством принялся рассуждать Дэмми. – Тип первый – за компанию. Это когда любишь сходить с друзьями в хороший ресторан и заказать нечто особенное. Тип второй – когда кишка кишке кукиш кажет. Третий – это когда клетки твоего тела слегка истощены и нуждаются в подпитке. Собственно, вот что происходит, когда сидишь на диете ради потери веса. Если не поешь, то ласты склеишь. Я познал все три типа голода.

Он с наслаждением похлопал себя по животу.

– Откровенно говоря, Дэмми, я был изумлен, когда ты сумел уйти от генерал-полковника лорда Блута и группы захвата верховного комиссара Орфа, – оживленно признался Клэйс. – Ты открыл нам совершенно новый тип поведения, какого я не ожидал. Ты хитер, Дамокл. Теперь мне это понятно. А разбираясь с отрядом «вандалов» (теестов я лично набирал, не сомневайся), ты просто ввел меня в заблуждение относительно этой твоей сильной стороны.

– Не совсем так. Мне и правда не понравилось, как они разоряют твоё гнездышко. Оно мне глянулось.

– Надо думать. Ведь я извлек образ из твоих фантазий третьего уровня.

– Ты называешь меня хитрецом, Флосс, но и сам ловкий манипулятор. Я все гадал, что ты задумал... наконец, понял.

– Серьезно? – равнодушно пробормотал барон Клэйс.

– Во-первых, в зале стало уж больно тихо сразу после того, как ты подсел ко мне. Гам, суматоха – все резко стихло. Да вот только маленький отряд горилл по углам приглядывал вовсе не за мной, а за тобой.

– Ты заблуждаешься, Дамокл, – прозвенел Флосс. – Моим подчиненным отведена роль в схеме.

– Бред, это не я, а ты под колпаком. И вот еще что. Все это представление: забавные игры в доках, волокита с сержантом Блутом и вот эта подстава – все для того, чтобы меня расслабить и чтобы я выплакал в жилетку свою историю. Но почему бы просто не повязать меня и не начать колоть, светя лампой в глаза? Хочешь привязать меня к себе, а потом выдоить? Думаешь, я смогу тебе сказать, что творится? Прости, друг.

Жукомордый инопланетянин подался вперед и заговорил очень серьезно:

– Дамокл, галактика куда шире и сложнее, чем ты можешь вообразить. Силы пришли в движение. Они определяют развитие Космоса на многие века вперед. Может, просто расслабишься и будешь наслаждаться удачей в виде моего снисхождения?

– Умоляю, говори конкретней, ты, двурушник, – смиренно произнес Дэмми. – Кстати, еще одно я знаю наверняка: барон, ты не так уж и крут.

– Я крут, Дамокл? – Флосс подергал крыльями, которые в приглушенном свете казались почти серыми. – Ты же сам знаешь, что я никогда не строил из себя крутого. Я довольно чувствительное создание со склонностью к эстетике.

– Лапша развесистая, – констатировал Дэмми. – Образно выражаясь: как так получилось, что из всех стрелков в городе против меня выставили тебя?

Инопланетянин не ответил, и Дэмми отодвинул стул и встал.

– Лучше достань пушку, здоровяк. Игра в друзья не прокатила.

Перегнувшись через столик, он упер ладонь в черное бархатистое лицо и толкнул. Флосс опрокинулся на пол вместе со стулом. Дэмми переступил через распростертое тело и, не оборачиваясь, направился к выходу.

Для себя он сделал одно любопытное открытие, когда коснулся пчелиного «лица».

ГЛАВА 11

Снаружи Дэмми остановился, ощутив слабое головокружение, но быстро оправился и нырнул в вонючий переулок напротив бара. Оставаясь в тени, проследил, как через дверь бара вышел отряд охранников. Они подошли к бойкому человечку в мятом розовом котелке – тот поклонился с наигранной учтивостью – и вместе с ними направились к поджидавшему неподалеку автозаку. Скрипнув крышкой, машина рванула прочь и скрылась за углом. Мгновением позже ночную тишину разорвал жуткий металлический лязг. Сверкнула вспышка, и по улице заметались резкие тени. Прибежал одинокий охранник и нырнул обратно в «Труп». Почти сразу выбежал – еще быстрее, чем примчался. Затем появился Флосс – он растерянно озирался, будто проверяя, не идет ли дождь.

– Да ладно, Флосс, хорош комедию ломать, – позвал Дэмми. – Признай: меня не обхитрить.

– Это уж точно, – отозвался Флосс. Он на миг как будто смутился, но после быстро подошел к Дэмми и перешел на деловой тон: – Признаю свою ошибку, Дамокл. В случае с таким аномальным феноменом, как ты, требуется особая тактика.

– Ага, – фыркнул Дэмми. – И что ты запланировал? Кстати, пятерка тебе за выдержку. Когда тебя пихают в морду, кто угодно из себя выйдет, а ты – огурцом. Ни на шаг не отступил от своей дурацкой роли. Сам понимаешь, игра

окончена, но разве тебе не хочется знать, зачем я так поступил?

— Полагаю, этой хулиганской выходкой ты выразил досаду на то, что не удалось меня запугать. И, разумеется, мои подчиненные действовали поспешно — не дожидаясь отмашки, что противоречит не только правилам, но и моим собственным убеждениям.

— Ну и?

— Определенно, Дамокл, ты должен понимаешь, что нам с тобой нужно примирение — на основе реалистичной оценки положения дел.

— Заколебал...

— И пальцем не трогал, — серьезно ответил Флосс и тут же добавил: — О, понял-понял, это твое очередное невразумительное вербальное проявление остроумия.

— Ну ладно, пока мне известно, что ты у нас та еще скромница и скрытница, а я — слишком важен, чтобы разгуливать на свободе. Вначале я был наивным дурачком — когда наткнулся на тебя, такого безобидного и простодушного, и ты наплел мне про пленившего нас Воцила Напта... Сейчас мы знаем немногим больше. Хотя мне неясно до сих пор, зачем ты все это подстроил и как ты узнал, когда и где меня хватать. Должно быть, тебя предупредил Ксориалль. Я ведь тогда, такой доверчивый, увидел, как он монтировкой крушит свою межзвездную радиостанцию, и ничего дурного не подумал. Однако к чему это нас подводит? Я готов хорошенько вздремнуть, чтобы свежим встретить новый день. А ты чего хочешь?

— Я? Хочу? — пораженно переспросил Флосс. — Дэмми, да чего мне желать от такого, как ты?

— Забей, я и так знаю ответ: ты хочешь повязать меня по всей науке. Но для чего? Впрочем, и это в голову не бери, — продолжал Дэмми. — Что-то я медленно соображаю, но эту

идею стоит обмозговать: не ты заправляешь этим шоу, а значит, тебе понятно не больше моего.

– Чепуха. Я полностью контролирую ситуацию.

– Может, стоит примкнуть к властям, и вот тогда чего-то добьемся?

Клэйс-Флосс издал насмешливое «щелк!» и сразу добавил:

– Заверяю тебя, мой мальчик...

– Ты уже заверял меня, – перебил Дэмми. – И я не твой мальчик.

– Ты испытываешь мое терпение, – строго произнесло крылатое создание.

– Ладно, буду паинькой. Я вижу, когда противник сильнее меня, – сдался Дэмми и тут же выпустил заряженный ментальный зонд в мыслеполе собеседника. Снова врезался в прочный как сталь барьер. Пошатнулся, зарядил зонд и сделал вторую попытку. На сей раз непреодолимая сила схватила его за энергетическое щупальце, а мгновением позже сама вторглась в его разум и принялась там шарить, блокируя почти все мысли. Дэмми тщетно попытался справиться с силами.

– Черт, – обронил он. – Старину дока Ксориалля пора лишать лицензии. Стоило мне столкнуться с проблемой, как я сдуся, словно проткнутый шарик.

– Не печалься, Дамокл. Ты сейчас – не ты, и я говорю совершенно буквально.

– Что это должно значить? – как в тумане, спросил Дэмми.

– А ты подумай, Дамокл, – мягко надавил Флосс. – Ты лихо завладел большими силами, которыми вот так не бравируют. Ты должен был заподозрить – или сообразить, – что даром такие возможности не даются.

— А то! Стоит только отколоть удачный номер, как сразу гамбургер умять охота.

— Я не в том смысле. Не спору, использование пси-возможностей истощает запас жизненных сил, а неосмотрительность и вовсе может погубить.

— Это ты мне говоришь?

— Жаль, Ксораиллю следовало тебя предупредить, но он, конечно же, не сумел полностью оценить степень успеха, которого добился, сам не зная того. Впрочем, это все равно безответственно.

— Ну да... но что это был за прикол с нервным срывом?

— Я же говорю: сейчас ты — не ты. Обычно это лишь фигура речи.

— Переходи к сути.

— Ты, несомненно, помнишь, как сегодня чуть ранее ты испытал краткий миг дезориентации.

— Краткий миг? Если уж на то пошло, то я дезориентирован с тех пор, как на арктической базе за мной закрылся люк Волшебной Тыквы.

— Перед тем, как покинуть борт транспортной капсулы, ты принял определенно разумные контрмеры на случай враждебного приема: вызвал симулякр четвертого уровня в качестве отвлекающего маневра.

— Верно, и все прошло как по маслу.

— Подобный прием, Дамокл, это, наверное, самая опасная из пси-техник. Именно по этим соображениям фельдмаршал Блут и не догадался, что ты прибег к подобной тактике.

— А я решил, что Блут так туп, что и сержантом зваться не достоин. Короче, моя уловка сработала.

— Это точно. А теперь, Дамокл, постарайся вспомнить: ты испытывал период, м-м-м, ментальной пустоты, если можно так выразиться? Когда ты не отдавал отчета в своих действиях?

– Ну, все стало как будто в тумане с тех пор, как Блут меня подбросил. Помню только, как он меня высадил у «Зеленого труп».

– До этого шел период времени, в течение которого ты, как Дамокл Монтгомери, не существовал.

– Чего?

– Ты не ощущал приступов дурноты, когда отправил покорного симулякра на убой? Если свернем за угол, то найдем обугленный труп, все еще прикованный к сиденью среди останков бронированной машины.

– А что, давай взглянем, – согласился Дэмми. – Твои ребята сунули меня в автозак и взяли с места в галоп, да за углом врезались в стену. Не часто выпадает возможность на свой труп глянуть.

И он первым отправился за угол. Там дымились останки бронированного автомобиля.

– Странно, никаких мертвых копов, – сказал Дэмми. – Думаю, это было бы расточительно даже для такого добряка, как старина Флосс-Клэйс-Астроба.

– Схема была глупая. Сам видишь, ударила в ответ, – признал Флосс. – Мои лучшие вычисления и мельком не предусматривали, что ты сумеешь переправить свой эгогештальт в симулякр, тем более в момент разрушения.

– Но зачем было меня взрывать? Говоришь так, будто я был бомбой с часовым механизмом.

– Ты недалек от истины, Дамокл, и механизм этот тикал уже довольно давно. Пришлось действовать быстро. Все же действие лучше бездействия.

– Я очень постараюсь изменить твое мнение на этот счет, – мрачно пообещал Дэмми. – Похоже, придется вызывать тяжелую артиллерию. А пока давай взглянем на тело.

И он шагнул к пышущему жаром стальному остову – разорванная оболочка на покореженных колесах посреди

пяточка опаленной мостовой. Сбоку безвольным мешком лежало обугленное тело. Дэмми взглянул в почерневшее лицо, на дымящиеся останки некогда щегольского наряда. Затем подобрал розовую шляпу и внимательно ее рассмотрел.

— Говоришь так, будто я хладнокровный убийца, но ведь это был просто симулякр. Не настоящий я — да и вообще никто.

— А что, по-твоему, ответил бы на это сам симулякр?

— Понятия не имею. Наверное, не очень много. Он же как призрак. Ну, или объемное фото.

— Правда? И что ты сейчас чувствуешь, Дэмми? Ощущаешь ли себя живым? Воспринимаешь ли себя как Дэмми Монтгомери?

— Да, а что?

— А то, Дамокл, что ты и есть симулякр.

Несколько часов спустя они сидели в кабинете с широкими окнами, за которыми уходила за горизонт панорама метрополиса.

Клэйс сочувственно взирал на Дэмми.

— Думай, Дамокл, — прожужжал он. — Консенсус не протянул бы долго, если бы позволял разным выскочкам безнаказанно попираť законы. Обвиняют тебя совершенно справедливо: суд Консенсуса — это вершина идеального правосудия.

— Шикарно. Когда можно позвонить адвокату?

— В этом нет нужды, Дамокл. Суд будет представлять твои интересы куда лучше, чем иное менее информированное агентство.

— Мило. Ну и когда процесс?

Клэйс-Флосс цыкнул языком:

— Не забивай себе голову этим, мой мальчик.

— Тебя ждет гора дел лет на шесть вперед, — предупредил Дэмми.

— Ни в коем случае. Суд Консенсуса эффективен настолько же, насколько и справедлив. Твое дело уже рассмотрено.

— И каков вердикт?

— Само собой, виновен. А чего ты ждал, Дамокл? Ты ведь понимаешь, что вел себя с вопиющим неуважением к законам Консенсуса с того самого момента, как проник в закрытые зоны на маленькой базе Ксориалля.

— А приговор?

— Можешь не сомневаться, тебя ждет отнюдь не унылое заключение. Галактический консенсус — цивилизация древняя, жаждет новизны, яркого и неожиданного исхода. Ты зарекомендовал себя как находчивый образчик жизни. А уж насколько находчивый, это мы выясним — во исполнение твоего наказания и на потеху миролюбивой публики.

— Ага. И что все это значит? — Дэмми показалось, что позднее, когда усталость немного пройдет, он попытается это уразуметь. Но сейчас его клонило в сон.

ГЛАВА 12

«Похоже, все арены одинаковы – от Большого цирка до стадиона «Янки», – рассуждал Дэмми, разглядывая нависшую над ним конструкцию. На трибунах пыжились шумные и важные существа. На легком ветру полоскали флаги.

В дальнем конце арены с лязгом открылись железные ворота, по обеим сторонам которых стояло по тризмианину с длинным шестом. Из темного тоннеля под трибунами неуклюже, на четырех лапах, выбежало существо. Дэмми сперва показалось, что это медведь.

– Нет, – потом решил он, – слишком тощий и...

Существо галопом выбежало на арену, затормозило, припало брюхом к земле, потом растянулось. Его мохнатую шкуру покрывала пыль, оно напоминало человека в длинной шубе.

Дэмми осторожно двинулся к нему. Когда оставалось шагов десять, существо зашевелилось, вытянуло длинные руки и кривые ноги, которые заканчивались не чем-нибудь, а подобием ладоней. Черными когтями одной ноги поскребло плешивый участок тела, в котором Дэмми опознал грудь. Потом перекатилось на спину, и в той стороне его тела, где полагалось быть голове, раскрылся поразительно широкий рот, полный крупных, желтых как лимон, зубов, между которыми виднелся сероватый язык. Поверх рта сидели две черные впадинки почти в два с половиной сантиметра диаметром, окруженные спиралями и завитками хрящевой

черной плоти. Еще выше располагалась пара мелких, окаймленных красными веками и налитых кровью карих глаз – они тупо уставились на человека.

– Так-так, – сказал Дэмми. – На вид здоровенная обезьяна, но зубы как у гоминиды...

«Изумительно, – раздался в голове Дэмми ясный голос. – Такой урод увидел во мне, прекрасном создании, какого-то мипу-переростка. Да он из людей, судя по запаху, только сильно больной: тело голое, безволосое, конечности хилые. Нацепил на себя шкурки, чтобы скрыть позорную хворь. Но... выбирать не приходится, компания есть компания».

«Ого, спасибо, друг, – саркастично подумал Дэмми. – Я, видать, теперь в высших кругах общества, раз меня признал за своего резус-переросток. Или, если быть точным, австралопитек робустус».

– Привет, – сказал он вслух.

Обезьяноподобный человекоид отпрянул, глаза его заметались, словно он искал путь к отступлению.

«Оно на меня гавкает, – ясно расслышал его мысли Дэмми. – Как бы не набросилось...»

Существо осторожно протянуло Дэмми все четыре конечности, и он бережно пожал по очереди каждую из них. Ороговевшие ладони были горячие, сухие и твердые на ощупь, как собачьи лапы. Обезьяночеловек тепло принял жест и вроде как повеселел.

– Не волнуйся, приятель, – успокоил его Дэмми. – Обещаю первым не кусаться.

«Любопытно. – Реакция существа пришла даже не в виде мыслеслова, а как бессловесная мысль. – Оно гавкает и разговаривает. Удивительно, зачем. Зачем ты гавкаешь, друг?»

– Что ж, я отвечу, чувак. У нас так дома принято. Кстати, давно ли ты в этой тюрьме?

«Судя по процентному содержанию нуклида 152, его остаточных следов в моих тканях, можно сделать вывод... э-э-э... разреши, я подберу меру в твоей голове?»

Дэмми вздрогнул, когда призрачное щупальце залезло ему под купол.

— Первый раз кто-то, кроме меня, роется в моей памяти, — заметил он.

«Ага, вот оно... 1 742 904 с половиной... года».

— Да это ж два миллиона лет?! — ахнул Дэмми. — Как ты еще не помер, чувак?

«Жизнь размеренная, — ответил Чувак. — От сна до сна, от трапезы до трапезы. Получаю от жизни все радости, и прерывать такое существование пока не собираюсь».

— Говоришь, как будто это в твоей власти.

«Гавканье мешает следить за твоей речью, — посетовал Чувак. — Будь умницей и перестань лаять, будем говорить молча. И да, это в моей власти — а как же иначе?»

«Там, откуда я родом, большинство проживает отпущенный им срок, а потом склеивают ласты».

«Какой ужас! Откуда ты?»

«Как у тебя с астрономией?» — напрямую заинтересовался Дэмми.

«Плохо. Сомневаюсь, что сумею перечислить спектральные характеристики более чем половины звезд в галактике».

«Понятно. Ладно, тогда так». — Дэмми визуализировал положение Солнца относительно 61 Лебеда, Альфы Центавра, Веги, Капеллы, Сириуса и некоторых других звезд.

«Удивительно! — воскликнул Чувак. — Вообще-то... нет, это невозможно. И все же да! Звезда Холодная Невеста и сама двойная планета! Иди, обниму, приятель, болееешь ты там или нет! Похоже, мы с тобой соотечественники».

Дэмми без энтузиазма упал в объятия человекоподобного создания.

«Ты закрылся от меня, — заметил Чувак. — Такой застенчивый... не думай, будто ты ниже, основываясь лишь на одних внешних данных. Постой! Я покажу, как рестимулировать старые фолликулы, и ты станешь красивым, как я сам. В один момент!»

«Да не бери в голову, чувак, — воспротивился Дэмми. — Ты настоящий друг и это предложение делает мне честь, но я берегу силы для кризисных ситуаций».

«Предвидишь трудности?» — как-то вяло поинтересовался Чувак.

«У меня уже трудности. А как насчет тебя? Нравится сидеть за решеткой миллионами лет?»

«Ты перегибаешь, — возразил Чувак. — Вообще-то я уже повидал галактику намного больше, чем мог бы, сидя в родном болоте и ворочая гнилые бревна в поисках сочных корешков».

«А ты не оптимист».

«Забавная мысль. Как можно смотреть на что-то с положительной стороны, когда все стороны строго положительные?»

«Я пытался определить твой вид, — доверительно сообщил Дэмми. — Ты, без сомнения, из животных, хордовых, позвоночных, млекопитающих, плацентарных, приматов, причем высших, но вот дальше... теряюсь. Без обид, но еще никто не выкапывал гоминиду с руками вместо стоп».

«Гм-м... Вообще-то не стоит ждать, что плюсна хорошо сохранится в окаменелом виде», — только и подумал в ответ Чувак.

«Два миллиона лет, — сказал Дэмми. — Это значит, ты жил во времена австралопитеков».

Он визуализировал воссозданный образ последних.

«А, эти малютки. Был у меня один приятель, который поймал как-то их самочку и оставил себе в качестве питомца.

А она возьми да и понеси от него. Выходит, близкие родственники, как ни противно это признать».

«Можно?» – спросил Дэмми, протягивая ментальный щуп к мозгу Чувака.

«Валяй, не стесняйся. Я-то у тебя порылся и довольно бесцеремонно, должен признать, – пока ты думал о других вещах».

Дэмми мысленно кивнул и внедрил в мозг Чувака.

«Странно, – заметил он. – Зоны Брока и Вернике гипертрофированы, а угловая извилина слишком мала. Наверное, это связано с тем, что ты телепат...»

Он углубился дальше в мозг и с удивлением обнаружил, что дугообразный пучок расширен в хорошо развитую часть коры, конкретной функции за которой не признавалось.

«Мы с тобой настроены немного по-разному, – сообщил он сокамернику. – Но ты, наверное, не разбираешься в анатомии».

«Не больше, чем в астрономии. Я заметил, что у тебя странным образом иссушены зоны речи, а необычно сокращенный пучок отвечает за твою привычку лаять вместо того, чтобы говорить».

«Забавная мысль. Ранние люди были телепатами, но потом лишились этой способности. Интересно, почему?»

«Кажется, я знаю. Когда-то огры и тролли доставляли нам много хлопот. Эти жуткие твари, похожие на людей – и оттого еще более отвратительные – устраивали на нас засадки и пожирали мозги. В ответ мы выработали условные сигналы – гавканье, которого они не понимали. Со временем, видимо, этот код стал основным способом общения. Но ты говоришь вполне сносно».

«Я вообще случай особый, – сказал Дэмми. – Меня брали для специального обучения».

«Смотрю, у тебя опущена гортань и языковой придаток, — заметил Чувак. — Тебе, должно быть, и правда проще гавкать».

«Эти ваши тролли и огры, наверное, не умели общаться мысленно».

«Ты прав. Только лаяли и мычали. Тупые создания».

«Вот только они, похоже, победили... конечно, если наш предок не эректус, а вы, в чем я лично сомневаюсь. Готов спорить, что ты даже не гоминида».

«Любопытная мысль, — грустно ответил Чувак. — Представить только, люди проиграли ограм и троллям! Но ты выглядишь вполне по-человечески. Так что мы, несмотря на все различия, все же родственники. Пусть даже не прямые».

И снова Дэмми пожал ему все четыре руки.

«Ну и каково там у нас сегодня дома? — искренне поинтересовался Чувак. — Вымерли, наконец, драконы? Время от времени нам еще встречались редкие экземпляры. Должно быть, где-то на задворках жили и плодились. Но с каждым годом встречались все реже. Помню последнего виденного мной».

И он передал Дэмми мысленный образ игуанодона, перетирающего зелень беззубыми челюстями.

«У нас принято считать, что последний динозавр двинул кони в меловой период, — сказал Дэмми. — Если судить по окаменелостям».

«М-м... логично. Застенчивые были твари. Вечно прятались, когда наступала пора умирать. Мертвых мы их не видели. Думаю, предчувствуя свой конец, они уходили в края с неплодородной почвой. Знал я одного типа, утверждавшего, что драконы якобы уплывают в море, в попытке вернуться туда, где они зародились. Правда, континентальный дрейф им всю малину испортил».

«Как лемминги? А почему нет? Гипотеза не хуже других. Или взять тех же угрей».

«Прости, лемминги, должно быть, появились уже после меня. А угри – это длинные тощие рыбы, которых мы в реке ловили. Почему ты о них вспомнил?»

«Европейские и американские угри нерестятся в регионе Атлантики, известном как Саргассово море. Затем, следуя инстинкту, возвращаются в родную реку. Есть теория, что они первоначально нерестились в Атлантике, пока та была просто большим озером. Примерно так же поступают и тихоокеанские морские черепахи. Поразительно, подумать только – все эти животные и рыбы прутся в географические точки, которых не существует вот уже миллион лет».

«Многое меняется, – сказал Чувак, – но мы можем рассчитывать на неизблемость основного: бескрайний лес, неисчерпаемый источник дичи, и водоемы, дарующие чистую воду и съедобную рыбу... Вот это никуда не денется, как бы ни менялись обычаи племен. Вернулся бы я сейчас домой, наверняка бы услышал лишь одно гавканье, но я смог бы укрыться в гуще леса и не вспоминать о нем».

«Племена преуспели, – сказал Дэмми. – Может люди, может огры, а может и гибриды – мы расселились повсеместно. Укромных уголков не осталось».

«Значит, настоящий рай здесь, – задумчиво предположил Чувак. – Не сомневаюсь, что мы сумели покорить больших кусачих тварей, и больших шумных тварей, и очень больших мохнатых тварей и вообще...»

«Может, это логично, – заметил Дэмми. – Телепатия – примитивная форма коммуникации. Птицы, рыбы и насекомые общаются, не гавкая, и хотя гомо эректус обладал хорошо развитыми зонами Брока и Вернике, а совместная охота показывала, что он способен к общению, его глотка и язык не были приспособлены к настоящей речи...»

«Я очарован, — в восторге произнес Чувак. — А мы, наконец-таки, решили проблему сквозняка в пещерах? А проблему утилизации отходов жизнедеятельности? А проблеме гнид, зубной боли, собачьего холода и адской Представляю: мир, где больше не надо бояться зверей...»

«Только человека, — сказал Дэмми. — Сперва мы стерли с лица Земли гиенодонов, пещерных медведей и саблезубых тигров. Потом принялись друг за друга. Из лучших побуждений. Чтобы закалить характер. Первым героем стал вовсе не тот, кто пронзил деревянным копьём брюхо мамонта, а тот, кто отважился восстать против вождя племени».

«Нам многое надо обсудить, когда вернемся в мое уютное жилище».

«Например, выяснить, чего мы тут тремся и ждем, пока Флосс, он же Клэйс, он же Астроба, покажет, что приготовил для нас?»

«Астроба — занятный тип, ты не находишь?» — сказал Чувак, ковыряя в ухе пальцем ноги. Потом он любезно предложил поухаживать за Дэмми, но тот отказался и спросил:

«Тебе не кажется странным, что мы оба с Земли?»

«Нисколько, — ответил сокамерник. — Тебя поместили сюда по моей просьбе».

«Откуда ты узнал обо мне?»

«Я не узнавал. По крайней мере, лично о тебе. Чувствуя себя одиноко, я некоторое время назад устроил так, чтобы ко мне прислали первого попавшегося человека».

«А как сам попал сюда?»

«Довольно необычно... Я собирал с деревьев длинные желтые плоды, когда прямо передо мной на тропе, в узкой расселине в горах, появилась большая кусачая штуковина. Я развернулся и хотел бежать, но тут увидел странного человека. Через секунду я уже был в комнате с гладкими стенами. Одной из многих, которые с тех пор мне довелось повидать».

«Тебя похитили, — сообразил Дэмми. — Как и меня. И что ты делал все это время?»

«Ел и испражнялся, главным образом. Еще спал. Иногда духи предков, которые не могут перейти в подземный мир, приходят и забирают меня — поразвлекаться на арене. В прошлый раз натравили жуткую голодную тварюгу; но было скучновато. Ведь это так просто — перенаправить бедное создание на то, чтобы оно съело ведущего шоу».

— Тебя выставляли на бой против дикий зверей, — вслух подумал Дэмми. — И ты называешь это «поразвлекаться»? И часто это происходит?

«Примерно каждые пять тысяч лет».

— Тогда не о чем беспокоился, — с ленцой проговорил Дэмми. — Пожалуй, немного вздремну. А как давно был последний раз?

«Ложись прямо здесь, на землю. Последний раз? Примерно пять тысяч лет назад. Плюс минус десяток лет».

— Ну, тогда можно расслабиться. — Дэмми вытянулся на упругой поверхности температуры тела.

«Нравится мне твоя самоуверенность, — признался Чувак. — Я вот вряд ли сумею вздремнуть в сложившихся обстоятельствах».

«Каких обстоятельствах? — поинтересовался Дэмми. — Ты же сам сказал: тут мило. Почему бы не прикорнуть?»

«Каких обстоятельствах? — вмешался ледяной голос, — А таких, что ты повинен в тяжких преступлениях против государства, и тебя вряд ли помилуют».

— Минуточку! — Дэмми резко сел. — У меня есть право на защиту! — Он встал. — И сначала поймите меня!

Обратившись к своим внутренним ресурсам — нырять пришлось неожиданно неглубоко, — он воспарил над ареной, завис, затем принял горизонтальное положение лицом вниз и взмыл вверх так быстро, что арена вмиг сжалась до

размеров почтовой марки, а потом и вовсе затерялась в хитросплетении городских улиц. Вдали на горизонте маячили в дымке серо-зеленые холмы. Не прилагая сознательных усилий, Дэмми устремился в ту сторону. По пути наслаждался ощущением полета.

Услышав далекий гул, Дэмми обернулся и заметил рой комаров – те цепочкой вытягивались из бесформенной тучи вдали и летели в его направлении. Когда главный комар приблизился, Дэмми с удивлением разглядел, что размером он не с насекомое, а с «F-15», и выглядит не менее устрашающе. Дэмми попал в зону турбулентности, когда тот промчался мимо него; ментальное поле обдало дождем кусачих частиц, обозначающих враждебные намерения.

Дэмми с легкостью отвел в сторону снаряды (зенитные, осколочно-фугасные, стомиллиметровые, отметил он походя), и они ударились о наспех возведенную защитную ауру и взорвались, не причинив вреда. Секунда – и еще три летящих крылом к крылу истребителя выпустили заряд ракет. Их постигла та же участь. Тут подоспела техника потяжелее: бомбардировщик взлетел под углом так, чтобы сбросить на Дэмми атомную бомбу.

«Минутку! – лихорадочно подумал он. – С такой дурой мне не совладать! Это нечестно! Спасите!»

«Прости, что вмешиваюсь, – произнес тихий голос Чувака, – но я могу чем-нибудь помочь?»

Сбитый с толку Дэмми обернулся и увидел парящую неподалеку мохнатую фигуру приятеля. Тот висел в воздухе, приняв полулежачую позу, – без видимых усилий, как и сам Дэмми.

«Добро пожаловать в нашу группу, – сказал Дэмми. – Правда, ее вот-вот распустят».

Он мысленно коснулся заряженной и падающей на него со скоростью триста метров в секунду бомбы, которой

оставалось пролететь всего 3,8 метра. На то, чтобы что-то предпринять, оставалась сотая доля секунды. Из последних сил Дэмми сделал выпад и с облегчением увидел, что бомба, кувыркаясь, пропадает из виду – столь же внезапно, как и вся штурмовая эскадрилья.

– Пора убираться, – сказал Дэмми, вдруг поняв, что висит беззащитным на всеобщем обозрении в 2406 метрах и 3 сантиметрах над местной столицей.

Чувак сидел напротив за столиком, а его обычно жизнерадостная физиономия при свете танцующего огня выглядела несколько смурноватой. Он заново наполнил грязные креманки из стремительно пустеющей бутылки ручной выделки. Дэмми сделал большой глоток, безразлично отметив, что пьет паршивый бренди из плодов мимблa с Осво-3, причем наполовину разбавленный чистым древесным спиртом.

– Чувак! – воскликнул Дэмми. – Как? Что?.. Черт побери... – он резко умолк и продолжил уже мысленно: «Мне снился невозможно дурацкий сон. Сначала я летел, потом попал в передрагу, а потом прибыл ты... и вот я здесь».

«Так и есть, – мысленно согласился Чувак. – Ох, любишь ты приключения, Дэмми, – укоризненно заметил он. – Занятно, что ты все еще способен удивить меня. Не пойму только, зачем ты прислал срочное сообщение о встрече здесь, в этом полупустом подвале?»

– Я не присылал, – с трудом проговорил Дэмми, гадая, не повредил ли себе речевой аппарат.

«Голос был определенно твой, я не мог ошибиться, – возразил Чувак. – Сообщение пришло сразу же после того, как ты сказал, что тебе надо личинку отложить, и удалился в мужской испражнярий. Я долго ждал, но ты все не возвращался. Тогда я решил проверить, все ли у тебя хорошо. Тогда-то и получил твое сообщение с точными указаниями,

как добраться сюда».

Чувак вздрогнул и заговорил вслух (должно быть, решил, что гавканье его другу проще понимать):

— Я нисколько не сомневаюсь в твоей мудрости, Дэмми. Но я не представляю, как нам отсюда выбраться. Мы ведь расплавили замки, чтобы оторваться от погони

— Мы были на арене, — осторожно сказал Дэмми, пытаясь сориентироваться.

— Да, это я хорошо помню. Прошло двести твоих лет, а помню, словно это было вчера.

— Прошло всего полчаса, — в отчаянии возразил Дэмми.

Расстроенный Чувак осторожно коснулся разума Дэмми — к удивлению последнего даже без разрешения, чего прежде себе не позволял.

— О боже! — печально воскликнул он. — Какой ужас! Как они могли? Или — как посмели? Но это моя вина, я слишком многое принимал как должное. Ничего не поделаешь, уже слишком поздно. Теперь все зависит от тебя, Дэмми. Я мог бы помочь, но ты лучше понимаешь...

— Правда? — нахмурившись, спросил Дэмми. — Какого хрена, чувак? Я где-то прокололся?

— В плане морали — нет, но ты допустил тактическую ошибку. Пусть даже это был, по-моему, единственный способ исправить допущенную оплошность.

— Говори прямо, чувак! — взмолился Дэмми. — Что не так?

Чувак мрачно взглянул на него большими карими глазами обезьяны.

— Ты умер, Дэмми, старичок. Прости, но дело обстоит именно так: ты мертв.

— Как-то неосмотрительно с моей стороны, — согласился Дэмми. — И все не так, как я ожидал: ни тебе ангелов с арфами, ни ребят с хвостами и вилами. Может, свалить, пока есть фора?

— Ты правда этого хочешь?
— Конечно. А что приятного быть ходячим трупом?
— Тогда постарайся припомнить тот давнишний случай на арене в Тризме. Вспоминаешь? Хорошо. Держись за этот образ.

— Да он пустой, — сказал Дэмми. — Зато после...

— Не бери в голову. Я не совсем понимаю, что произошло, но уверен, что твои объемные воспоминания о том, что произошло на арене, имеют значение. Держись за них. Остальное воспринимай как сон. Постарайся, Дэмми, вдруг у тебя получится. Ты слишком далеко зашел, и извне тебе не помочь. Старайся изо всех сил!

И Дэмми постарался...

«О боже... — осторожный голос Чувака проник в неспокойный сон Дэмми. — Вот оно... О, здоровенные рогатые дьяволы, как я и надеялся. Мы не ищем легких путей».

«На безрыбье и рак рыба», — сказал Дэмми и прищурился на яркий солнечный свет.

Из того же темного прохода, из которого несколькими минутами раньше показался Чувак, пыталось выбраться, пыхтя от натуги, нечто огромное. Чувак упал на все четыре конечности и устремился к отверстию, как будто хотел перехватить неведомого гиганта. Существо было не больше, по прикидкам Дэмми, трактора, и грацию имело, как у него же. Огромное, четвероногое; за головой, увенчанной тремя рогами, — воротник роговой пластины.

Земля дрожала под ногами у Дэмми. «Да ведь это взрослый трицератопс во плоти, — сообразил он. — Только в дурном настроении». Чувак изменил курс, чтобы преградить ему путь, однако динозавр слепо несясь вперед. Тогда Чувак замер и, привстав на задние конечности, весело помахал верхними Дэмми. На двух ногах побежал вслед за динозавром, который тем временем перешел на рысь. Чувак догнал

его, поравнялся, ухватился за ближайший рог и ловко вспрыгнул на спину птицетазовому, которое как будто и не заметило этого. Толпа зароптала.

«Придется немного растормошить его, — услышал Дэмми Чувака, — а то бедного милашку пристрелят и вместо него пришлют кого-нибудь пострашней. А за меня, Дэмми, не беспокойся».

В этот момент по толпе зрителей пробежал взволнованный ропот, загонщики встревожились — на арену выбежал второй трицератопс. Он резко затормозил, подняв облако пыли.

«Это просто безобидное травоядное», — заверил Чувак Дэмми и, ухватив недоумевающего скакуна за рога, сделал стойку на руках.

Потом сместил вес и взялся всеми конечностями за крайний левый рог длиной в метр. Когда он принялся подскакивать, динозавр раздраженно затряс головой. Секунду казалось, что Чувак слетит — сейчас он держался за рог только двумя руками, — но вот он сумел вывернуться и уцепиться за рог всеми конечностями, едва не сев на игольно острый шип. Здоровенный ящер скакал теперь, наклонив голову вперед и влево, однако ярости не утратил. Болтавшийся на роге Чувак при этом чиркал мохнатым задом по арене. Тогда он подтянулся и сел на рог, продолжая ритмично подскакивать.

«Прикольно, — заметил Дэмми. — Еще бы сработало...»

«Я такое много раз с зубрами проделывал, — уверенно ответил Чувак. — Тут главное вовремя соскочить».

Слышно было, как чертит по упругому покрытию арены нагруженный рог, высекая фонтан пластиковой и роговой щепки. Чувак тем временем разжал руки и выпрямился во весь рост, с трудом удерживая равновесие. Дэмми сморщился в ожидании чего-то дурного.

Рог чиркнул по покрытию особенно сильно и вонзился в него. Мгновение казалось, будто трицератопс нагнулся понюхать землю; Чувак соскочил, а динозавр исполнил поразительный трюк: встал на голову, брыкаясь задними лапами, и рухнул. Глубоко ушедший в пластик рог сломался с почти металлическим лязгом. Земля под ногами Дэмми вздрогнула, когда тридцатитонная туша упала и, немного пройдя юзом, остановилась. Затем оглушенный ящер поднялся и встал. Его покачивало.

«Надеюсь, это борьба не в три раунда?» – спросил Дэмми, обрадованный тем, что его новообретенный друг цел и даже не помят.

«Смекалка всегда победит массу, – ответил Чувак. – Что и требовалось доказать».

«Ну да. А если бы она упала на тебя?»

«Я постарался избежать этого. Берегись!»

Дэмми резко обернулся. Второй трицератопс, видимо предназначенный ему, опустил голову и готовился атаковать. Их разделяло 21,4 метра. Трицератопс фыркнул и стартанул. Дэмми выждал, пока до переднего рога останется треть метра, схватился за него и прыгнул. Он сел точно на спину гиганту. Скакать ящер не перестал – лишь изменил курс. Заметив трясущего башкой собрата, устремился на него – нацелив рога прямо в массивные ребра. Первый ящер неуклюжее развернулся мордой к бегущему и опустил голову, явив шейный щит во всей красе. В самый последний миг Дэмми соскочил, и два исполина столкнулись лоб в лоб – звук был такой, как будто мусоровоз на полном ходу врезался в бетонную раму подземки. Потом оба, бок о бок, прямо-таки по-приятельски, пошли прочь.

«Ты посмотри!» – удивленно телепатировал Чувак.

Здрав голову, Дэмми увидел небольшой планер с широкими пестрыми крыльями и обтекаемым черным фюзелем.

ляжем — он проплывал над ареной, запущенный, похоже, с верхних рядов трибун.

— Видно, старина Флосс все-таки умеет летать, — пробормотал Дэмми. Это вошло у него в привычку — думать вслух, когда Чувак не мог его слышать.

Пестрокрылое создание тем временем изменило курс и пролетело точно над головой Дэмми. Потом резко накренилось и спикировало, приземлившись легко, точно перышко.

Флосс подошел к Дэмми как ни в чем не бывало, словно только что вышел из такси.

— Дамокл, — весело прочирикал Флосс. — По-моему, фарс подзатынулся. Не желаешь покинуть это место, вкусно пообедать и поспать в настоящей постели?

— А как же Чувак? Он с нами?

— Э-э-э... Да какое тебе до него дело? Мои планы...

— Чувак — мой друг. Куда я — туда и он.

— Ну вот, опять... Что ж, ладно. Позволь-ка...

Его ментальный щуп легко коснулся разума Дэмми, и в следующий миг свет погас, толпа загалдела как-то иначе, и Дэмми очутился за столиком в «Зеленом труп». Напротив, улыбаясь от уха до уха, сидел Чувак, а справа от него — настороженный Флосс.

— Снова стейк из блерб? — поинтересовался Флосс.

— Сырой, — ответил Дэмми.

— Очаровательно, — заметил Чувак.

Дэмми закрыл свои телепатически уши, когда его друг принялся о чем-то живо рассказывать.

— Дамокл, ты ведь не держишь на меня зла? — некоторое время спустя спросил Флосс.

— А кто ты сейчас? Флосс—безобидный эстет? Клэйс—местный воротила? Или Астроба—галактическая шишка? — проворчал Дэмми.

— Не вижу причин избегать полной откровенности, — ответил Флосс. — Твою любопытную форму жизни еще изучать да изучать.

— А что за шухер с динозаврами?

— Так, безобидная иллюзия, спроектированная для того, чтобы стимулировать определенные цепочки реакций в твоём подсознании, — расплывчато ответил Флосс.

— Топорные у тебя методы, должен заметить. Как и спектакли. Забавно, ведь я всегда вижу, когда ты врешь.

— Не сомневаюсь, — спокойно ответил Флосс. — И все же остаются некоторые аспекты, которые, по твоему собственному признанию, ты не понимаешь. Будь добр, просто поверь: все мои действия с момента нашего знакомства и по сей день подчинены конкретной цели. Я не трачу время попусту.

— И что такого важного в том, как мы придуривались на арене в компании двух бестолковых рептилий? — спросил Дэмми.

— Возможно, позже ты проникнешься моими методами. Вот если бы я подверг тебя серии тестов с использованием электронных считывающих устройств и множеством мигающих лампочек, да с загадочными распечатками, тогда у тебя и вопросов бы никаких не возникло. Я же узнал гораздо больше и куда проще. Ты так и не повзрослел, Дамокл. Просто прояви терпение. Поверь, я работаю в интересах твоих и твоих соотечественников. Я совершенно не желаю вам зла.

— Говоришь так, будто всем шоу заправляешь ты. А как же правительство? Что оно скажет?

— Когда-то ты пошутил про «старый мудрый Галактический совет»... Кстати, ты верно полагал, что ничего подобного не существует. Я и есть правительство. И, как верховный разум галактики, само собой, веду все дела.

– От скромности ты не умрешь. Я знал, конечно, что в Большом мире все будет иначе, чем я представлял, но чтобы так...

– Тебе было любопытно, какой мне интерес в тебе, – напомнил Флосс. – Некоторое время назад я уже говорил, что твоя странная раса создала несколько концепций, нигде более не известных. Если бы ты представлял всю широту и необъятность галактики, то понял бы, насколько интересно и важно открытие уникального взгляда на Вселенную.

– Ты что-то говорил насчет поесть и поспать, – зевнул Дэмми.

В этот момент похожий на репку официант принес сочные стейки.

– Ты прав, – ответил Астроба. – Поешь и поспи, Дамокл, а после мы еще поговорим.

ГЛАВА 13

— Беда в том, — сказал Дэмми, — что трудно узнать, кто с кем и что проделывает и с помощью чего — или наоборот.

— Тут все довольно просто, — ответил Флосс. — В непонятном любопытно то, что оно непонятно. Оно кажется случайным и бессмысленным. Представь: если бы происходившее здесь было очевидным для тебя — существа, которое жило в неведении относительно существования самой нашей галактики, — то что бы тогда казалось тебе странным?

— Логика есть логика, как ни крути, — возразил Дэмми, — и один плюс один будет два, где бы ты ни был. Вот я и думаю: должна же быть «причина» катавасии, что происходит с тех пор, как я умыкнул звездолет Ксориалля.

— Зачем ты вообще покинул свой безопасный провинциальный мир? Чего искал? Что привело тебя сюда?

— Ну, Земля считалась особым миром второго класса, а человечество хотели использовать как дешевую рабсилу, и мне показалось, что я могу это как-то исправить... А так, даже не знаю. Я искал чего-то особенного и лучшего. Было у меня ощущение, что мы упускаем нечто чудесное, что оно где-то там, просто мы не видим его; или видим — но редко и мельком. Наверное, то же испытывают наркоши, просто идут они не той дорожкой. Я добивался чувства, которое испытываешь, совершив нечто стоящее. Не могу подобрать слов... Думаю, надеялся на нечто... вроде нового шанса для человечества.

– Увы, Дамокл, нет ничего нового, и шансы в реальности не играют никакой роли. Можем лишь надеяться узнать, что именно играет.

– И что мы имеем?

– Идем, Дэмми, хочу показать тебе кое-что, – сказал Флосс, поднимаясь из-за стола.

Дэмми последовал за ним, и вместе они стали подниматься на бесшумном лифте – на высоту, как показалось Дэмми, трехсотого этажа. Потом кабина внезапно остановилась, и дверь отъехала в сторону.

– Это, – Флосс указал на непримечательную черную дверь в белой стене, – скромный личный музей, который я завел себе некоторое время назад. В качестве приятного времяпрепровождения, сам понимаешь.

Стоило ему приблизиться, и дверь отъехала в стену, открывая комнату, в которой царил мрак. Темноту нарушало сверкание драгоценностей в витринах – поставленные на крышки, на Дэмми взирали морды свирепых тварей.

Флосс жестом попросил Дэмми следовать за ним.

– Это мое хобби, Дамокл, – любезно пояснил он. – Я любитель, конечно же, но коллекция у меня внушительная. Позволь обратить твое внимание на бронзовые скульптуры Жака¹. – Он указал на боковой ряд витрин.

– Давай не будем отвлекаться, – взял быка за рога Дэмми. – Есть парочка вопросов, которые не дают мне покоя – так и полощут в голове, что твои флаги на ветру.

– Стоит ли расценивать эту твою вычурную фразу как проявление неугасающего любопытства к теме, однажды освещенной? – скучающим тоном поинтересовался Флосс.

– Ты допустил с полдюжины промашек, док, – устало произнес Дэмми. – Эта техника стара как мир, и у нас

¹ Наполеон Жак (1804–1876) – французский скульптор.

называется лохотроном типа «выгодная сделка». Я медленно соображаю, но все же соображаю. Ты сам подстроил так, чтобы я сел в Волшебную Тыкву, пройдоха ты этакий. И я повелся, как последний чурбан деревенский. Для чего все это, док? Зачем ты отправил меня сюда? Я был у тебя в руках еще там, на полярной базе. И что должно произойти дальше? Да, и почему бы тебе не сбросить эти накладные крылья?

Существо, которое Дэмми знал под именами Астробы, барона Клэйса и Флосса, сделало резкое движение и раскололось пополам. Внутри костюма насекомого сидело склизкое серое существо. Помогая себе щупальцами, оно выбралось из ставшей ненужной оболочки. Тело его было похоже на улитку, с короткими ширококостопными ногами, а лицо представляло собой мешанину рецепторов.

— Отлично, мой мальчик, — прожужжал на языке К-8 чистый голос Ксориалля. — Ты разоблачил мой легкий маскарад. Что намерен предложить дальше?

— Пожалуй, выкручу твои стариковские нервные узлы, — беззаботно ответил Дэмми и исполнил угрозу. — Это так, сентиментальное напоминание о былых деньках, когда ты выкручивал их мне, — сказал он, когда Ксориалль перестал дергаться в судорогах. — А я-то думал, что провернул трюк века, когда «захватил» базу и отбыл на твоём «единственном средстве связи с цивилизацией». Да ты тот еще артист, док, даже без костюмчика здорово кривляешься. Кстати, о птичках, где мой новый приятель Чувак? Вроде сидел с нами в «Трупe», но я упустил момент, когда он ушел. Чувак ведь не очередная грань твоей восхитительной личности?

— Ни в коем случае, мой мальчик, — сдержанно проговорил Ксориалль. — Прошу, избавь меня от своего злорадства. В момент триумфа нужно проявлять великодушие, ибо не знаешь, когда победа обернется поражением.

– Так вежливо мне еще никто не угрожал. Ладно, выкладывая все как на духу, и перейдем к другим делам. Например, к особым мирам второго класса, старый ты поганый лжец.

– Я просто выполнял работу. И то, как ты разоблачал одну за другой мои тончайшие интриги, стало для меня суровым испытанием. Ты – до моего вмешательства – был примитивом необученным, а я – магистр своего искусства... Как унижительно.

– Чуток смирения не повредит, – с наигранной теплотой сказал Дэмми. – Ты как был старым заносчивым козлом, так им и остался.

– Что ты имеешь в виду? Я сознался, открыл перед тобой душу нараспашку, а ты...

– А мне по-прежнему не нравится, когда меня дурят. Пойми одно, док: сбылись твои страхи, ты остался без работы. Конец твоему Галактическому консенсусу.

Ксориалль заскулил и глянул на дверь лифта, которая оставалась открытой. Дэмми легко перешагнул через него к ближайшей витрине. Осмотрел подборку варварских украшений: массивный браслет из тускло поблескивающего золота, инкрустированный изумрудами грубой огранки и алмазами не больше грецкого ореха; начищенный до яркого блеска венец из платины с тонкой резьбой; и, наконец, с краю – огромный перстень, выточенный из мягкой древесины и украшенный чем-то вроде комка розовой жвачки.

– Так себе коллекция, – заметил Дэмми. – Есть любимый экспонат?

– Не отдаю предпочтение ничему, просто выставляю что есть.

В следующей витрине лежали: обглоданная кость, похотливый карлик из темного материала вроде камня и стройная статуэтка из серебра.

– Кстати, – сказал Дэмми, – что ты сделал с Чуваком? Не убил, надеюсь? Мы с ним приятели, в конце концов.

– Не бойся, Дамокл, я прекрасно осведомлен о твоём специфическом отношении к «приятелям». Чувак, или как его называли дома, Маленький Орущий Цветочек, в безопасности, я бы даже сказал, в комфорте: спит у себя в жилище. Можешь не сомневаться, мы не затем заботились о нем и холили семьсот веков, чтобы вот так, с бухты-барахты, избавиться от него.

– Если врешь, я тебя на части разберу, – пообещал Дэмми.

«Не бойся, земляк, – прозвучал в мозгу знакомый голос Астробы. – Я всем доволен, все просто замечательно».

– С какой стати ты переключился на мыслеречь? – спросил Дэмми у Ксориалля. – И какой я тебе земляк?

Лицо у Ксориалля – насколько позволяла физиология – отразило испуг.

– Дамокл, – прожужжал он на своем любимом К-3, – я должен нижайше просить прощения: неизвестно как, но я обошел вниманием одно дело.

Он медленно пополз в сторону лифта.

– Стоять! – скомандовал Дэмми. – Ты не ответил на вопрос.

– Я непреднамеренно назвал тебя земляком, – сказал Ксориалль. – Это оговорка, но на самом деле я такой же человек, как и ты. Просто в плане эволюции наши виды отличаются. Корнями мы уходим к рамапитекам, жившим всего несколько миллионов лет назад. Видишь ли, я чисто из любопытства заглянул на родную планету – посмотреть, как идут дела с тех пор, как мы ее покинули. Естественно, меня привело в смятение то, что моя ветвь приматов была истреблена твоими дикими предками.

– Вот это речь, – сухо заметил Дэмми. – Жаль, но я знаю: ты скорей с голоду умрешь, чем правду скажешь. А так,

история была бы занятная.

— Дэмми! Ты несправедлив, как были несправедливы к моим предкам твои!

— Чушь! — коротко отрезал Дэмми. — А ну иди сюда, док, отойди от двери. Хватит заливать про «невинно убиенных» и говори, зачем приволок меня сюда.

— Что касается этого...

— Хорошо, — перебил Дэмми и заглянул Ксориаллю в мозг, ища воспоминания о текущих действиях. Он наткнулся на непроницаемый мрак, за пеленой которого беспокойно бурлила энергия.

«Не бери в голову, Дэмми, — внезапно заговорил Астроба. — Оставь его. Это несчастное создание — всего лишь инструмент. Его знания бесполезны для тебя. Верь в себя и иди дальше».

Дэмми пошел на съездившегося Ксориалля, но не успел дойти, как снова раздался голос Астробы: «Осмотри все экспонаты, Дамокл, и будь добр к бедному Ксориаллю. Он в смятенье, как и ты».

— Минуточку, — чуть не рыча, проговорил Дэмми. — Ты говоришь так, будто вы с Ксориаллем — не одно и тот же...

«Конечно, нет, Дэмми. Будь добр и прояви понимание. Настал час кризиса. Прошу тебя: поступай так, как говорю я, по доброй воле».

— С какой стати?

«Так мы же приятели».

— Бред! Как я могу дружить с радиостанцией, которая нет-нет да начинает вещать у меня в мозгу? У тебя что, тела нет? Как ты вообще выглядишь? Или мне лучше не знать?

ГЛАВА 14

Побродив с полчаса между рядами витрин, Дэмми остановился у отгороженной бархатным шнуром зоны. Над сводчатым проходом на пандексе было написано «ЗАЛ ДИКОВИН». Дэмми переступил через толстую пурпурную веревку и услышал за спиной резкий вскрик Ксориалля.

– Только не туда, мой мальчик, – запротестовал он. – Иди направо, в «ЗАЛ ДОСТИЖЕНИЙ».

– Туда тоже загляну. Ты ведь за этим меня сюда притащил, да? Но мне лучше не умничать – чтобы себя не перехитрить. Ты специально так орешь, чтобы я нарочно вошел сюда? Или нет?

Ксориалль мучительно застонал, но больше не препятствовал.

В первой витрине Дэмми увидел каменные предметы обихода: грубо вытесанные булыжники, инструменты из осколков керна более тонкой работы. Последним лежал базальтовый диск, тщательно обтесанный и отшлифованный, с аккуратным отверстием посередине, диаметром 20,07 сантиметра и толщиной два сантиметра. Дэмми быстро определил его возраст с помощью калий-аргонового метода – 102000 год до н.э.

– Ага! – с напускным восхищением воскликнул он. – Самое первое колесо. Жаль, что они в придачу не изобрели «форд-Т». Было бы к чему присобачить.

В центре заполненной до отказа комнаты, на возвышении покоился неказистый артефакт размером с маневровый паровоз, снабженный пятиметровыми колесами. Все детали были из начищенной латуни, а в сборе напоминали средневековую модель планетной системы или астролябию, какие Дэмми видел дома в музее.

— Похоже на штуковину, которую мог бы собрать Леонардо да Винчи, если бы пошел дальше набросков, — заметил он и перешел к другой модели: крыло из бамбука, обтянутое туго натянутой вошеной бумагой; сверху — сиденье, снизу — закопченная труба.

— Это тебе не «F-15», — сказал он, — но выглядит вполне рабочей. Главное хорошенько заправить очищенным порохом.

Ксориалль не ответил.

— Что делает в твоем кабинете диговин китайский примитивный ракетоплан? — вслух подумал Дэмми. — Сколько ему лет?

Не дожидаясь ответа, он выпустил ментальный зонд, прощупал им клетки высохшего бамбука и определил их возраст радиоуглеродным методом.

— Девятьсот пятьдесят лет, плюс минус, возраст хорошего бренди.

Пока Ксориалль откинулся в мягком кресле у высокого окна с видом на сумерки цвета пепси-колы, Дэмми перешел к витрине с электродвигателями — разные по величине, все они были выкованы из листового металла и покрыты арабской вязью, обозначающей мощность в верблюжьих силах. Машины, которые они приводили в движение, покоились в соседней витрине: главным образом, ювелирные инструменты (наверное).

Дэмми перешел к витрине с нарисованным от руки картам, на которых угадывались очертания Флориды, Кейп-

Кода, Огненной Земли и Антарктиды. У последней была какая-то неправильная форма, но тут Дэмми осенило, что карта показывает этот континент свободным ото льдов. Еще он отыскал Великие Озера, к которым прилагалась подпись: «Тут тоже могут вадицца тигры».

– Странное место, – заметил Дэмми, – но и у него есть смысл. Поработаем тут вместе, пока я не докопаюсь до него. Ты и человек, которого ты убил. Ты как, доволен?

– Ну что, Дамокл, повеселился? – строго спросил Ксо-риалль. – А теперь беги, спасайся!

– Ты все это устроил, чтобы показать мне? Так, док? Со-жженное авто, труп – все. Отряд копов, надо думать, во-обще по кускам раскидало. И что, мне полагалось ныть и просить пощады при виде дохлого, сожженного меня? Да хрень все это!

«Все хорошо, Дэмми», – произнес в мыслях знакомый веселый голос.

Обернувшись, Дэмми увидел выходящего из лифта Чу-вака; тот скалил желтые зубы в широченной улыбке. Дэмми порывисто обнял его.

– Ты смылся, – упрекнул он друга. – А я так увлекся на-биванием брюха, что и не заметил. Я за тебя беспокоился, старина.

– Не сомневаюсь, – неуклюже произнес Чувак на литов-ском языке. – А теперь, Дэмми, перестань пытаться это не-счастное создание, и перейдем к делу.

– К какому еще делу? Я только собрался выяснить, к че-му весь этот идиотизм.

– Дэмми, у тебя уже есть все нужные данные, – мягко упрекнул его Чувак. – Пора остановиться и рассмотреть их.

– Я этими данными сыт по горло!..

«Остановись, Дэмми. – Мысленное предложение (или приказ?) заставило его замолчать. – Подумай: разве ты не

вел себя безответственно во время своего краткого пребывания в Тризме? Вспомни момент прибытия».

— Ну, — пробубнил Дэмми, — я провел копов, но едва успел сбежать от них, как напоролся на банду Орфа... Перехитрил Блута, так что он сам меня сюда доставил...

«Дэмми, каждый твой шаг ими был просчитан».

— Бред! Я этих клоунов развел только так!

«Самую серьезную ошибку ты совершил, когда поддался на их хитрость и «создал симулякр». Серьезную ошибку, надо сказать, потому что это заставило тебя разделить силы. Тебе пришлось наделить двойника частью собственной энергии — отсюда твоя тупость в выборе стратегии и бесцельность поведения в критический момент».

— Как это понимать — поддался на хитрость? Я сам это придумал, и мысль была хороша.

— А ты вспомни и подумай, — посоветовал Чувак.

— С кем я разговариваю? Друг, с тобой или с Астробой?

«А тут нет особой разницы», — спокойно ответил Астроба.

— Так ты и есть Астроба?! — ахнул Дэмми, недоуменно глядя в обезьянье лицо.

— Именно так, — по-зулусски ответил Чувак. — Однако оставим это на потом. Есть более важные дела. Постарайся, Дэмми, вспомнить момент прибытия. Очень важно, чтобы ты все понял.

«Приз, — подумал Дэмми. — Тройка пик...»

Когда раздался звонок, Дэмми был готов... Он быстро оглядел нещеру своей памяти и вызвал данные по космической капсуле двенадцатой категории в режиме оринкс (вне расписания). Приближением и посадкой управлял непосредственно главный узел схем. Вывод: ему осталось терпеливо ждать, когда капсула растворится в соответствии с текущими директивами по сохранению энергии.

«ВНИМАНИЕ! – Безмолвный призыв оглушил, как удар молотом. – КАК ИНОПЛАНЕТНОЕ СУЩЕСТВО ТЫ ДОЛЖЕН ПРЕДПРИНЯТЬ СЛЕДУЮЩЕЕ». (Далее – заковыристая инструкция.)

«Но это же чертовски рискованно, – возразил Дэмми. – Мне потребуются все, абсолютно все, чтобы разобраться с этими... Кто бы они ни были!»

«НЕМЕДЛЕННО ПОДЧИНИСЬ ИНСТРУКЦИИ!» – раздался непреклонный ответ. Дэмми неохотно подчинился, и тут же волна головокружения бросила его на колени. Он едва уловил мягкий хлопок, с которым дематериализовалась капсула. Со всех сторон навалился полумрак. Дэмми поморгал, привыкая к темноте. Перед ним выстроилось полукругом, играя зловещего вида мечами, с полдюжины тризмиан десятого класса.

– Постойте-ка, ребята, – обратился к ним он. – Я прибыл сообщить о похищении. Кажется, меня похитил Воцил Напт... но это сперва. Потом другой, назвался Астробой, тоже внес свой вклад... Еще толпа теестов налетела на сектор Ванг...

– Минуточку, – неровным голосом вмешался Дэмми. – Это же был не я. Это был он.

«Вот именно, Дэмми», – подтвердил спокойный голос Астробы.

Дэмми, моргая, озирался посреди богатой коллекции Ксориалля. Посмотрел на гигантскую улитку Ксориалль, перевел взгляд на Чувака, с выжиданием смотрящего на него.

– Мда-а... – озадачился Дэмми. – Что-то я совсем запутался. Помню, как его создал, помню, как затаился у двери, как потом следил за ним. А что было на самом деле?

«Реально то, – сказал Астроба, – что нормальным умом воспринимается как нормальное».

– Крутяк, – признал Дэмми. – Но что за гад заставил меня отпочковать симулякр четвертого класса?

– Так это был старик Ксориалль. Соединился через энцефалодин с местными чиновниками, – небрежно пояснил Чувак.

Ксориалль попятился к двери.

– Странно, – сказал Дэмми. – Помню забавную сцену с моей розовой шляпой, потом – хлоп! – и Блут швыряет меня в кутузку... Но ведь он же в это время катал меня по городу. А после – бах! – меня схватили на выходе из тошнотки. И в то же время я следил за этим со стороны. Потом... – Дэмми судорожно сглотнул, – меня убило взрывом бомбы.

– Ты сам момента взрыва помнишь? – спросил на сканском Чувак.

– Нет, спасибо, не как жертва, если ты об этом. Я только слышал, как грохнуло за углом.

– Дэмми, произошло нечто очень странное... и хорошее. Судя по всему, в момент взрыва твой эго-гештальт перенесся в свою альтернативную нервную систему, – на этрусском объяснил Чувак.

– Так говорил и Ксориалль. И что это дает?

– Собственно, это и есть причина, по которой я примчался сюда. – Чувак перешел на гула. – Дэмми, – осторожно продолжил он, – я обязан попросить тебя попытаться сделать то, что точно покажется тебе неприятным и может закончиться летальным исходом.

– Шикарно! Этого мне и не хватало. Только сперва пару моментов проясни.

– Да запросто. – По-французски Чувак говорил, как житель Латинского квартала года этак 1920-го. – Около миллиарда семисот миллионов лет назад исследовательская команда Консенсуса в ходе рутинного облета сектора Ванг

наткнулась на Солнечную систему с ее одиннадцатью планетами и выбрала для сбора образцов двойную планету на третьей орбите от звезды. В результате меня отловили и перевезли в тогдашнюю столицу их государства, а там рутинный анализ моего потенциала выявил кое-какие аномалии. Меня, соответственно, поместили в категорию иунт и на протяжении следующих сотен тысяч лет подвергали исследованиям. По истечению этого срока меня необдуманно классифицировали как бутина второго класса и даровали статус биста (с прерогативами). Это дало мне возможность учиться, читать и познавать экзокосм.

Чувак вздохнул.

Дэмми услышал тихий звук и обернулся: Ксориалль к этому моменту уже преодолел расстояние, отделявшее его от шахты лифта, и шмыгнул в проем. Дэмми подбежал к порогу шахты и глянул вниз: колодец оканчивался в трех метрах застеленным ковром. Дэмми узнал кабинет, где Флосс-Клэйс проводил с ним беседу.

Ксориалль открыл дверцу шкафа и достал из него вещалку с костюмом, в котором явился Дэмми в первый раз. Проворно надев его, инопланетянин помахал Дэмми рукой.

— Прощай, мой мальчик, — сказал он. — Возможно, еще встретимся. — И быстро вышел.

— Это даже к лучшему, — сказал Чувак. — Он ведь не такой уж и плохой.

— Ладно, мы остановились на том, что ты принялся познавать экзокосм.

— Да. Лишь спустя миллион лет власти Консенсуса поняли, что где-то промахнулись, но еще больше времени понадобилось, чтобы они догадались, что корень бед во мне, примитивном экспонате из зоопарка. Я, заметив определенную несправедливость и некоторые нелепости Консенсуса, стал довольно бесхитростно предпринимать очевидные

действия и влиять на положение дел посредством непрямого вмешательства. И только двести тысяч лет назад власти осознали весь масштаб проблемы.

— Что-то до меня не доходит. Может, пропустим геологическую эпоху-другую и сразу перейдем к главному?

— Человеческое существо, прожившее более полутора миллионов лет, естественным образом раскрывает свой полный потенциал. Пока что подобное удалось только мне.

— Когда-то старик док Ксориалль назвал меня запредельным человеком, — задумчиво произнес Дэмми. — Он ошибался: запредельный человек — это ты.

— Бедняга Ксориалль — высокопоставленный чиновник. Он думал, что нашел выход. Столкнувшись с ситуацией, когда великим и могущественным Галактическим консенсусом единолично правит заключенное сверхсущество, он решил взрастить соперника в противовес мне. Однако ему не сразу открылась вся несуразность этой вопиюще нелегальной махинации по созданию единственного совершенного существа. Теперь нас таких двое, а есть еще целый мир, населенный людьми, каждый из которых потенциально способен править галактикой.

— Ох ты ж... — тихо выдохнул Дэмми. — А теперь — болезненная тема, которую ты затронул...

— Первый и единственный раз с тех пор, как обезьяна возвысилась, — продолжал Чувак, — человеческому интеллекту была дарована возможность прожить дольше отведенной ему тысячи лет и достичь полной зрелости. Это не вопрос образования, но созревания — нужно обратиться, словно бабочка внутри кокона. Онтогенез повторяет филогенез: с момента зачатия и до трех лет человеческий плод минует семь миллионов лет органической эволюции — от единственной клетки до говорящего существа. Проходит сорок пять месяцев, и он начинает исследовать огромный

потенциал человеческой нервной системы, но его прерывают прежде, чем процесс наберет нужный темп. В моем случае было так: в возрасте трех лет меня забрали из враждебной среды и поместили в тепличные условия, где я, сохраняя взятый фантастический темп, не прерывался в своих исследованиях целых 1,7 миллиона лет и достиг полного развития. Ксориалль, принуждая тебя к росту, сумел раскрыть в тебе большую часть того же потенциала. Однако для оживления симулякра, которого тебя, к несчастью, заставили создать, потребовалось выделить важный сегмент твоего эго-гештальта. И потому ты, стоящий передо мной, не закончен, лишен огромной доли своих возможностей.

— Бред, — сухо заключил Дэмми. — Я все еще могу...

Он умолк, сосредоточившись.

— Теперь понятно, — сказал он наконец. — Я уже не тот, что в начале, но по сравнению с обычным человеком еще ого-го.

— Выход есть, Дэмми. Твое альтер эго не совсем погибло, оно лишь перешло в режим сохранения жизненно важных ресурсов. Ты все еще можешь...

На него обрушилось давление — тонкое, как скол алмаза, и широкое, как сама галактика. Дэмми поддел краешек пальцем, приподнял, затем ударами сжал в диск, а тот смял в жесткую сферу сантиметрового диаметра. По интенсивности боль намного превзошла то, что зовется агонией, но Дэмми собрал все силы и ударил по ней — выстрелил в пустоту. Сфера расширилась, раздулась, охватив далекие радиогалактики.

«Может, это и был Большой взрыв», — сказал он, или подумал в исполинских буквах из кованого железа. Сконцентрировался, отыскал Средоточие Вещей и взглянул на него в ужасе. Сделал шаг — получилось. Не обращая внимания на хруст крошащейся испепеленной ткани, он шел вперед.

Шел через галактику. Должен был идти, попытаться. Вонь отвлекала. Тогда он просто сорвал обугленные куски плоти с обнаженных костей и продолжил...

— Дэмми! — умоляюще позвал Чувак. Дэмми открыл глаза и взглянул в нависшее над ним, подобно гротескной луне, лицо. — Не надо больше, Дэмми, отдохни...

— Да, но... — выдавил из себя Дэмми.

За спиной Чувака открылась дверь лифта. В кабине стояло почерневшее огородное пугало. Покачнувшись, оно шагнуло вперед, выпростало крошащиеся руки.

— Удалось, — падая, прокаркало чудовище.

Пол вздрогнул, когда труп с глухим стуком рухнул на пол. Мгновение в голове у Дэмми бушевал шторм из осколков впечатлений. Затем он успокоился и протянул руку к кипящей, похожей на солнце поверхности того, что было разумом Чувака.

— У нас получилось, Чувак, — сказал он. — Получилось слиться. Я — снова я.

Десять мину спустя Дэмми завершил повторный обход «ЗАЛА ДИКОВИН».

— В первый раз я даже и не понял, — признался он. — А теперь — дошло. Все эти века, стоило кому-то из людей сподобиться и совершить открытие или изобрести что-нибудь этакое, как появлялся старик Ксориалль и убивал идею в зародыше.

— Не то чтобы всякий раз, — поправил Чувак. — Вмешательство Консенсуса искажало виды, но ты все равно добился своего. Стоило в мое время завершиться биологической эволюции, и остальное стало неизбежным. Когда Ксориалль попытался повернуть свой отчаянный гамбит, то было уже поздно: человечество преодолело кризис. Осталось идти в будущее.

– А то, – с наигранным безразличием сказал Дэмми.

Он мысленно оценил перспективу: несколько миллиардов человек, обученных и просвещенных, готовых принять наследие пространства-времени.

– Пошли, Чувак, – сказал он. – Нам пора домой.

ЗА ДЕНЬ ДО ВЕЧНОСТИ

Пролог

Где-то прозвенел звонок. Старик нашарил среди шелковых складок тяжелый бархатный шнур и дважды властно дернул.

– Сэр? – тут же отозвался голос.

– Найти его!

Старик опустился на разбросанные в беспорядке подушки.

«Он жив, – думал он. – Снова жив и где-то в городе...»

1

Это была узкая улочка без бордюров и тротуаров. Зажатая между серыми стенами, она тянулась вдаль насколько хватало глаз. На тяжелые кованые ворота в стене падал туманный свет. Поблизости ни людей, ни припаркованных машин, ни дверей, ни окон. Лишь стена напротив меня, ворота в ней и улица. Земля под ногами дрожала так, словно где-то вдалеке техника перемалывала каменные глыбы.

Я отлепился от стены, и тут же голову пронзила боль – самую маковку, словно туда вбил последний костыль сам Джон Генри¹. Капли дождя стекали по моему лицу, смешиваясь с кровью из рассеченной губы. Я взглянул на руки:

¹ Герой американского фольклора, темнокожий работник, соревновавшийся с паровой машиной в забивании железнодорожных костылей.

ладони в мелких порезах, в них набилась ржавчина и грязь. Я постарался вспомнить, когда в последний раз прививался от столбняка, и голова ответила взрывом боли.

В паре шагов слева в стене виднелась арка. У меня возникло предчувствие, что оттуда вот-вот выползет нечто злое. И одновременно стало любопытно, что находится по ту сторону? Впрочем, интерес быстро угас. Нужно поскорее забиться в темную нору и переждать. После этого я смогу позволить себе роскошь праздного любопытства, позволить гадать, где я и от чего убегаю.

Сжав голову, я шагнул от стены. Улица раскачивалась, точно палуба канального парохода в бурю, но из-под ног не уходила. Пройдя шагов тридцать, я остановился и привалился плечом к стене – пусть улица успокоится, и пропадут огоньки, вихрящиеся перед глазами. Сердце билось быстрее обычного, но не так бешено, как могло бы – это как надо кутить в выходные, чтобы очухаться потом на незнакомой улочке и трепаться с собою!

Озноб прошел, с меня катил пот. Пальто жало под мышками, воротник тер шею. Я присмотрелся к рукаву: материал жесткий, лоснящийся – пошлость и безвкусица. Явно не мое. Несколько раз втянул воздух, желая проветрить голову, но тщетно. Должно быть, праздник удался на славу, однако веселье закончилось, как шальные деньги.

Я порылся в карманах. Если не считать распутившихся швов да клочков корпии, там было шаром покати.

Глаз зацепился за табличку на воротах; выцветшая надпись гласила:

**ПРИКАЗОМ КОМИССИИ ПАРК ЗАКРЫВАЕТСЯ
НА ЗАКАТЕ. ПОСЕЩЕНИЕ ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ**

Я посмотрел сквозь ворота. Если это – парк, то там должна быть уютная лужайка, на которой можно прилечь.

Если бы меня рубило не так сильно, я, возможно, воспринял бы предупреждение всерьез, но сейчас бездумно толкнул створку с причудливыми металлическими завитушками и вошел. Подумаешь, опасность...

Обрамленные черным папоротником в белых урнах ступени белого мрамора вели вниз. Дальше дорожка, мощенная плитняком, шла между ровными бордюрами и цветущими кустами. В воздухе витал приторный аромат ночных цветов и зелени, журчала вода в фонтане, в чаше отражались огоньки вплетенных в живую изгородь гирлянд. Вдали, за пределами парка, в небе, словно арки мостов, сияли рядами огни. Одинокó шуришал в кронах легкий бриз.

Славное местечко, но что-то не давало мне улечься на траве и сочинить сонет в его честь.

Я прошел по дорожке, мощенной узорчатым кирпичом, в тень деревьев. На ходу прислушивался, не крадется ли кто сзади. Вроде бы никого, но мерзкое ощущение, что я подставляю под удар спину, не проходило.

Впереди под деревом что-то лежало на траве. Бледное, неопределенной формы. Сперва я принял его за пару старых брюк, потом за голого мужика, лежащего по пояс в тени. Так я и думал, пока не оказался шагах в десяти от непонятной фигуры — и тут же перестал себя обманывать. Это и впрямь оказался человек, да только не по пояс в тени... выше пояса он отсутствовал. Его рассекло надвое, прямо под ребрами.

Я походил немного вокруг. Думал, наверное, отыскать пропавшую половину. Вблизи стало ясно, что мужика делили вручную, причем не шибко аккуратно, хотя и сноровисто: словно неизвестному мяснику предстояло разделить еще кучу тел, так что ему было не до тонкостей. Крови нателко немного — ее, похоже, слили до разделки. Я уже хотел перевернуть труп, на случай, если под ним кроется улика,

как вдруг послышался тихий звук, не громче лопнувшего кукурузного зернышка.

Я отошел в сторону по черному ковру дерна, и меня окружил аромат можжевельника. В тени притаилась группа, человек двадцать. Похоже, банда. Я решил подождать. Прошла минута.

Шагах в пятнадцати от меня появился человек, пришел тише тени, отбрасываемой на стену. Задрал голову, принялся по-собачьи. Обернулся в мою сторону, и в его глазах тускло блеснул свет. Подобно обезьяне, он застыл в низкой стойке: одно плечо задрано, второе – перекошено горбом. Морда рябая, на бритом черепе – шрамы. Из-под левого уха тянется жирный ожоговый рубец и скрывается под воротом толстого свитера. Под облегающими камуфляжными штанами в косой серый ромбик бугрятся мышцы. На поясе висит нож: тяжелая деревянная рукоять и полоска стали, как у мясницкого ножа для жилкования.

Горбун медленно развернулся в мою сторону и замер. Я тоже застыл, прикинувшись кустиком. Сощурившись, горбун вглядывался во тьму. Вот он ухмыльнулся. Нехорошо так ухмыльнулся.

– Выходи по-хорошему, родной, – хриплым басом прорычал он. Оно и понятно, со шрамом-то во все горло. – Руки держи на виду.

Я не шевельнулся. Тогда он сделал резкий жест рукой; послышался тихий звук, и слева от горбуна из кустов возник второй человек. В руке он сжимал обрезок трубы. Этот был постарше и покрупнее: плотные руки, ноги колесом. Колочая, пересыпанная сединой борода. Он стрельнул в мою сторону взглядом маленьких поросячьих глаз, потом – куда-то мне за спину, потом снова на меня.

Горбун коснулся лезвия ножа и прохрипел:

– Гуляешь по парку один, да? Не очень-то умно.

– Хорош трепаться, – прогудел в левую ноздрю борода-
тый. – Режь, и вся недолга.

Он запустил руку под рубашку и вытащил что-то, зажа-
тое в кулак. Я уловил душок полиэфира.

Горбун подошел ближе.

– Твое тельце никому целиком не нужно? – спросил он,
широко раскрывая рот и показывая крупный розовый язык
и сломанные зубы. Слева кто-то шумел, заходя мне за спи-
ну. Я, правда, на это внимания не тратил, как и на вопрос
горбуна.

– Лучше выходи. – Горбун вытащил нож, и тогда я вы-
шел из тени под деревом.

– Ой, напугал до смерти, – сказал я ему. – У меня друзья
на самом верху.

– Говорит как блать, – просвистел Борода. – Ратч, вали
жмуркина кота, и даем деру.

– А ты сам возьми меня, детка, – бросил я ему, старясь
протянуть время. – Я таких, как ты, на завтрак кушаю.

За спиной хрустнула ветка. Ратч подбросил на ладони
нож, шагнул ко мне и сделал короткий ложный выпад. Я да-
же не шелохнулся. Типа заторможенный. Борода взвесил в
руке обрезок трубы и прищурился. Ратч оглядет мои руки.
Не увидев оружия, остановился и подал кому-то условный
знак.

Слоняра за спиной ухватил меня поперек груди и ото-
рвал от земли. Этого я и ждал: резко наступил ему правой
пяткой на подъем стопы. Хватка слегка ослабла, и я, уловив
момент, пнул горбуна под колено. Кость сломалась с хру-
стом, с каким бьется о пол тарелка. Потом я локтями ударил
под ребра державшего меня. Охнув, слоняра разжал руки.
Рядом рухнул на землю Ратч – как раз вовремя, чтобы от-
крыть мне дорогу к Бороде, который уже замахнулся тру-
бой. Ни дать ни взять королевский палач, готовый оттяпать

башку осужденному. Скрестив запястья, я выставил блок – поймал его руку в захват и сломал локоть. Борода упал лицом в землю и взвыл; трубу уронил мне прямо на спину.

Борец сзади уже поднялся с четверенек. С виду – китае-за-полукровка: широкие скулы, лоснящаяся морда, жирный второй подбородок. Я уложил его ударом колена в челюсть и стоял рядом, глотая воздух. Дыхалка что-то совсем сдала. Хорошо еще, никто из этих типов не делал попыток встать.

Китаец и Борода валялись в отключке, зато Ратч корчился, словно мышонок на костре. Я подошел и перевернул его на спину.

– Мягковаты вы, парни, для такой работенки, – сказал я. Кивнул на валявшийся рядом предмет: – Твое?

Горбун плюнул мне в левое колено, но промахнулся.

– Милый у вас городок, – заметил я. – Как называется?

Горбун пошевелил губами. Вблизи я разглядел, что короткие волоски у него на куполе морковно-рыжие, а на отростке, который и носом-то назвать стыдно, – бледные веснушки. Рыжий был хоть и горбун, оказался не так уж прост. Я наступил ему на руку и наклонился.

– Говори, Рыжий: по какому поводу кипиш?

Он пошевелился, и я нагнулся ближе.

– Смертачи... в парке... этой ночью!.. – хватая ртом воздух, проговорил он, словно утопающий, который диктует завещание, качаясь на волнах.

– Подробней, Рыжик. Я что-то туго соображаю.

– Черные...

В уголках его рта выступила пена, он слегка похрюкивал, как гончая, которой снятся кролики. Винить его не в чем: сломанное колено – такую боль не просто стерпеть. Тут он закатил глаза.

Я отвернулся от него, но вдруг краем уха уловил тихий звук и повернулся обратно. В руке горбуна блеснуло лезвие.

Миг – и меня ранили. Поясницу пронзила боль, словно проткнули раскаленным прутом.

После удара ножом люди ведут себя по-разному. Шок у всех свой. Кто-то падает, как мешок, толком даже не потеряв крови. Другой вернется домой, ляжет в постельку и мирно преставится, даже не подозревая о ране. Я же испытал нечто среднее: нож задел кость и отклонился вверх, – и все это время моя правая рука шла по дуге, прямиком в морду Рыжему, под нос-картошку. Рыжий упал и больше не шевелился.

Я же обеими руками зажал бок. По бедру, словно по сливу, толчками стекала упругая струя. Я успел сделать три шага, и тут колени подкосились. Я сел, все еще пытаюсь зажать рану. В голове было ясно, зато силы таяли. Я сидел и слушал, как в ушах набатом стучит кровь. Подумал: вот только успокоится сердце, и попытаюсь еще. Ну же, Дрейвек, подьем. Ты ведь тертый калач...

Я попытался встать и завалился на бок, точно старое падающее дерево. В рот набился дерн. Я лежал и слушал, как вздыхает в кронах ветер, как тихонько причитает Ратч или кто-то из его дружков – и как кто-то крадется через подлесок. Или у меня потихоньку едет крыша? Широко распахнутыми глазами я видел ноги жирного китаезы, а позади него – переплетение черных теней. Одна из них пошевелилась, и передо мной вырос человек.

Невысокий и жилистый, он был одет в облегающий черный костюм. Приблизился ко мне сквозь внезапно возникшую светящуюся дымку. Я хотел окликнуть его, но голос как будто отключили.

Незнакомец обогнул китаезу и остановился в паре шагов от меня. Было так темно, что я едва различал его ботинки на фоне черной земли. Послышался звук, похожий на непринужденный смех, словно кому-то рассказали в меру смешной анекдот.

Далекий-далекий голос сказал:

— Ловко, очень ловко...

Перед глазами все поплыло. Меня кто-то принялся ощупывать; боль в боку превратилась в полосу угасающего пламени.

— Лежи тихо, — прошептал кто-то. — Надо остановить кровь.

Я хотел сказать, что Рыжий взял слишком высоко, что нож задел только жир да хрящ, но получилось невнятное пыхтение.

— Я вколол тебе бодряка, — произнес тот же голос. Тенор с придыханием, легкий, точно туман над морем. — Больше у меня с собой ничего.

Человек произвел еще какие-то манипуляции с моей раной. Снова стало больно, но не так сильно. По боку расплывалось приятное тепло. Я лежал и просто дышал.

— Ну вот, — сказал голос. — Как думаешь, сможешь встать?

Тут я уже ничего не пытался сказать и просто запыхтел, переворачиваясь на грудь. Подобрал коленки. Встал на четвереньки; деревья плыли мимо, словно я кружился на карусели.

— Лучше поторопиться, — заметил коротышка. — Они уже близко.

— Ага, — сказал я и поднялся на ноги, как альпинист-любитель на последних метрах к вершине Аннапурны¹.

Мы посмотрели друг на друга, стоя на безупречном газоне, чистоту которого не нарушало ничего, кроме трех с половиной тел. Незнакомец был стройного сложения, грациозной осанки; черты лица — точеные и не простые: ни дать ни взять король династии Бурбонов; голова — узкая,

¹ Горный массив в Гималаях; наивысшая точка — 8091 м.

правильной формы; глаза – выпученные и широко посаженные; на руках пианиста – тонкие черные перчатки. Одет он был в облегающие брюки, заправленные в невысокие сапоги, и затейливую черную жилетку с высоким кружевным воротником.

– Кто они такие? – квакающим голосом спросил я, нарушив тишину.

Незнакомец посмотрел на китаезу: взгляд у жирдяя был пустой, как у трупа на фотографии с поля боя. Коротышка оскалил острые и неестественно белые зубы.

– Подонки, – деликатно произнес он. – Ловчие, трупари. Низшие из низших. – Тут он хохотнул. – Зато я – высший из низших.

В голове у меня засвистело, и я почти перестал его слышать. Ноги по-прежнему были картонные. Я потер затылок – не помогло. Создалось впечатление, будто я вошел в туалет и вдруг оказался на сцене посреди третьего акта «Аиды».

– Ты коп? – спросил я.

– Кто?

– Легавый. Законник.

Протянув: «А-а-а», он задрал голову. Глаза его коротко блеснули, точно сигнальный огонек в пещере контрабандистов.

– Нет, я не... коп. Ладно, поговорим потом. Ты потерял много крови, но, думаю, идти сможешь. Нам бы только из парка выбраться. – Голос его прерывался шумами, словно радиопрограмма с другого конца Атлантики.

– Я как раз шел на автобусную станцию «Грейхаунд». – Слова сползали с языка, как набитый песком носок. – Просто укажи дорогу, и я исчезну.

Незнакомец покачал головой.

– Пока дикие животные на воле, тут небезопасно. Просто... иди... со мной... в машину... – Голос его то и дело пропадал, поглощаемый коротковолновой статикой.

Я уж думал упасть на месте, но ноги двигались сами собой. Незнакомец тянул меня за руку, и я сдался, стараясь только не клевать носом. Помню, мы шли через обсаженную кустами аллею, потом продирались через живую изгородь, похожую на колючую проволоку, из-под переплетений ветвей которой торчали человеческими костями корни. Затем мне помогли забраться в маленькую блестящую машину, словно собранную вручную для короля Сиама. Транспорт сделал разворот на сто восемьдесят градусов, прямо на месте, и взмыл вверх. Тут я понял, что сплю, откинулся на спинку сиденья с мягкой обшивкой и отключился.

2

Разбудили меня голоса. Сперва я не слушал, что говорят, но потом их тон заставил насторожиться. Я навострил уши, словно пациент, услышавший: «...прогноз негативный».

Один из голосов принадлежал тому коротышке, что спас меня – не иначе, в позапрошлой жизни. Говорил он возбужденно. Отвечал ему женский голос – низкий и грубоватый, как необработанная доска:

– ...ты дурак, Джесс! На такой риск пошел!

– Минка, дорогая, им ни за что не узнать...

– А ты почему знаешь? Ты ведь не вшивым контрабандистам органов дорогу перешел, а Контролю смерти!

В голове клубился туман, как у матроса, которого опоили и завербовали на службу, но все же я сумел приоткрыть один глаз. Надо мной нависал потолок с резным золотым узором. Стены – белые, с редкой золотой мозаикой. В ком-

нате стояла пара кресел, похожих на яичную скорлупу пастельных тонов, насаженную на тонкие ножки; на низком столе – серебряная чаша размером с полванны, полная огромных бананов, груш и винограда размером с мячики для гольфа. Белый пол покрывали шелковистые на вид ковры.

Я сам лежал в углу комнаты, на аккуратной белой койке вроде больничной. Рубашка куда-то пропала, а пятнадцатисантиметровый порез мне заклепили эластичной прозрачной пленкой. Не без усилий я повернул голову и взглянул на ряд колонн в дальнем конце комнаты, на синее небо, что проглядывало меж ними. За колоннами располагалась терраса, омытая желтым солнечным светом. Коротышка как раз был там, одетый в бледно-розовый костюм с кружевными манжетами. Сидя в фиолетовом кресле, он нервно терзал ноготь на пальце.

Женщина, сидевшая перед ним, напоминала деревянного индейца у витрины какой-нибудь сигарной лавки. Волосы – лоснящийся вихрь цвета индиго, точно разбившаяся о камни волна; на щеках – едва заметные оранжевые спирали, концы которых спускались к подбородку. Наряд ее состоял из множества небрежно намотанных цветных лент. Впрочем, они не скрывали отличной фигуры, при виде которой любой фотограф мира моды тут же схватился бы за камеру.

– Ты даже не знаешь, кто он... или что он, – говорила женщина. – Я думала, у твоего Тайного общества есть права касательно контактов с незнакомцами.

– Тут другое дело! За ним следили! Хотели взять живым! Как ты не поймешь? – Коротышка горячо размахивал руками. – Если он им нужен – он нужен мне!

– И на что он им? – ответила вопросом женщина.

– Не знаю... пока не знаю. Но выясню, не сомневайся. А вот тогда...

– ...тогда тебе не отмазаться, Джесс! Да, им плевать на помойных крыс, но только до тех пор, пока те не покусятся на барский стол.

Вскинув руки, Джесс ногтями царапнул невидимый занавес.

– Ну что ты как продажь глупая, как личинка слепая! После стольких лет нам выпал шанс... впервые в жизни...

– Так я и есть продажь. – Лицо женщины сделалось неподвижным, как гипсовый слепок, и примерно того же цвета. – Ею была и ею останусь. А ты... ты то, что ты есть. Признай, Джесс, постарайся...

– Принять это? От них? – Джесс вскочил на ноги и вцепился в грудь, будто пытаясь сорвать с нее навешенный кем-то ярлык. – Я мог бы владеть миром! – Он сложил ладони чашечкой. – Но они... эти выскочки, недостойные выносить мусор за моим дедом... говорят мне «нет!».

– Ты не твой дед, Джесс.

– Мораль мне еще почитай, продажь размалеванная! – подавшись вперед, он затряс руками у нее перед лицом.

Женщина усмехнулась уголком губ.

– Ты нравился мне таким, какой ты есть, Джесс. Остальное не имело значения.

– Лжешь, расчетливая ты продажь! – проскрипел он, как несмазанная ось. – После всего, что я для тебя сделал, поднял со дна, ты отказываешь мне в помощи, когда я так в ней нуждаюсь...

– Тише, Джесс. Разбудишь его.

– Чепуха! Я вколол ему столько летенола, хватит парализовать взвод черных...

Но все же Джесс встал, и я закрыл глаза, слушая, как пара приближается ко мне. С полминуты они хранили молчание.

– Ох и великан, – заметила женщина.

Джесс хихикнул:

– Пришлось использовать два подъемника, чтобы доставить сюда.

– Сильно его ранили?

– Нет, но порез глубокий. Я влил ему два литра крови с полным набором питашек.

– Зачем он им понадобился... живой?

– Должно быть, что-то знает, – с благоговением произнес Джесс. – Что-то важное.

– Что он может знать такого, чего не знает «ВЕЧИНКОРП»?

– Это и предстоит выяснить.

– Болван ты, Джесс.

– Так ты сможешь? Или правда уйдешь, когда так нужна? – Последние слова Джесс прошипел, точно змей, которому наступили на хвост.

– Если хочешь, я, конечно, сделаю все, что в моих силах, – глухо ответила женщина.

– Умничка. Я и не сомневался...

Они вышли. Что-то щелкнуло, и в комнате стало тихо. Я снова открыл глаза. Никого.

Некоторое время я лежал и глазел на причудливый потолок, ожидая, когда нахлынут воспоминания. Но не дождался. Я по-прежнему оставался Стивом Дрейвеком: некогда крутой и смекалистый тип, однако понятия не имел, какой сегодня день, и в какой, вообще, я части света. Говор у Джесса с подружкой был американский, но это еще ничего не значило. Парк мог располагаться где угодно, а улица... Что ж, если так подумать, улица походила на образ из сна, наполненный смутным психологическим смыслом. Про нее можно забыть.

Так, ладно, Дрейвек, думай, что имеем?

В каком-то незнакомом месте, сломленный да еще с дыркой в боку — ситуация не то чтобы уникальная. В свое время и не в таких передрыгах бывал. Приходилось очухиваться в ночлежках и клоповниках, где за стенами устраивают гонки сверчки; или в дорогущих отелях, по сотне долларов за ночь, где в ваннах — коврики из меха норки, а в баре подают коктейли по девяносто баксов. Случалось пару раз просыпаться на пустырях, с вывернутыми карманами, но чаще — в безвкусных спаленках, где резкий солнечный свет падает на купленную в рассрочку мебель, выхватывая дыры в обоях и изъяны в лицах. А однажды мне довелось очнуться в трюме панамского бананового корабля — баржи, отплывающей из Мобила¹ под командованием бывшего нацистского шкипера. Он потом полтора месяца сидел на одних кашках: я вломился в его каюту и разбил о его морду бутылку шнапса, которым он завтракал. Мне тогда было семнадцать, но вымахал я уже в настоящего детину.

Да уж, мне было не в новинку просыпаться в легком недоумении, когда тут и там в теле пульсирует боль, во рту словно кошки нагадили, а воссоздать события предыдущего дня можно лишь по содранным костяшкам кулаков да свежей татушке. Правда, на сей раз гулянки — и повода для нее — я не припомнил. Только кабинет, обшитый воощеными панелями темного дерева, да мерзкого старого хрыча, седого и стриженного под «ежик». Он кивал и говорил мне:

— Разумеется, Стив, если ты так хочешь...

Фрейзер.

Имя неспешно всплыло в памяти, словно нечто из далекого прошлого.

Какого дьявола? Фрейзер — мой собутыльник, худой и жилистый паренек с копной черных волос и длинными ру-

¹ Мобил — город в штате Алабама.

ками, которыми он мог уложить боксера-полутяжа...

Но он же был и стариком... Я покачал головой, желая прогнать двойной образ, сделал несколько глубоких вдохов: «Ну, Дрейвек, пробуй как следует...»

Вспомнилась просторная камера размером с ангар для дирижабля: всюду трубы, шум, резкие кислые запахи. Клубится дым – или пар – над баками вроде гигантских кислородных баллонов.

Нет, это ничего не дает. Ну-ка, еще разок!

Женское лицо: высокие скулы, большие темные глаза, золотисто-каштановые волосы, ниспадающие на худые плечи, гибкая фигура представительницы высшего общества... но имени нет. Кто она – я не знаю.

«Ну же, Дрейвек! Старайся. Адрес, телефон, род занятий, в последний раз тебя видели в ночь на...»

Ну-ка, ну-ка... Я повернулся и увидел на другом конце комнаты плоский черный чемоданчик, на столике у двери. Наверняка в нем что-то есть.

Сесть оказалось тяжело, но не тяжелей, чем тащить на себе сейф вверх по пожарной лестнице. Тут же напомнил о себе бок: чувство было, что к ребрам прижали теплую, влажную пеленку, а значит, что-то у меня там слегонца разошлось, но я все равно опустил ноги на пол и встал. Ничего не произошло, но будь у меня бакенбарды, они бы уже слиплись от пота. Следующий шаг дался проще, хотя тело было тяжелое, как обитый свинцом ящик. Наконец я добрался до столика. Мой внутренний тренер попросил тайм-аут, и я опустился на пол. Туман так и норовил застить глаза. Я встряхнулся и занялся чемоданчиком.

Прямоугольной формы – пятнадцать на двадцать, – пять сантиметров в толщину; из мягкого материала вроде кожи. Я случайно задел замок, и крышка отворилась. Порывшись внутри, я обнаружил обычный набор вещей, с которым

дамочки ходят со времен Нефертити: длинная изогнутая расческа, металлические тубики тоналки, маленькая коробочка с чем-то мелким, какие-то пластмассовые фигурки вроде чармов для браслета, сложенный лист бумаги – фотокопия журнальной статьи. Листок я развернул: если не считать стенографических пометок, текст выглядел как расфуфыренная рекламная статья журнала моды. Что-то о новом имидже а-ля «жертва изнасилования» и восхитительных трупных тонах, которые нынче бешеными темпами завоевывают популярность у блати. Мне это ни о чем не говорило.

Я уже хотел вернуть листок на место, но тут верхняя строка привлекла мое внимание. Там была дата: Сбота, 33 ма 2103 г.

На минуту пол подо мной, стены вокруг и город словно превратились в тонкую газовую дымку, в нечто, выдуманное подсознанием в горячечном бреду.

– Две тысячи сто третий, – произнес я. – Ха... неплохо.

Выронив листок, я осмотрелся. Комната вроде настоящая. Со стороны террасы долетал прохладный ветерок, а снаружи проплывала пара безобидных с виду облаков. В тот момент привычный вид здорово меня успокоил.

– Значит, на следующей неделе мой день рождения, – сказал я, но прозвучало это как-то нерадостно. – Мне стукнет сто пятьдесят два...

Больше сумочка ничем не могла мне помочь, и я сложил содержимое обратно. Подкрепился парой виноградин со стола и продолжил исследовать комнату.

В стене было три закрытых двери, но сколько я ни давил, открыть не получилось. Тогда я вышел на террасу и взглянул на две башни, торчавшие из слоя облаков примерно в полутора сотнях метров подо мной. Стена за балюстрадой отвесно уходила вниз. Я так и не понял, где оказался; ни

разу о таком месте не слышал.

Я вернулся в комнату и обследовал стену возле койки – там, где мозаика немного отличалась. Нашел щель толщиной с волос и надавил. Щелкнуло, открылась дверь шкафа. Внутри я обнаружил простенький черный пуловер и надел его взамен утраченной рубашки. В выдвижном ящике нашел набор предметов с кружевной отделкой и рюшечками, вроде как исподнее коротышки Джесса. Порывшись в белье, нащупал нечто гладкое и холодное. Выглядело оно как помесь пистолета и смесителя. Думал воспользоваться им, но не знал, с какой стороны подается лекарство.

Остатки сил потратил на дальнейший осмотр стены, но поиски не принесли трофеев. Я съел банан и, растянувшись на койке, стал ждать. Прислушиваясь к песне ветра в колоннах, старался не уснуть, однако вскоре провалился в беспокойный сон, где меня ждала большая комната: в ней очень шумно, люди обеспокоенно взирают на меня. Еще я видел маленькую комнату. Из открытой двери струится дым. Тут же стоит большой зеленый бак. Мужчина в белой форме, с окровавленным ртом; женщина... Последняя говорит сквозь слезы: «Это приказ, черт бы вас подрал!» Потом все попятилось, а я подхватил на руки какой-то тюк и вышел в задымленный проем. Женщина у меня за спиной плакала.

3

Солнечное синее небо окрасилось в алый и пурпурный тона, когда вернулся хозяин дома, мыча сквозь зубы мелодию. Женщина тоже пришла, но через минуту удалилась. Я притворялся спящим, пока Джесс осматривал меня: оттянул веко, заглянул в глаз. Затем он подошел к стене и на консоли, которая по команде выдвинулась из стены, нажал

комбинацию кнопок. Достал что-то из щели в устройстве, рассмотрел на свету, нахмурился. Вернулся ко мне и взял за руку.

Я решил: пора! — и схватил его за шею. Джесс пискнул и всплеснул руками, выронив неизвестный предмет. Тогда я встал, а Джесс одной рукой потянулся в карман, но я перехватил ее и прижал его к стенке. Джесс смотрел на меня выпученными глазами.

— Есть что-нибудь от похмелья после летенола, Джесс? — Я подался вперед и чуть ослабил хватку, чтобы он мог втянуть немного воздуха.

— Отпусти... — тонко, как резиновая крыса с дырочкой в пузе, пропищал он.

— Как долго я пробыл здесь?

— Тридцать часов...

— Кто ты, Джесс? Какое тебе до меня дело?

— Ты... спятил? Я тебя из такой передрыги вытащил...

— Вмешался-то зачем? По мне, так малышу вроде тебя опасно гулять в том парке.

Он задержался и захрипел, и я снова чуть ослабил хватку, пока с его лица не сошел пурпурный оттенок. Джесс изогнул губы в ухмылке, похожей на оскал раненного лиса:

— У каждого свое хобби, — выдавил он и попытался уку-
сать меня.

Тогда я пару раз приложил его затылком о стену. Череп оказался на удивление прочный, как и стена. От усилий у меня снова загудело в голове.

— А ты крепкий, Джесс, — заметил я, — но я круче.

Джесс попытался ткнуть мне пальцем в глаз, и тогда я бросил его на пол, лицом вниз. Коленом уперся в спину и похлопал по карманам. Нашел надушенные платки и какие-то пластиковые талоны. Джесс сказал что-то еще, наверняка бесполезное.

— Ты меня заинтриговал, Джесс, — стараясь дышать ровно, сказал я. — Должно быть, сведения у тебя и правда важные.

— Если отпустишь, пока я не задохнулся, то мы сядем и поговорим как цивилизованные люди. Я расскажу все, что знаю. А иначе просто убей меня, и хрен с тобой! — проговорил он совершенно новым тоном, который ну никак не напоминал задушенный писк.

Я позволил ему сесть.

— Начнем с того, кто такие они? — сказал я. — Те, кому я нужен живым.

— Черные. Контролеры. — Оба слова Джесс произнес с презрением.

— А если попроще?

— Черт возьми, они из Контроля смерти! Куда уж проще?

— С чего ты взял, что я им нужен?

— Я подслушивал в парке.

— Так ты меня у них из-под носа увел? С какой стати так рисковать?

Джесс пару раз порывался что-то сказать, но в конце концов ограничился грустной улыбкой — точно гробовщик, предлагающий проводить усопшего в последний путь более достойно.

— А ты натура недоверчивая. Ты вошел в парк у них на глазах — вот о чем я узнал из их разговоров. — Он взглянул на меня. — Кстати, как ты оказался там?

— Шел, шел да и пришел. Выпимши был.

Джесс коварно усмехнулся. Дыхание он восстановил быстро.

— Я видел тебя в действии. Ты сноровист... только в конце расслабился.

— Да, Рыжий меня подловил.

— Ты бы истек кровью.

Я кивнул:

– Спасибо, что подлатал. За это я перед тобой в долгу.

– Как самочувствие? – Джесс смотрел внимательно, словно от верной интерпретации моего настроения зависел крупный выигрыш.

– Как будто мне досталось за двоих. Кстати, выпить найдется?

Джесс взглянул на мою руку, которой я удерживал его за ворот.

– Позволишь?

Я встал и уступил ему дорогу. Джесс прошел в альков, где располагалась панель с кнопками. Нажал парочку, произнес «Ну вот» и вернулся с внушительным стаканом.

– И себе плесни.

Джесс налил второй стакан, который я у него забрал, отдав взамен свой. Подождал, пока Джесс его ополовинит, и лишь затем попробовал напиток. На вкус – яблочный сок с отдушкой, но я все же выпил. Немного помогло: в голове слегка прояснилось.

Джесс стер платочком кровь с подбородка. Потом достал плоский футляр, из него извлек сигарету не толще спички, зажал серебряными щипчиками, прикурил и сделал маленькую затяжку, словно колибри, пробуящая первый весенний нектар. Расслабился, словно мы с ним были старые одноклассники, наслаждающиеся милой беседой.

– Ты чужой в нашем городе, – небрежно заметил Джесс. – Откуда ты?

– А вот с этим проблемка. Понятия не имею, как угодил к вам. Надеюсь, что ты подскажешь.

Он встревожился и помрачнел, точно сердобольный судья перед тем, как наложить штраф:

– Я?

– Наше с тобой джентльменское соглашение, Джесс, не

срабатывает, если ты не подыграешь.

— Да нет, ты просишь о невозможном, — ответил он. — Что я могу знать о тебе, идеальном незнакомце?

Я хватил стаканом о столешницу и сильно наклонился вперед, едва не ткнувшись в Джесса носом.

— А ты пораскинь мозгами!

Джесс посмотрел мне прямо в глаза.

— Ну хорошо, — сказал он. — Моя версия такова: ты — заморозок, в город попал нелегально, в обход закона о поднулевых.

— Что это значит?

— Если я прав, то последнюю сотню лет твое тело пролежало в криогенном хранилище «ВЕЧИНКОРПа». Замороженное при абсолютном нуле.

Спустя полчаса, влив в себя еще парочку стаканов безобидного на вкус пойла, я все так же задавал вопросы и получал ответы, порождавшие еще больше вопросов.

— ...большинство поднулевых поместили в стазис родственники: из-за неизлечимых болезней, пострадавших при аварии. Надежда была на то, что со временем для них подберут лечение и разбудят. Само собой, никто их не разбудил. Мертвое остается мертвым. Все они принадлежат «ВЕЧИНКОРПу».

— В жизни ничем не болел. А так история ничего.

Джесс покачал головой.

— Беда в том, что за последние полвека никто не санкционировал разморозку, и если бы тебя разморозили официально, очнулся бы ты в палате у врача «ВЕЧИНКОРПа». Лежал бы себе, подключенный к датчикам мозга и дышал через аппарат, а не бродил по улицам в беспамятстве.

— Может, родственник какой постарался?

— Родственник?.. У трупа, сотню лет пролежавшего во льду? О тебе не вспомнили бы даже прапраправнуки, а если

бы и знали – разве отдали бы за тебя собственные визы? – Джесс покачал головой. – В любом случае, законы запрещают оживлять мертвецов. Таким в мире нет места, и так уже двадцать миллиардов человек. Чиновники ссылаются на юридические осложнения да напоминают о целом спектре старых болезней, которые можно ненароком выпустить. С виду все логично, но реальная причина... – Джесс посмотрел на меня, ожидая реакции. – Запасные части, – твердо закончил он.

– Продолжай.

– Сам подумай! – Джесс прищурился, подавшись вперед. – Идеальные руки, ноги, почки пропадают, а снаружи – те, кто умирает без них! Кто готов платить, сколько скажет «ВЕЧИНКОРП», готов оказать любую услугу в обмен на здоровую жизнь!

– Что такое «ВЕЧИНКОРП»?

– «Вечность инкорпорейтед».

– Как название кладбища.

– Что такое кладбище?

– Место, где закапывают мертвых.

– За такие вольности черные тебя повяжут, – слегка возмущенно произнес Джесс. – Если тело бесполезно, то на минералы сгодится.

– Ты что-то говорил про «ВЕЧИНКОРП».

– Они контролируют самое ценное, что есть на свете. Выдают разрешение на беременность и визы на жизнь, занимаются пересадкой органов и частей тел, продают препараты для омоложения и продления жизни, проводят разные процедуры. Юридически это частная корпорация, действующая в рамках конституции. На деле же она правит нами железной рукой.

– А как же правительство?

– Ха! Высохший рудиментарный орган на теле полити-

ки. Какая сила может сравниться с жизнью? Деньги? Военная мощь? На кой они умирающему?

— Хорошенькое дельце. Как «ВЕЧИНКОРП» заполучил монополию?

— Компания начинала довольно просто, с запатентованных лекарств и методов лечения. Они их разработали в собственных лабораториях и тщательно контролировали. Затем они открыли банки замороженных органов; затем — криостезию целых тел. После изобретения лекарства от рака и совершенствования внеутробного развития, состоялся бой в судах за последние рубежи — против партии Свободной жизни. Эти обвиняли компанию в абортах и убийствах, надругательстве над мертвыми — короче, во всех грехах. Разумеется, суд они проиграли. Уж больно соблазнительную приманку показал судьям «ВЕЧИНКОРП». После этого власть компании росла в геометрической прогрессии, они покупали и продавали чиновников, как покерные фишки. Компания стала тираном, правила кнутом и пряником! И все это время ее хранилища пополнялись гробами-холодильниками, ожидающими разморозки, которой никогда не будет.

— Выходит, старички так и не проснулись...

— Печально, — согласно кивнул Джесс. — Все эти наивные души прощались, целовали детей и жен, уезжали в больницу и оставляли слезные записки, которые надлежало прочесть на юбилей, лепетали что-то под анестезией о вечеринках, которые закатят, проснувшись... И вот, век спустя, их режут и продают с лотка счастливым с нужными связями или раздают в качестве бонуса верным работникам компании. Их тела! Целые тела, почти неиссякаемый запас, нечто, чего всегда не хватало. Вот в чем была их сила, Стив, вот на чем вырос «ВЕЧИНКОРП»! Какой прок в миллиарде долларов для девятистолетней мумии в инвалидном кресле?

Да она все отдаст за двадцатилетнее тело, оставив разве что миллион, чтобы начать сначала.

— Я, наверное, туго соображаю. Какой прок в мертвом теле?

— Мертвом? — Джесс вскинул брови. — Нет, Стив, в наличии только живые тела. Юное тело, излеченное от некогда смертельных болезней, на черном рынке уходит на вес золота.

Я по-прежнему хмурился, и он добавил:

— Ну, понимаешь ли, пересадка мозга.

— Понимаю ли?

Джесс искренне удивился:

— Всегда найдутся богатые блатни и гульни с просроченными визами. За умеренную цену можно справить бумаги... но они бесполезны для человека в умирающем теле. А качественные тела всегда в цене. Грязные, само собой, или изъеденные дефектами не нужны.

— Хочешь сказать, из тела вынимают мозг и заменяют другим?

— Даже в твои дни практиковалась пересадка органов. Мозг — тот же орган.

— Ладно, значит, меня ищут законники за нелегальное пробуждение из мертвых. И что мы имеем? Кто меня разморозил? Зачем?

Джесс немного подумал, успев три раза затянуться сигареткой.

— Стив, сколько тебе было... точнее, сколько тебе сейчас?

Я подумал над вопросом. Ответ так и вертелся на кончике языка.

— Лет пятьдесят, — сказал я. — Средний возраст.

Джесс встал и прошел к столу, вернулся с зеркалом на ручке из слоновой кости.

– Полнуйся.

Я взял зеркало. Хорошее, квадратное, со стороны в девять дюймов. Лицо, что я в нем увидел, было мое – я ни секунды не сомневался. Но линия волос располагалась ниже, да и морщины, образовавшиеся за годы, что я пытался подстроить мир под собственные представления о нем, сошли как лоск с козырных туфель. Я походил на сопляка, которого даже в армию не возьмут.

4

– Расскажи о себе, – попросил Джесс. – Что угодно. Начни с самого начала, с самых ранних воспоминаний.

– Самые ранние дни я отлично помню. Это детство, если его можно так назвать.

Я поскреб щеку и задумался, однако мысли, которым полагалось сразу всплыть на поверхность, словно состарились, проржавели от бездействия, как будто я не думал о них, не проговаривал уже очень-очень давно.

– Я вырос в суровом районе Филадельфии. Отправился в море, вступил в армию, когда китайцы в Бирме учинили беспредел. После войны пошел учиться и получил приличное образование. Начал работать клерком в магазине продуктовой сети. Спустя пять лет открыл свою фирму... – Я слушал собственный голос и вспоминал события прошлого как будто со стороны, сухо и без эмоций, точно кино смотрел.

– Продолжай.

– Офис, завод, большая тачка с двумя телефонами... – Смутные воспоминания постепенно обретали форму, но было в них что-то темное, мне совершенно не понравившееся.

– Что еще?

— Дни в море я помню лучше. — Говорить о службе было безопаснее, и я бубнил под нос, глядя в прошлое: — Все это было живое: запахи и ржавчина на палубе, плесень на ботинках, в которых я сходил на берег, суша, проступающая поутру из тумана, словно белые рифы. Еще шум и огни ночных портов, прибрежные кабаки и паршивое пойло. И тип на корме, что наигрывал грустные мелодии.

— Довольно-таки романтично.

— Как застарелый сифилис. Однако да, было в этом нечто такое. Связанное с юностью и крутизной: спишь где попало, ешь что придется, дерешься...

— Расскажи о деловых партнерах. Возможно, кто-то из них... — Джесс не договорил.

Я подумал над его словами, попытался разобраться в противоречивых впечатлениях. Юноша, брюнет; старый хрен с шеей как у индюка...

— Моим лучшим другом был сослуживец по Китаю и Непалу. Однажды он спас мне жизнь: заткнул дырку в запястье, там, где китайская пуля калибра двадцать пять прошла навылет. — Я все помнил: переход в две мили до ближайшей медсанчасти, с винтовкой в левой руке; кругом свистит шрапнель. Медики кудахтали надо мной, словно куры, три часа штопали и латали; за такую работенку им на окружной ярмарке дали бы приз. Фрейзер все это время подливал мне, и себе, бухла и не давал моей сигаре погаснуть. Хирурги постарались на славу, сшив нервы и кровеносные сосуды, да только запястный сустав так и не восстановился. Остался шрам шириной в дюйм — вот почему я стал носить на правой руке ролексовский «Ойстер»...

И тут мне в голову пришла мысль, что порхала, трепеща крыльями на краю ума, требуя внимания с тех самых пор, как я очнулся под дождем. Я закатал рукав и осмотрел запястье: ни следа. Шрама как не бывало.

– В чем дело? – спросил, следя за моим лицом, Джесс.
Я спустил рукав обратно.

– Ни в чем. Чуть снова не выпал из реальности. Может, еще по стаканчику твоего сочка?

Джесс следил за мной, пока я наливал себе добрую порцию напитка. Стакан я осушил залпом, не смакуя.

– Этот процесс заморозки, – сказал я. – Он шрамы удаляет?

– Нет, а что?

– Омолаживает?

– Ничего подобного, Стив...

– Тогда твоя теория – фуфло.

– В каком смысле?

– Если бы меня и правда заморозили, я бы помнил, как лечу в кирпичную стену, помнил бы больничную койку и полку с препаратами, помнил, как какой-нибудь старый козел трясет бородой и говорит: «Заморозьте голубчика, пока я не придумаю, как с ним быть».

Джесс немного пожевал губу.

– Вполне возможно, травма связана с шоком...

– Аварии не было. Шрамов нет, помнишь? А если я был безнадежно болен, то кто меня вылечил?

Джесс занервничал.

– А вдруг тебя и не лечили?

– Расслабься, рак не заразен.

– Стив, такими вещами не шутят! Мы должны выяснить, кто ты и что такого знаешь, раз «ВЕЧИНКОРП» тебя боится!

– Я не угроза для них. Я просто человек, который запутался. Хочу распутаться и вернуться к своей жизни.

– Они тебя боятся! Иначе как объяснить, что ты объявлен в розыск класса Y? Это можно использовать против них!

– Если ты затеял революцию, на меня не рассчитывай.

– Не рассчитывать? В погоне за призом, выше которого мир еще не знал?

– На что ты намекаешь, Джесс?

Он сощурился и сверкнул глазами, точно Мидас, помышляющий о Форт-Ноксе.

– Бессмертие.

– Ну-ну... и ковер-самолет в придачу.

– Это не сказки, Стив! Они знают секрет! Бессмертие реально, как ты не понимаешь? Нам не обязательно умирать! Мы можем жить вечно! Но разве с нами поделятся? Нет, нам остается каторжный труд, мыдохнем, как личинки в муравейнике!

– Это ты-то трудишься, как на каторге, Джесс? Не смей меня, а то бок еще болит.

– Процедуры омоложения! – с презрением произнес Джесс, словно у этих слов был мерзкий привкус. – Чтобы их чертовы механизмы продолжали работать, достаточно подкупать специалистов: конечность там, орган тут, регенерация тканей... и, наконец, вершина беззакония – пересадка мозга. Ну и черный рынок тел, из-за которого ходить без оружия ночью по улицам небезопасно. И все – ради поддержания ценности их товара!

– Времена не больно-то изменились, – заметил я. – В мои дни был заговор сионистов и таблетки для превращения воды в бензин.

– По-твоему, я брежу? Ну подумай сам! Медики давно уже научились синтезировать протоплазму, создали жизнь в пробирке, излечили рак, а в процессе исследований неизбежно открыли секрет старения. Это такая же болезнь, как и все прочие – и вот ее излечили. Природе, знаешь ли, все равно. Ей главное, чтобы человек потомство давал. Пятнадцать лет – и ты половозрелый, еще пятнадцать – на ак-

тивную жизнь и на то, чтобы увидеть, как зреет следующее поколение, а после – упадок и смерть. Казалось бы, жить только начинаешь, а уже помирать пора! Ничего удивительного, что человечество жило в анархии и беспорядках, и каждое новое поколение повторяло ошибки прошлого. Миром правят дети, тогда как закаленные жизнью зрелые умы чахнут и умирают. «ВЕЧИНКОРП» сломал этот порядок!

– Как им удалось сохранить такое в секрете? Если он и правда есть.

– Ограничили круг пользователей избранными – теми, кому выгодно поддерживать обман.

– Ага... но потом кто-то заметил, что старые толстосумы все никак не появятся в колонке с некрологами.

– Да ну! Кто за таким будет следить? В наши дни все по-другому, Стив. У нас нет публичных личностей, как у вас. Наше общество строго классифицировано. Гульням мало что известно о делах блати. Классифицированный гражданин пачкаться не станет – не захочет связываться с безвизовой продажкой.

– Я только предположил, Джесс. Чего ты завелся?

– Есть те, кто верит, что не должен умирать в расцвете сил! Не это ему уготовано свыше! Вечная жизнь почти у нас в руках, она позволит увидеть звезды, другие планеты, их богатства...

– Семьдесят лет для тебя мало? Я бы не стал их тратить, гоняясь за горшочком золота на другом конце картонной радуги.

– Семьдесят лет? – Джесс так и выпучил глаза. – Мне уже семьдесят девять! – его голос надломился. – И я рассчитываю дожить до ста пятидесяти, даже без благословения «ВЕЧИНКОРПа». Но можно и дольше, Стив, намного дольше. И вот тут ты мне поможешь!

– Прости, у меня другие планы.

– Планы? Ты же никто и звать тебя никак.

В этот момент, словно дождавшись своего времени, тишину вечера нарушил звонок.

Джесс подскочил, словно задиристый боксер-легковес при звуке гонга, возвещающего о начале раунда. Обнажил зубы в злобной усмешке. Звонок раздался еще раз, потом еще и еще.

– Минка? – в пустоту спросил Джесс.

Звонок умолк, и в дверь принялись колотить.

– Как в старые добрые времена, – сказал я. – Похоже, левые нагрянули.

– Да как они?.. – Он не договорил. Посмотрел на меня с прищуром. – Хочешь доверяй мне, хочешь нет. Выбирай. Нельзя, чтобы тебя тут застали. У нас только один выход.

– Что ты задумал?

– Иди туда. – Он указал на террасу. – Я постараюсь запудрить им мозги, а что станешь делать ты – решать тебе.

Не дожидаясь ответа, Джесс направился к двери. У меня оставалась пара секунд. Я оглядел три стены, ряд колонн и террасу за ними, направился к выходу и встал в тени.

Джесс тем временем открыл дверь – и попятился, разведя руки в стороны. Его толкал какой-то тип с напарником – гнусные рожи светились от радости. Оба были худые, в черной форме с серебряными лампасами на узеньких брюках и такими же петлицами на стоячих воротниках. У обоих на поясе висело по кобуре, расстегнутой в боевом режиме. В глазах читалось наглое выражение прожженных копов или военных. Мне с террасы было слышно, как щелкают каблуки.

– Говори как есть, – произнес один скрипучим, точно ножовкой по металлу, голосом, – и проживешь достаточно долго, чтобы обналичить фишки.

– В чем дело? – чуть запыхавшись, спросил Джесс. – У

меня виза в порядке...

Коп отвесил ему дар наотмашь, и Джесс упал.

— Тебя очень хотят видеть наверху. Первый за шестьдесят лет легальный выход из Дворца, как-никак. А теперь говори: как ты разобрался с внешним кольцом? Как проник в главное хранилище? Кто разморозил ящик, и все прочее?

Джесс сел, чуть не плача.

— Вы ошибаетесь...

Черный врезал ему еще раз. Джесс свернулся на ковре и заскулил, как брошенный щенок.

— Начинай говорить, сэкономишь мне кучу сил, — сказал черный. — Кто твой сообщник?

Джесс поднял на него взгляд.

— Это был здоровяк. Ростом выше двух метров, с длинными бакенбардами и стеклянным глазом, — мерзким тоном проговорил он. — Имени я не спрашивал.

— Забавный тип. — Черный толкнул Джесса ботинком в плечо, и тот откатился. Второй коп толкнул его в спину.

— И где он?

Они рассредоточились и осмотрели пустые стены. Наконец один раздраженно выдохнул и обернулся к напарнику.

— Я думал, ты заблокировал здание.

— А может, у этого жмуркина кота есть нелегальная шахта.

— Он бы ей не воспользовался. Мы же заблокировали энергоподачу.

— Надо было доложить об этом, старшой.

Я тихо отступил на шаг. Рядом колыхались на ветру листья пальмы в вазе. Маловаты, не спрячешься. Ребята, что нагрянули к Джессу, были не умнее своего брата, но рано или поздно они сообразят проверить террасу.

— Он не мог сбежать... — произнес один из копов и замер.

Я буквально слышал, как у него скрипят мозги: если в комнате было два человека, и один из них на виду, то сколько спряталось под ковер?

Я уже думал выйти и попробовать сыграть в сознательного гражданина, но пушки копов внушали трепет и черным явным не терпелось пустить их в ход. Сначала я не до конца поверил Джессу, однако вид легавых заставил меня передумать.

– Не нравится мне это, старшой, – сказал второй коп. – Приоритет Y – это не хрен собачий.

– Да только за поимку его одного наградят фишками лет на двадцать жизни...

Копы продолжали переговариваться на своем жаргоне, постепенно приближаясь ко мне. Я сморгнул капли пота и продолжал ждать. Хорошо бы, их отвлекли, но для малыша Джесса это, похоже, не по силам. Ему уже отвесили тумачков больше, чем проигравшему претенденту на титул чемпиона по боксу. Однако что-то в нашем недолгом с ним знакомстве говорило, что он не так прост...

И вот он проблеял, как овечка на бойне:

– Я все скажу! С чего мне терять визу ради этого жмуркина кота?

Копы стопорнули, не дойдя до террасы, и развернулись обратно. Выждав пару секунд, я выглянул из-за двери.

Джесс уже был на ногах – впрочем, в такой позиции его удерживал старший коп. Коп стоял спиной ко мне, широко расставив ноги и одной рукой вцепившись в ворот миленькой зеленой рубашки Джесса. Сам Джесс едва не лежал на столе. Лицо коротышки было в крови. Один глаз заплыл и почти не открывался. Второй коп стоял, привалившись плечом к стене, справа от них. Случись ему слегка повернуть голову, и он увидит меня. Я оставался на месте и ждал.

– У нас вся ночь впереди, – сказал коп. – Расколешься

сейчас или позже, без разницы. Работа нам только в радость.

Джесс пробубнил что-то в ответ, но я перестал их слушать. Я следил за правой рукой Джесса: пальцы ощупью ползли по кромке стола, так чтобы не видели копы, осторожно и очень медленно. Так же медленно открыли ящик стола и вынули ножик с тонким лезвием. Затем Джесс медленно поднес игольно-тонкое острие к ребрам копа, державшего его за ворот; момент – и нож вошел в плоть.

Черный дернулся, будто обжегся обо что-то. Все еще удерживая Джесса, медленно повернулся.

– Ты что делаешь? – спросил его напарник и сделал шаг к столу.

Рука старшего копа коснулась рукоятки ножа, из-под которой даже не выглядывал клинок – так глубоко он вошел между ребер. И тут у него подогнулись колени; коп тяжело рухнул на пол. Напарник сделал еще шаг к нему, рванул пистолет из кобуры, но тут уже я оказался в комнате, у него за спиной. Не успел он обернуться, как я дважды ударил его по шее. Выронив оружие, коп сложился и упал – как всякий, кому перешибли шею.

Ногой я послал пушку в другой конец комнаты. Джесс в это время на неверных ногах отходил от стола. Он тяжело и шумно дышал. Я взглянул на дверь.

– Они пришли одни, – задыхаясь, проговорил Джесс и утер кровь с губ. – Хотели все сами проверить. Нам же лучше, Стив. Никто не знает, что они приходили. – Он скорчил мерзкую рожу, и я понял, что он улыбается.

– Ты отменный актер, – заметил я. – Что ты делаешь, чтобы тебя на бис вызвали?

– Мы с тобой хорошая команда. Жаль будет расставаться.

Я отошел к бару и налил себе выпить. Залпом осушил стакан.

– Давай-ка уберем эту парочку в шкаф, – предложил я затем. – А потом ты достанешь мне карту Нью-Йорка годов так тысяча девятьсот семидесятых. У меня есть план.

Карта на экране-столешнице охватывала восточную половину штата плюс кусочек Пенсильвании и Джерси. Сеть шоссе выглядела плотнее должного, однако в целом карта была вполне ничего.

– Приблизь-ка, – попросил я, и Джесс увеличил картинку настолько, что город заполнил экран. Тогда я попросил вывести центр Лонг-Айленд, район Джамейка. Джесс отрегулировал изображение так, что стали видны каждая улица и каждое здание. Я указал на точку: – Вот здесь мой старый завод.

– Думаешь, он еще работает? Самого здания уже поди нет...

– Оно мне и не нужно. Я ищу то, что под ним. Это место строилось на века. Я в него вложил.

– Думаешь, там найдутся зацепки?

– Стоит проверить.

Джесс нажал кнопку, и сверху экрана зажегся красный огонек. Им-то Джесс, крутя ручки, и отметил завод. Затем погасил экран, на котором затем высветилась новая карта. Походила она на сплетенную пьяным пауком сеть и была вся покрыта загадочными символами, вроде китайской грамоты. Джесс как-то странно взглянул на меня.

– Интересное местечко ты выбрал, – произнес он. – Это картограмма Граньяука, наложенная поверх старого района города. Как видишь, острова присоединили к материку, при помощи различных гидравлических сооружений. Район, который ты называешь Лонг-Айлендом, – он указал на зеленую кляксу, занимавшую часть экрана, – особая зона «ВЕЧИН-КОРПа». Так вышло, что интересующий тебя пункт точно совпадает с самым охраняемым объектом во всем Северо-

американском секторе.

— И что это за объект?

— Центр криостезии, — сказал Джесс. — В просторечье Ледяной дворец. — Он улыбнулся. — Думаю, первая зацепка.

Джесс ходил из угла в угол.

— Перед нами любопытная задачка, Стив. Не скажу, что невыполнимая — я вообще горжусь своим талантом проникать на закрытые объекты. Но вопрос, стоит ли рисковать?

— Хочешь отступить? Тогда я пойду один.

— Мне, может, и хотелось бы отступить, — чуть побледнев, он смотрел на меня, — но, как ты сказал, других зацепок нет. А следовательно, вопрос стоит так: как лучше потрепать «ВЕЧИНКОРП» в его же крепости?

Он вернулся к своему необычному столу и нажал несколько кнопок. Следующий час он провел, бормоча что-то над техническими схемами, которые оставались выше моего понимания, как тот же дирижабль «Гудиер».

— Наилучшая точка, по-моему, это выпускной канал, — наконец сказал Джесс. — Придется замараться, но ничего не поделаешь.

— Когда начнем?

— Как только твоя рана заживет. К тому же тебе лучше не выходить ближайшие несколько дней. Однако тебе не привыкать, после века-то заточения.

Это он верно подметил.

Мы поели и после сидели на террасе. Слушали музыку. Некоторые мотивы оказались достаточно стары и звучали знакомо. Затем Джесс проводил меня в комнату, обклеенную обоями в черных розах, и я растянулся на кровати. Довольно скоро заснул, и мне приснился сон: бледное лицо за окошком из матового стекла и смутные тени забытых обид, таких давних, как последнее желание фараона.

Мы выждали три дня, прежде чем пуститься в путь. Бок все еще побаливал, но лечение не оставило от раны и следа, только тонкий рубчик.

Джесс выдал мне лоснящийся черный полукомбинезон, который оказался облегченным гидрокостюмом, и провел обходными путями в недра города, до высокой голой стены, над которой горели огни. Она навевала мысли о тюрьге или военных казармах.

— Это граница внешнего периметра их особой зоны, — пояснил Джесс. Я задрал голову и прикинул высоту: метров пятнадцать, и наверху густая тьма.

— Как нам перелезть на ту сторону?

— А нам и не надо. Мы ее обойдем.

Джесс провел меня до конца переулка, и мы оказались у стены высотой по грудь. За ней было темно, и из темноты веяло холодом. Я заглянул за нее и увидел в шести метрах внизу беспокойные черные воды.

— Хороший вечер, чтобы искупаться, — сказал Джесс.

Он стянул с себя куртку и достал откуда-то пистолет с гладким стволом. Пощелкал несколько раз вхолостую, для проверки. Я тоже разделся до гидрокостюма и подкрутил ручку встроенного обогревателя, прибавив немного тепла. Джесс осмотрел меня, желая убедиться, везде ли я застегнут, и с проворством белки вскочил на стену.

— Когда нырнешь, держись подальше от скоб, — предупредил он. — Смотри не выключай рацию. Под водой она ловит только на сотню метров.

Небрежно махнув мне рукой, точно кинозвезда надоевшему фанату, он перевалился на другую сторону. Я тоже запрыгнул на стену и не глядя «солдатиком» сиганул вниз.

Падал я долго. Наконец ударился о бетонно-твердую

воду. Меня подхватило и завертело во все стороны. Вода тут же забрала тепло, как промокашка впитывает чернила. Наконец я выровнялся и развернулся лицом вверх по течению, огляделся в поисках Джесса. Ни зги не видно, словно я погрузился в чан с чернилами. Еще немного подкрутил ручку обогревателя и попробовал включить двигатели.

— Прибавь мощности, — посоветовал голос Джесса; он тихо, как-то по-металлически прозвенел в левом ухе. — Тебя сносит.

Я крутил ручки управления соплами, а Джесс направлял меня. Оказавшись примерно в метре от него, я разглядел бледное фосфоресцирующее сияние его костюма. Джесс цеплялся за поросшую мхом трубу, что торчала из подпорной стены.

— Нам еще немного проплыть вперед, — сказал он. — Сброс, на который я рассчитывал, заблокирован, но примерно в ста пятидесяти метрах вверх по течению должен быть другой.

Это была получасовая схватка со стихией. Стоило мне развести руки чуть шире, и меня закрутило-завертело. Я кое-как сумел выровняться. Наконец замшелая бетонная стена сменилась ржавой металлической.

— Плыви на огни, — передал мне Джесс.

Минуту или две спустя я увидел справа дугу зеленоватого света, которая оказалась открытым зевом двухметрового водоотвода. Он был покрыт символами, проставленными светящейся розовой краской, а сбоку притаился какой-то механизм. Джесс уже оседлал кожух и колдовал над ним. Наконец он сказал: «Ага», и вертикальные створки, закрывающие проход, приняли горизонтальное положение. Наружу хлынул свет. Вода вскипела, как под мельничным колесом. Джесс нырнул внутрь трубы, цепляясь за скобы в стенках, я за ним. Миниатюрный насос гудел у меня на

спине, ремни впивались под мышками. Мы миновали пару ответвлений, и труба сузилась. Вдоль стенки тянулась светящаяся полоса и еще больше символов. Джесс проверял каждый. Наконец остановился и сказал:

— Где-то здесь должен быть люк.

Я вжался в изогнутую стенку и стал ждать, пока Джесс обследует секцию водоотвода. Потом он куда-то сунул голову и плечи. Я подплыл поближе. Джесс тем временем полностью скрылся в люке вертикальной шахты. В стенку здесь тоже были вделаны скобы. Цепляясь за них, я стал подниматься вслед за Джессом. Метра через три труба пошла под уклон, и мы выбрались в просторное помещение.

— Я так понимаю, это шлюз техобслуживания, — сказал Джесс.

Вдоль одной из стен тянулся ряд задвижек на сервоприводах, вдоль других — система труб с цветовой маркировкой. Где-то пульсировала вода в насосах. Потолок светился, как фосфоресцирующая плесень. В зеленоватом свечении Джесс в облегающем черном костюме напоминал человека с картины Иеронима Босха.

Между двух задвижек я заметил панель.

— Глянь-ка сюда.

Джесс молча снял с пояса набор инструментов и принялся колдовать. Минут через пять усмехнулся и что-то медленно, с натугой, провернул. Рядом за стеной громко щелкнуло.

— Вот так-то, — сказал Джесс.

Пройдя мимо него, я навалился на секцию стены, и та поддалась, уходя внутрь. За ней открылся пустой коридор, по потолку тянулся, уходя в даль, ряд зеленых светильников.

— Вот тебе и неприступная крепость, — хмыкнул Джесс. — Мы внутри Ледяного дворца. Над нами сотни черных и пат-

рульных, но этот этаж в нашем распоряжении. Итак, что дальше?

Я не спешил с ответом. Осмотрев коридор, ощутил неприятное чувство, будто по спине скользнули ледяные пальцы.

— У тебя когда-нибудь возникало впечатление, что незнакомое место кажется тебе знакомым? — осторожно спросил я, словно стараясь не спугнуть хрупкую мысль.

— Это называется дежавю.

— Там внизу что-то есть, — сказал я. — И оно мне не нравится.

— В чем дело, Стив? — спросил Джесс голосом замерзающего, который пытается раздуть гаснущий огонек последней спички.

— Не знаю.

Я взглянул на стены, но теперь это снова был просто коридор. Я махнул рукой.

— Идем, Джесс. Не знаю, что меня направляет, интуиция или страх, но то, что нам нужно, находится там.

— Тут кругом пыль, — заметил Джесс. — Этой секцией давно не пользуются.

Коридор тянулся метров семьдесят, потом резко свернул вправо и закончился комнатухой с полками на стенах. На полках ничего не было, только пыль. Под полками висел ряд вешалок, но одежды на них не было. Джесс потопал по полу, взглянул на потолок.

— Здесь должен быть выход, — сказал он. — Похоже на гардеробную, где хранили защитная одежда.

Я не отрываясь смотрел на вешалки. Что-то в них настояжило меня. Я сосчитал их — двенадцать. Взялся на третью справа и потянул. Не идет. Тогда я потянул сильнее. Что-то щелкнуло, но ничего не произошло. Джесс наблюдал за моими действиями с открытым ртом. Я ощупал следующую

вешалку, потом ухватился за пятую справа, дернул. Лоб под маской покрылся испариной. Я пропустил еще одну вешалку и дернул следующую. Что-то хрустнуло, и стена справа резко приоткрылась на сантиметр-полтора.

— Как ты узнал, Стив?

— Сам не понимаю, — сказал я и толкнул дверь.

Мы вошли в помещение, которое я когда-то видел, очень давно, во сне о другой жизни. Комната была просторной. Отсыревшие стены покрывали трещины, вдоль которых небольшими пучками росла плесень. Пол тоже был весь в трещинах. Тут и там валялись скрученные осколки окисленного пластика — все, что осталось от композитной плитки. Все это я увидел в свете фонарика Джесса, пока тот обшаривал комнату лучом. Наконец, луч выхватил из темноты дверь в противоположной стене.

Я подошел и повернул старинную круглую ручку. За дверью был кабинет, покрытый сантиметровым слоем пыли. Тут и там валялись клочки жухлой бумаги. В углу обнаружилась гора кожаных лоскутов и заржавленных пружин — то, что некогда было вместительным креслом. Напротив него — стол из тикового дерева. На столе — небольшая чаша, на дне которой только пыль и кусочек стебелька.

— Маргаритки, — сказал я. — Белые.

— Стив, ты узнаешь это место?

— Это мой завод. А это — мой кабинет.

Я прошел к столу и достал из выдвижного ящика бутылку. На остатках этикетки было написано: «...ЭМИ АРТАН».

— Что еще ты помнишь?

Я взглянул на картину на стене. Стекло, хоть и грязное, было цело. Но за ним не осталось ничего, кроме пригоршни праха. Я снял картину, и в стене за ней обнаружилась металлическая дверца с ручкой-реле. Сейф. Приоткрытый.

— Кто-то уже успел побывать здесь, — проскрипел Джесс.

Я запустил руку в сейф и ощупал верхнюю стенку. В ней имелась дырочка.

— Мне нужна проволока, — сказал я.

Джесс порылся в сумке на поясе и протянул мне кусок. Я запустил его в дырочку. Раздался щелчок — и задняя стенка сейфа упала мне на руку. За ней оказался выдвижной ящик. Я достал его. Он оказался пуст, если не считать хлопьев черной краски.

— Что ты ожидал найти? — спросил Джесс.

— Сам не знаю.

Я дунул в пустой ящик, и хлопья взвились мне в лицо. Я уже хотел отбросить ящик, но тут мой взгляд уцепился за дно. Краска там была сухая и шелушилась.

— В чем дело? — спросил Джесс, пристально глядя на меня.

— Он не был покрашен изнутри, — вспомнил я. — Это черный углеродный сплав...

Ногтем я соскреб краску и увидел нацарапанные слова: «В ОПЕЧАТАННОМ КРЫЛЕ».

6

...Фрейзер взирал на меня, словно на собаку, которую переехал автомобиль. За спиной у него стояли Гатли, Смит, Джейкобс и еще пара из техобслуживания.

— Исполняйте приказ, черт подери! — кричал я, а в висках кувалдами стучала кровь. — Я же велел закрыть эту часть. Бог свидетель, я не шутил!

— Мы все знаем, что ты чувствуешь, Стив, — сказал Фрейзер. — Но это лишено смысла...

Мимо него протиснулся Хобарт, и я увидел его жирную морду.

— Послушай, Дрейвек, мы вбухали в этот проект такие деньги...

Я замахнулся на него, но руку перехватили. Тогда я сломал ему ногу, и все они кучкой прижались к стене – все, кроме Фрейзера. Ему одному хватало духа спорить со мной. Рот у него был в крови. На полу лежал и стонал механик Браун.

– Он спятил! – визжал Хобарт.

Фрейзер смотрел мне в глаза и говорил:

– Хорошо, Стив, если ты этого хочешь...

– Ты понимаешь, что это значит? – Казалось, прошло много времени, но Джесс по-прежнему стоял подле меня с фонариком, а я все так же смотрел внутрь ящика. Наконец, я отбросил его, слой пыли приглушил звук падения.

– Да, – сказал я. – Понимаю.

Я вернулся в помещение, из которого мы вошли в кабинет. Ребристый потолок покрывал гобелен грязной паутины, стены, некогда желто-коричневые, теперь были зелено-ваточерными. Зато теперь я знал, где копать. В нише в дальнем конце комнаты была дверь – рядом с ржавой трубой, торчащей из сгнившего бачка для охлаждения воды. Дверь со скрипом отворилась, и Джесс посветил внутрь: кругом пыль и груды бесформенного мусора – остатки бывшей мебели, столов и стульев.

– Приемная, – сказал я. – А там – рецепция.

Я миновал кучу проржавевшего металла, прошел по коридору, поднимая клубы пыли, потом через двойные двери, от одного толчка слетевшие с петель, спустился по ступеням и остановился у двойных металлических дверей, ржавых и распахнутых.

Я чувствовал, наверное, то же, что и Питри¹, когда тот

¹ Уильям Питри (1853–1942) – британский археолог-египтолог, профессор Лондонского университета.

читал письма в гробнице Тутанхамона. Сердце билось тяжело и медленно, будто отстукивая похоронный марш. Я не желал видеть то, что находилось за этими дверьми. Тут подошел Джесс и посветил внутрь фонариком. На пол просторной комнаты с высоким потолком легли длинные тени. Вдоль одной стены лежали трубы и разобранные леса. У противоположной стены громоздилось что-то вроде пробитого танкера: каркас в листах облицовочной стали. Пыли тут тоже было много, а в воздухе витал запах гнили.

Джесс повел лучом фонарика по стене напротив, мазнул им по боку цистерны, выхватил из тьмы систему труб и силовых трансформаторов, смонтированных, словно стропила, под черным потолком.

— Для чего все это? — спросил Джесс. — Чем вы тут занимались?

— Обработывали и упаковывали пищевые продукты. Этот бак — элемент нашей новой технологии.

-- Почему его не закончили?

— Не помню.

Джесс еще немного поводил лучом по комнате. По пыльному полу к дальней стене вела цепочка следов. Они огибали бухту толстого кабеля в растрескавшейся оплетке и исчезали во тьме. Лицо у меня стало липким, в ладонях покалывало. В тени меня ждало что-то, и в животе у меня холодным свинцом разлился страх.

Я шагнул вперед, Джесс последовал за мной, освещая дорогу. По ту сторону недособранной цистерны открылся цех с высоким потолком, окруженный по периметру галереей. Я поднялся на мостки, прошел мимо открытых загрузочных ячеек, в которых под слоем пыли поблескивали лотки из нержавеющей стали. Вонь стала крепче.

Мостки свернули в последнюю ячейку. Я заглянул внутрь, поднырнув под низкий колпак, не разгибаясь,

посмотрел в обрамленный каркасом проем на месте поваленной стены. В свете фонарика механизмы в помещении отбрасывали сложное переплетение теней. От этой махины тянулись трубки, кабели и провода к трехметровому баку, похожему на железное легкое. В приоткрытый люк бака я увидел то, от чего мои внутренности сжались, словно их стиснули когти огромной птицы. Я распахнул крышку. На меня смотрело лицо: бурое, сухое, словно вырезанное из дерева. С головы свисали спутанные волосы песочного оттенка, за иссохшими губами поблескивали зубы. От плоти осталась только натянутая на кости пурпурно-коричневая кожа. Я насчитал два десятка небольших ран.

— Это капсула жизнеобеспечения, — сказал Джесс. — Ее взломали. Видишь оборванные провода?

— Совсем мальчишка, — сказал я. — Лет шестнадцать, не больше. Волосы длинные, на щеках ни щетины.

— В стерильной атмосфере получилась идеальная мумия.

— Тот, кто отправил нас сюда, хотел показать не только это, — сказал я. — Должно быть еще что-то. Помогите-ка.

Я ухватил мумию за правую руку — жесткую и сухую, как прошлогодняя кукурузная шелуха и приподнял; весила она примерно столько же. Под трупом ничего не оказалось, только черное пятно.

Джесс посветил фонариком внутрь капсулы, и я увидел мешанину трубок и проводов. Мертвец лежал на спине, чуть приподняв одну ногу, вытянув руки по швам и сжав кулаки. Один кулак немного отличался от другого.

— У него что-то в руке, — сказал я.

Стал разжимать палец, и тот отломился. В кулаке мертвец сжимал небольшой металлический цилиндр с завинчивающимся колпачком. В цилиндре оказалось несколько тугих бумажных рулончиков.

Оказалось, газетные вырезки. Я разгладил одну.

Полиция продолжает расследование загадочного происшествия. Вчера ночью в одной из гостиниц обнаружено тело неизвестного. Газовый пистолет в руке погибшего свидетельствует о самоубийстве, но небольшая рана на нёбе указывает на возможность инсценировки. Жертве около сорока лет. Мужчина одет в форму майора полиции ООН. В штаб-квартире ООН от комментариев воздержались.

Следующая заметка оказалась пространнее: две длинные колонки, набранные знакомым неудобочитаемым шрифтом. Заголовок гласил: «Мужчина застрелен среди белого дня». В статье описывался инцидент, когда – за день до выхода номера газеты – у отеля «Уолдорф» остановился «ягуар-моно», и с его заднего сиденья выпустили целую обойму в человека в коричневом пальто, который в этот момент проходил через вращающиеся двери. Рикошетом ранило работника гостиницы. Следствие не сумело установить личность погибшего. Машина с убийцей скрылась с места преступления. У полиции в распоряжении оказалось несколько улик, и они рассчитывают раскрыть дело.

Я передал вырезку Джессу, и тут на пол упала еще одна. Подобрал и развернув ее, я уставился на собственное фото.

Сходство было почти полное, разве что волос было побольше. Но выглядело это естественно. И еще на правой скуле был незнакомый шрам. Да и взгляд показался мне чужим. Когда я прочитал название, меня как будто обдало струей ледяной воды из брандспойта: «Пассажиры не заметили труп».

В самой статье говорилось:

Младший комиссар Сил Гражданского Порядка Аркрайт сегодня заявил, что изучение архивов не дало результатов: опознать человека без визы, чье тело было

обнаружено вчера ночью в вагоне центральной ветки городского метро, так и не удалось. Пассажиры несколько часов не обращали внимания на труп, принимая его за спящего. Предполагается, что это преступник, разыскиваемый Силами Гражданского Порядка за нарушения Закона жизни. (см. статью на стр. 115)

— Это что? — спросил я. — Розыгрыш, прикол, ошибка?

Джесс в этот момент читал статью и не ответил. Тогда я снова присмотрелся к фото на вырезке. Несомненно, это был я, но что-то в собственной физиономии меня насторожило...

— Не подделка, — сказал я. — Это посмертное фото.

Джесс глянул на снимок.

— С чего ты взял?

— Усаживаешь труп, открываешь ему глаза и ставишь свет так, чтобы он отражался от роговицы, закатываешь язык во рту и причесываешь волосы. С виду вроде живой, если не знать, куда смотреть. Китаезы пользовались этим трюком, чтобы обманывать Красный крест, фотографировали так убитых военнопленных.

— Кошмар. И все же он был мертв, когда его нашли, так что простительно.

— Может, я туго соображаю... Там, откуда я родом, собственный некролог, как правило, не читают.

Джесс с горечью взглянул на меня.

— Говоришь так, будто это твое фото.

— Что значит «будто»? Дьявол! Уж себя-то я на фото узнаю.

— Да, сходство просто поразительное...

— Ха!

— Может, твой родственник? Возможно, это вендетта. Правда, довольно фантастичная, надо признать...

— Шикарное предположение, — перебил я. — Вот только я не помню, чтобы у меня был кровный враг. Впрочем, как и близнец.

— У тебя был дед.

— Говори яснее.

— Взгляни на дату в статье. Этой вырезке больше шестидесяти лет.

Лицо у меня превратилось в ледяную маску, но я все же выдавил улыбку.

— Это все проясняет. Я не свежий трупешник в прозекторской городского морга. Я — подопревший мертвяк, который вот уже добрую половину века кормит червей.

Джесс кивнул, словно все понял. А может, и правда понял. Я же завис между небом и землей, пытаюсь нащарить мысками почву.

В рулоне оказалась еще одна статья. Я развернул ее, приложил к стенке капсулы и разгладил. Джесс направил на нее фонарик.

Больше всего помогло наследие Третьего. Майор почти победил, но единственная ошибка — и его достали. Шансов у него было больше, чем у любого из нас: времени прошло не так много, и организация, которой он противостоял, еще не разрослась; ему и записи памяти достались качественнее. Третий готовился десять лет. Ему пришлось нелегко, но он сориентировался и продвинулся далеко. То, что он разузнал, привело меня сюда. Впрочем, главная заслуга — Фрейзера. Он единственный мог осуществить План. И с Третьим угадал.

Моя задумка может и не сработать, и тогда я кончу так же, как майор или этот безымянный парнишка. Впрочем, сделать это необходимо. Может, я впустую трачу время, строча эти письма ни о чем тому, кого ни-

когда не было и не будет. Но я ставлю на то, что я – не последний.

Ладно, ты прочел послание Третьего и добрался сюда, совсем как я, и отыскал ящик: он и тогда был пуст, но я увидел подсказку про опечатанное крыло. Это я закрасил надпись; краска дольше десяти лет не продержится, но этого хватит – если только Старик первым не найдет тебя. Правда, тут он сам себя перехитрил.

Может, старый черт знал себя лучше, чем думал. Рассказ о том, чтобы защитить тайну на случай пыток, притянут за уши. Знать он не мог. Хотя, может, предвидел, что однажды это случится. Но тогда если так, то зачем... [зачеркнуто] К дьяволу. Буду краток. Времени с избытком, я замел следы, они успели остыть. Возможно, он считает меня мертвым. Я постарался убедить его в этом. Уже пять лет как залег на дно. Однако пришла пора двигаться. Нельзя вечно ждать, ведь я нашел что искал.

Это место тебе знакомо, а может и нет. Системы стареют, в моих инструкциях есть пробелы. Третий предупреждал, что такое возможно. У него было все, вплоть до самого начала Плана. Помню испытания и старт проекта, но в душе никакого отклика, словно я слышал эту историю уже много раз. Или так было и прежде? Теперь, когда я все увидел, я потерял покой. У меня не было восьмидесяти лет, как у Старика, чтобы все забыть. Но я готов попытаться. Наверное, он поджидает меня, и мое тело прибудет к пляжу где-нибудь в тысяче километров отсюда, но попытаться надо, пока я не одряхлел совсем. Может, я и без того прождал слишком долго, но то была вынужденная передышка. Если провалюсь, Пятого, возможно, уже не будет.

Забавно, столько отступлений... Наверное, просто хочется поболтать с кем-нибудь, а доверять некому. Крепость «ВЕЧИНКОРП» с каждым днем становится все

неприступнее. Улицы кишат их полицией в черной форме. Только и разговоров, что о какой-то узаконенной эвтаназии, и всем заправляет «ВЕЧИНКОРП». Та еще контора! Наверное, мне стоит гордиться, а может, я и горжусь в некотором роде. Но я ее разрушу или погибну. Надеюсь, все получится. Шанс, возможно, последний. На случай, если что-то пойдет не так, оставляю это тебе. Если послание найдет кто-то другой, то это будет он, поэтому шифровать нет смысла. Ты поймешь, что с этим делать. А если нет, значит, забыл слишком много... или вовсе ничего не знаешь...

Для меня это чересчур сложно. В последнее время все происходит слишком быстро. Для нас это похоже на волшебство, а может, это и есть магия. Черная магия. Ведьмина. Я словно в сказке. И даже если принц из меня паршивый, попытаться я должен.

Забавно: прочтя это письмо, ты поймешь, что у меня ничего не вышло, однако вот тебе: МАСКИ-ЛЕЙК. Третья пятерка, четвертое. 247.

Мило, правда?

Теперь все зависит от тебя. Я оставлю это в месте, которое напомним тебе о том, во что Старик превратился. Что сделал с этим бедным мальчиком, оставленным здесь для нас. Отдаю это ему, чтобы он передал тебе.

Удачи.

7

— Это в Висконсине, километрах в трех от местечка под названием Оатави, — сказал я. — Озеро шириной с километр в высокогорной долине среди сосновых лесов. На карте оно обозначено как Оттер-Лейк, но я его запомнил как Маски-Лейк. Там у меня был первый улов.

Джесс уставился на меня непонимающим взглядом.

— Я поймал рыбу, крупную. Бойца. На десятифунтовую леску. Такое не забывается.

— Там непролазная чаща, полная изоляция от мира, — сказал Джесс. — Зачем кому-то посылать тебя туда?

— Это нам предстоит выяснить, — сказал я и остановился, прислушиваясь. Слева, от погрузочной платформы, доносился какой-то звук. Я схватил Джесса за плечо и едва успел сказать ему: «Гаси свет», как раздался грохот, и комнату затопило бело-голубое свечение, как в операционной. Через распахнутые двойные двери с погрузочной платформы к нам спешили люди в черном, рассредотачиваясь вдоль стен.

Мы замерли. Тень все еще скрывала нас, но быстро таяла по мере того, как в двери вкатывали установленный на тележке прожектор. Я пригнулся и нашарил на полу кусок стальной пластины с неровными краями размером с ладонь. От одной колонны в сторону галереи тянулась, расширяясь, очень удобная тень. Туда я метнул железку. Ударившись о мостки, она жутко загрохотала. Луч света прожектора метнулся в ту сторону, и мы побежали.

Джесс вырвался вперед. Домчавшись до кирпичной стены, вжался в нее, выхватил пистолет и начал стрелять. Я с разбега прыгнул в дверь, позади что-то взорвалось. Джесс влетел следом, ударился об меня, и мы оба рухнули на пол. Из раны на спине Джесса хлестала кровь; рана оказалась велика — не зажмешь. Тогда я просто перекинул его руку себе через шею и встал. Ноги Джесса волочились, как гнутые соломинки, зато в руке он сжимал нож.

— Брось меня... — Он втянул воздух, и в горле у него заклокотало. — У двери... прихвачу... первого... кто выйдет...

Я закинул его себе на плечи и побежал. Впереди было чистое пространство, примерно метров пятнадцать. Преодолев его, я оказался у двери в комнату рецепции. Когда я

ее распахнул, позади раздались выстрелы. Из косяка брызнула щепка. Единственным источником света — бледного, как сияние луны, — служили потолочные лампы. Комнату я преодолел в три прыжка, но споткнулся обо что-то, лежащее под слоем пыли, и упал. Меня придавило Джессом. Я снова подхватил его, пачкаясь в крови, стекающей по его левому боку. Где-то поблизости гулко топали черные. Я ухватил Джесса за пояс и забросил в кабинет позади себя, нырнул следом. Едва успел скрыться за порогом, как в комнату ворвалась охрана.

Секунду или две стояла тишина, как если бы кто-то выдернул чеку из гранаты. Затем по ту сторону двери раздался стрекот крупнокалиберного автомата, такого, что выплевывает пули, как брандспойт воду. Дверь у меня над головой разлетелась фонтаном щепок. Я прижался к полу и слушал, как подходит стрелок. Вот он распахнул то, что осталось от двери, и вошел с автоматом наперевес. Я схватил его за лодыжку. Черный рухнул на спину, прямо поперек Джесса, извиваясь, точно окунь с крючком в глазу. Я подхватил автомат еще в воздухе и развернулся к Джессу: улыбка на его лице таяла, черты застывали. Нож, омытый кровью черного, выпал из его руки в пыль.

Я попятился через приемную, стараясь смотреть сразу в обе стороны. Услышал тихий звук и обернулся — как раз вовремя. Снес автоматной очередью башку черному, только-только вошедшему из коридора. В проеме я дал еще одну очередь, потом припал к полу, и тут дверная коробка разлетелась в щепу. Я уже видел дверь, через которую мы с Джессом пришли всего с полчаса назад — приоткрытая, шагах в десяти дальше по коридору. Должно быть, в темноте черные проглядели ее. Если и выходить, то прямо сейчас, пока враги снова не набежали. Я вскочил на ноги, вылетел в коридор и успел дать короткую очередь, но тут

меня обезоружил выстрелами черный, что поджидал снаружи. Пули прибили меня к стенке. Я увидел кровь на рукаве. Попали в живот, это я понял: боли не ощущалось, только начал неметь левый бок. Я привалился к дверному косяку и следил, как черный приближается. Вот он повесил автомат на плечо и протянул ко мне руку; я схватил его за запястье, рванул, раскрутил и пережал горло предплечьем, сломав там все что можно. Отбросив труп, проковылял к открытой панели в стене, ввалился в проем и закрыл за собой панель. Несколько минут постоял, привалившись к стенке и отговаривая себя от того, чтобы улечься и немного передохнуть. Сквозь черноватую дымку и мельтешащие огоньки я смотрел, как по ноге, затянутой в штанину гидрокостюма, стекает кровь. Где-то рядом раздавался приглушенный шум, но меня он почему-то не волновал...

...в конце концов я оказался на полу. Через какое-то время вспомнил, что мне куда-то надо идти, что нельзя валяться, и встал на четвереньки. К левому боку словно подвесили наковальню на крюке. Я ощупал место, куда вонзился этот крюк, провозился пару минут и решил, что оно того не стоит. Попробовал идти, но наковальня не пускала – только крюк глубже вонзился, и я снова упал лицом вниз.

Ладно, Дрейвек, покажи им, из какого ты теста. Джесс вот себя проявил. Оказался полон сюрпризов. Черные скоро обнаружат эту потайную дверь – придут по моему кровавому следу. Жаль, облегчил работу этим жмуркиным котам – вроде так Джесс любил выражаться. Вот вам и коротышка. Знал, во что ввязывается. Хороший был пловец, Джесс. Лучше уж уйти, как он, чем тут в пыли. Хотя и от нее есть прок: она облепила раны, и потеря крови уменьшилась. Крови, влитой мне Джессом. Хорошая у него квартира и кровать там ничего. Вот бы сейчас туда...

У меня было четыре руки и четыре ноги... или по шесть

того и другого? Поди разберись, как ими пользоваться. Когда-то мне было интересно, почему лошади в ногах не путаются. Четыре руки и две ноги, а может, три. Все смешалось, перестало работать как положено. Ошибся, ударился мордой. Господи, а вот и боль пришла. Она поможет не вырубиться и соображать.левой, правой, шагнул, подтянул другую ногу, дальше...

8

Натужно гудел большой генератор, сыпали искры, Фрейзер что-то кричал. Мне, но я не мог разобрать слов. Я смотрел на пятисантиметровую полоску раскаленного металла, деталь будущего устройства на миллион долларов. Миллион? Черт, да через десять лет оно принесет все сто миллионов! Никто не мог сравниться с Фрейзером, когда дело касалось подбора кадров. У него был нюх на таланты. Он мог из толпы безбородых выпускников вычислить гения быстрее, чем я — ряженого в платье трансвестита. Новый процесс должен был поставить всю пищевую промышленность на уши. Единственным собственником будет «Драко инкорпорейтед»...

Фрейзер тянул меня за руку в другой конец зала. Входная дверь открыта — прямоугольник белого света на фоне темноты. Я успел заметить в проеме силуэты моих девочек, как дверь захлопнулась. Высокий стройный силуэт женщины, и рядом малыш. Они спускались в большой зал, и я помахал рукой и поспешил к ним, но тут наверху что-то случилось, зашипел фонтан искр, кто-то закричал. Красноватое сверкание большого сварочного факела погасло. Фрейзер замахал руками и помчался туда. Кто-то вопил: «...горячо! Брауни, убери эту плиту! Налти, вырубай! Полностью все вырубай!»

Я подошел к тому месту, где кусок плиты врезался в толстые провода – шагах в десяти от сварочного аппарата. Было много дыма, стояла вонь как от паленой пробки. Я уже придумал пару ласковых фраз, адресованных оплошавшему рабочему, но что-то заставило меня обернуться – и я увидел ее, в самой гуще дыма. Она что-то сжимала в руке... Я закричал и бросился к ней. Она обернулась и...

Я лежал на полу, лицом на холодном камне. Из горла вырывался клекот. Где-то подо мной вибрировал генератор. Подняв голову, я увидел открытый зев люка. Рядом лежал черный футляр с инструментами. Это Джесс оставил, когда отпер дверь. Значит, я в помещении техобслуживания, над большим сливом, а вибрируют и гудят на самом деле насосы уровнем ниже. Я не помнил, как дополз сюда.

Попытался сесть, но крюк, о котором я успел забыть, снова впился в бок. Я согнулся пополам и некоторое время катился на волне огня; потом ухватился за край люка и подтянулся. Огонь все еще горел, но я уже знал, как его погасить. Внизу, под водой, будет холодно и темно, и глубины хватит, чтобы потопить всю боль жизни.

Я уже высунулся из люка и видел блики на черной поверхности. Сказал себе: «Еще рывок, Дрейвек, и у тебя получится». Одна рука почти не работала, но кому нужны две руки? Я оттолкнулся здоровым коленом и наполовину свесился из люка. Потом вывалился из него и полетел в мягкую черноту...

Очнулся я от удара. Какое-то время – секунды, а может, и дольше – меня швыряло течением. Я обо что-то ударился, и боль пронзила тело от макушки до кончиков пальцев. Внезапно я четко осознал, что упал в сточные воды и меня несет мощным потоком. То и дело я стучался головой о стенки. Но вот слив расширился, и я вспомнил о створках

на выходе. Потянулся за спину и включил двигатели, направляя себя вверх по течению. С разбегу ударился о створки, задержался на них секунду-другую, выскользнул наружу и, бултыхаясь, поплыл по реке.

Холод проник сквозь костюм, и я ошупью нашел регулятор обогрева и поддал тепла – немного, потому что холод работал как анестетик, а это было кстати.

Река несла меня в одном ей известном направлении, а это значило, что даже в нынешний век усовершенствованных методов умножения человеческих страданий я плыву к морю. Я был матросом, но мне не улыбалась перспектива угодить в сундук Дейви Джонса. Я снова развернулся головой вверх по течению и, используя двигатели, прижался к правой стороне канала. Это оказалось непросто: одна нога, от бедра и ниже, отнялась, да и с левой рукой беда. Огонь в животе пока не сильно беспокоил. Еще успею намучаться с ним... если будет время.

Подгоняемый движками, я плыл вперед. Не прошло и минуты, как мне попалась скоба в стене – за нее-то я и ухватился. В распоряжении у меня оставалась одна здоровая нога и полторы руки – пальцы на левой не желали сгибаться. Ухватившись за скобу, расположенную выше, я подтянулся, поставил ногу на упор и поднялся. Так повторил несколько раз. Продолжалось это долго. Раза два или три я вообще забывал, что тут делаю, и начинал соскальзывать, но некий инстинкт, не дававший обезьянам падать с деревьев, заставлял руку снова хвататься за скобы.

Наконец хвататься стало не за что: ни скоб, ни стены, – вот ведь подстава. Я шарил рукой в воздухе довольно долго. Наконец удалось ногтями зацепиться за камень и перекинуть ноги через край. Это далось чуть проще, чем поднять зубами пианино, и я перевалился через парапет. Так я оказался там, куда стремился: на спине посреди пустой улицы.

Четыре пули в теле и погоня на хвосте. Оставалось конца дожидаться.

Я отполз к ближайшей стене и привалился к ней, пытаюсь оценить свое состояние. Рука отказала, похоже, из-за раны чуть ниже локтя — я мог просунуть в нее кончик мизинца. С ногой было сложнее: бедро раздроблено, однако снаружи ран не видно, даже костюм не поврежден. Значит, пуля попала в живот и уже изнутри задела тазовую кость.

Это подводило меня к главному. Я просунул руку под костюм, нащупал именно то, что ожидал найти, и тут же отрубился.

Очнулся я, лежа на боку и целуя холодную мостовую. Чуть дальше по улице кто-то нырнул в тень. Я подумал достать небольшое устройство, которое Джесс отреккомендовал как надежное орудие ближнего боя, но пока ничего не происходило. Я вжался в камень и следил за окружающим одним глазом, чуть выше уровня земли.

Неизвестный, который нырнул в тень, черную и непроницаемую, снова вышел на свет, теперь ближе ко мне, пронесся по улице в мою сторону, остановился и, прежде чем взглянуть на меня, огляделся. Минка, женщина с синими волосами. Я уже открыл рот, готовый выдать дежурное бодренькое приветствие, но тут лицо Минки разбухло и стало расплываться, занимая собой все вокруг и закрывая свет. Я сдался, позволив темноте окутать меня.

9

Я слышал голоса:

— ...этот тип — оборотень-черный! А значит — срочный груз!

— Не спеша, тушка-то первосортная. Это тебе не донник. Его только подлатать, и мясник из непривередливых отва-

лит приличную деньгу...

– Потроха ему знатно покровсало, Твое Темнейшество. Не стоит он затрат на восстановление...

– А я говорю, латай его! Как раньше говорили, кот в мешке. Продадим по-быстрому, никто и не поймет.

– Не, разберем. Одно только сердце...

– У тебя что, нюх совсем пропал? На шкуру его взгляни! Белая и гладкая, как попка у модельки. – Плотоядный смешок. – Знаю не понаслышке... – Смешок стих, его сменила тревожная нотка: – Ба! А гражданская-то метка где? Гм-м-м... Должна быть татушка, без нее никак. Должна быть. У него...

– Хватит болтать! От разговоров одни беды. Режь аккуратно, и цена будет хорошая. Не жадничай, вот в чем секрет. Не жадничай и не трепись. Это не опустившийся холеный блатень. Этот жмуркин кот принесет нам удачу. Говорю тебе: режь его, только аккуратно!

– Жалко, цельная тушка... не то что обычно приносят. Хотя ты прав. Ладно, Дока. Руки, ноги, кишки, ну и, само собой, эпидермис. Только режь аккуратно, без следов...

Потом вмешался третий голос. Знакомый.

– ...тронет его этот мелкий поганый резчик!

– Дорогая, ты принижаешь достоинство Доки! Он лучший в своем деле, обучался, на минуточку, в «ВЕЧИНКОР-Пе»! И если бы не легкая несдержанность в том, что касается определенных неформальных моментов...

– Где Джесс?

– Кто его знает? Мы нашли только этого... Вернее то, что от него осталось.

– Он что-нибудь сказал?

– Дорогуша, он всецело занят выживанием.

– Помогите ему! Сами знаете, деньги – не вопрос.

– Оплата твердой валютой?

– Просто вылечи его!

– Ах, Минки, душка, я ведь человек добрый, но ты так скупа на любовь ко мне. Вот думаю, а стоит ли... – Сопение. – Ну ладно, Минки, сладкая. К тому же дядюшку Абдуллу ты обслужила на редкость качественно...

– Сделай с ним что-нибудь! Смотри, он же кровью истекает!

– Терпение, сладкая. Эта тушка в плачевном состоянии. Требуются дорогие внутренности. Печень ни к черту... пахнет, одним словом. Еще бы, две пули! Где мне сейчас искать здоровую печень? Они на деревьях не растут...

– К счастью для тебя, они растут на людях. А у тебя этого добра навалом.

– Мне что, ради этого чужака кого-то из своих порешить?

– Нет. Ради своей сальной шкуры!

– Хм-м-м... Честно и прямо. Так уж получилось, что у меня есть свежая печенка, только что вырезали. Она чуть великовата для продажи, а вот этот здоровяк точно не будет возражать.

– Дай ему все что нужно. Просто вылечи его. Мне плевать, как ты это сделаешь!

Они еще долго препирались, но я перестал их слушать – боль растекалась во мне, как расплавленная медь в литейной форме. Потом донеслись тихие, плаксивые звуки, я не сразу сообразил, что они вылетают из моей глотки. Я постарался сдержать их, но не смог. И вскоре стонал в полный голос.

Кто-то дергал меня за руку, кто-то резал ногу. Впрочем, меня это не волновало. Мысленно я унесся прочь, в радужную даль, плыл на мягком облаке, почему-то утыканном иголками – всякий раз, когда я пробовал пошевелиться, они кололись. Ко мне подступились с ножом для свежевания,

разделали на дольки и разложили на солнышке просушиться. Потом кто-то другой собрал их вместе и начал сшивать, ругаясь, как сапожник. Меня и это не сильно взволновало.

Через некоторое время голоса зазвучали громче, настойчивей. Я открыл рот, желая послать всех на хер, но в лицо ударил запах всех больничных коридоров, в каких мне довелось побывать, и я поперхнулся. А облако подо мной истаяло легкой дымкой. Дымка окутала меня, отрезала от света и звуков, и я, вращаясь, полетел в темное ничто.

10

Очнулся я в кровати, лежа, как трупешник, выставленный напоказ в витрине похоронного бюро. Комната была освещена, как сцена соблазнения из «Дона Жуана». На окнах во всю стену – тюль в цветочек и бледно-желтые бархатные шторы, на полу – мандариновый ковер, на стенах – парочка небольших картин: завихрения розового, оранжевого и жженой умбры. Еще тут была какая-то легкая мебель – казалось, нажми кнопочку, и она сложится.

В одном из кресел сидела Минка. Без рисунков на лице, синей краски в волосах и платья из ленточек она выглядела лучше. Сейчас на ней был наряд вроде тоги из пленчатой ткани, который подчеркивал ее фигуру даже лучше, чем струи воды в душе. Волосы были светло-каштановые, а губы без помады казались свежее и мягче. Я хотел поздороваться, но только запыхтел. Минка подняла взгляд.

– Как ты? – спросила она нежно, будто по себе знала, какво мне пришлось.

– Вот, отдыхаю с комфортом, – прошипел я.

Минка подошла к кровати.

– Что с Джессом? – спросила она.

– Погиб.

– Я так и знала. Хотя, говорят, один, наштигованный свинцом, ты бы так далеко не ушел...

Мне вдруг в голову пришла мысль, и я, не без усилий, ощупал ногу. На месте.

– С тобой все хорошо, – сказала Минка. – Этот крысоглазый карлик – просто волшебник.

– Кажется, я слышал разговор про замену внутренностей.

– Тебе пересадили печень, нервные волокна и бедренную артерию – ее просто разворотило. Повезло, что все оказалось под рукой. За пару часов до того, как тебя нашли, убили одного громила.

Это я комментировать не стал. Потом Минка ушла, и я снова вздремнул. Проснулся голодный, и она накормила меня супом. Поев, я присмотрелся к лицу девушки. Юная, а вся в заботах.

Она засуетилась: взбила мне подушки, настроила свет. Потом закурила и спросила:

– Зачем ты пошел на это?

– Искал нужные сведения. Думал, найду там.

– И как, нашел?

– Не уверен.

– Джесс думал, ты знаешь что-то важное... кое для кого.

– Ошибался.

– Кто ты? Откуда прибыл? – спрашивала она неохотно, да и ответа, похоже, знать не хотела.

– Звучит, как бред, но я и в этом не уверен.

– У тебя... амнезия?

– Возможно. Я помню свое имя и могу зашнуровать ботинки. Зато в остальном...

– Джесс нашел тебя в парке. Сказал, ты сцепился с бандой потрошителей и убил их голыми руками.

– С этого и начинается моя память. Что было до того –

полный туман. Я-то думал, что у меня есть зацепки, но, судя по всему, я живу двумя жизнями.

— Ты странный. Говоришь странно — я имею в виду не только акцент. Шутишь про смерть и страдания.

— Я надеялся, что это ты меня просветишь.

— В каком смысле?

— Насчет любопытных деталей: с чего Джесс взял, будто меня стоит тащить к себе домой, и почему за мной гонятся копы?

— Мне известно лишь то, что он рассказал. В остальном я знаю не больше твоего.

— Но ты ведь должна догадываться. Серьезную цену за меня заплатила.

Она взглянула на меня и вздрогнула всем телом, словно крыса, которую мотает в пасти пес.

— Прости, — сказал я. — Мы оба скрытничаем, спорим, пытаюсь предугадать следующий ход. Может, карты на стол?

— Я уже сказала все что знаю. — Она смотрела мимо меня в пустоту. Лицо ее окаменело.

— Хорошо, — сказал я. — Тогда мне, пожалуй, лучше поспать. Обидно будет, если такая мастерская работа поползет по швам.

11

Следующие несколько дней я спал очень много. То ли Минка что-то подсыпала мне в супчик, то ли матушка-природа брала свое. В XXII веке меня мало что удивляло, но их медицина — да: она обставляла ту, что я знал. Примерно как «Боинг-747» — собачью упряжку.

Минка почти не оставляла меня одного, работая за сиделку. Она действовала эффективно, но предпочитала молчать.

Я провалился в кровати несколько дней, наблюдая через балконную дверь, как мимо проплывают облака, и стараясь ни о чем не думать. А потом, в один прекрасный вечер, резко захотелось встать, глотнуть свежего воздуха.

Я перекинул ногу через край кровати. Вроде все хорошо. Тогда я встал на обе ноги и направился к колоннам. Миновал уже полпути, когда в комнату вошла Минка.

— Куда это ты собрался? — Она быстро подошла ко мне, обняла рукой и помогла выпрямиться. — Убиться захотел?

Ее мягкая, теплая рука легла мне на голую спину. Тогда я сам обнял ее и притянул к себе.

— С ума сошел?.. — прошептала она, однако отстраняться не стала.

Я вдохнул легкий аромат ее духов, мои руки скользнули ей на талию и дальше вниз, по очаровательным изгибам бедер. Наряд из тонкой бумаги полетел в угол. Ее руки оплелись вокруг моей шеи, она прижалась ко мне всем телом: кожа — как нежнейший шелк, губы — как летняя ночь.

— О, Стив, — прошептала она мне на ухо. — О, Стив...

12

— Ты странный и дикий, — сказала Минка. Она лежала на боку в кровати и смотрела на меня. Лунный свет с террасы отражался в ее глазах и выбеливал пряди. — Я такого мужчины еще не знала.

— Нет, ты меня не знаешь. Я и сам себя не знаю.

— Я забрала тебя, чтобы кое-что узнать. Но теперь мне это не нужно.

— Мне надо уйти, Минка. Сама понимаешь.

— Останься, Стив. Тебе здесь ничто не угрожает, а там тебя убьют.

— Там мои ответы.

– Джесс их искал и погиб. Почему бы просто не забыть обо всем?..

– Мне надо кое-куда наведаться и кое-что сделать.

– Это важнее того, что у нас с тобой?

В бледном свете ее тело лоснилось, словно вырезанное из слоновой кости.

– Ты женщина, о которой можно только мечтать, – сказал я. – Но не могу я бросить свое дело.

– Почему? Те не сможешь изменить мир, как того хотел Джесс. Ты не сможешь, Стив. Никто не сможет. Мы сами его таким сделали. Безопасным и уютным. У всех есть еда, развлечения и долгая жизнь – у всех, кто не мутит воду. Ты был на дне, видел, как там живет. Неужели хочешь вернуться?

– Да не собираюсь я спасти мир. Но и дело на полпути бросать не привык.

– Они потеряли твой след, они тебя не найдут! Я могу справиться тебе новый ярлык, социальную метку... да что угодно...

Я покачал головой.

– Ну зачем это тебе? – не выдержала она. – Какие сведения стоят такого риска?

– Я должен постараться ради друга. Он на меня рассчитывает.

Она как-то нехорошо рассмеялась:

– Смотрю, ты не из тех, кто друзей подводит.

13

Я ушел на следующий день: напичканный под завязку советами, как себя вести, и вооруженный крохотным карманным пистолетом. Чувствовал себя непозволительно пре-
красно; новые органы за две недели полностью прижились.

Лифт ухнул вниз так резко, что к первому этажу мой желудок уже просился погулять. Наконец дверь кабины открылась, и я оказался на мостовой между улицей и дорогой. Через высокую прозрачную крышу лился бледный холодный свет, похожий на зимний. Мимо спешили прохожие. Их мрачные лица меня не удивили, а вот наряды напомнили костюмы с какого-то маскарада.

Мимо протиснулся, работая локтями, усталый паренек в дутых шароварах пестрой расцветки. Другой, в подобии никербокеров и куртке с мешковатыми рукавами, оттолкнул с дороги женщину в розовом боа из перьев. Та «передала эстафету» мальчишке в облегающем комбинезоне с кружевными манжетами. На меня никто даже не взглянул. Мне даже показалось, что я вернулся домой.

Я вышел на тротуар и смешался с толпой: мужчины в плащах и шляпах-треуголках, женщины в нарядах из перьев со стоячими кружевными воротниками, раздетые до пояса дамочки в раскраске а-ля шлагбаум. Были даже завернутые в старые простыни. Выглядели они, как пережившие трехдневный бал-маскарад.

Стены покрывали знаки кричаще-розового, электрически-голубого и мертвенно-воскового цветов. Заметив тот, что сообщал «ВЫПИВКА», я сунулся было в открытый проход... но тут же долбанулся клювом в стеклянную стену. Послышалось жужжание, и вот я уже валяюсь на мостовой. Ладно, к черту. Не больно-то и хотелось.

Впереди над тротуаром нависал огромный телеэкран: по нему мелькали картинки и надписи. Я с минуту взирал, как над субтитрами мельтешат странные лица, дымовые трубы, пустынные пейзажи и взрывы – все это создавало некую выпаренную прозу газетных заголовков.

Немного дальше я набрел на то, что советовала искать Минка: широкая матовая витрина, глухие двери, загадоч-

ные надписи-акронимы.

Войдя, я оказался в узком желобе вроде того, по которому выводят быков, и уперся в турникет. Сбоку виднелся слот для монетки размером с серебряный доллар, но монеты у меня не было. Я навалился на турникет – тот не поддался. Как назло, рядом ни души, у кого можно спросить совета, а более того я не в настроении привлекать к себе внимание. Тогда я надавил на турникет ногой. Внутри что-то тихонько тренькнуло, и он провернулся.

Шагов через десять коридор сделал поворот под прямым углом, и я уткнулся в экран, по которому мельтешили крохотные белые огоньки. Рядом было много кнопок. Я нажал парочку, как учила Минка, и произнес:

– Иду в Вест-Бор.

Экран мигнул красным, белым и погас. Неодушевленные предметы здесь явно учтивости не обучены. Я открыл было рот, чтобы повторить запрос, на этот раз громче, но тут что-то щелкнуло у меня за спиной. Я вихрем развернулся – из двери ко мне выходила девушка. У нее были строгие, но приятные черты лица и никакого макияжа, разве что зеленая мушка на правой щеке и тускло-серебряная помада. Под серым комбинезоном угадывалась привлекательная фигура.

– Пассажирам запрещено... – начала она.

– Не сомневаюсь, лапуля, – перебил я. – Я задал вопрос, и мне дали мудреный ответ. Может, от тебя пользы будет больше?

Выражение лица у нее слегка смягчилось, но я видел, что ее задиристость никуда не делась и сразу же вернется, едва девушка сообразит что к чему.

– Отслеживающий монитор считывает универсальную метку, – тоном на парочку оттенков доброжелательнее пояснила она.

Так вот почему турникет тренькал!

— Точно. — Я красноречиво посмотрел на нее. — Сечешь, что это значит.

Она отвела взгляд.

— Вы из Комиссии? — Она пыталась говорить бодро, но в ее голосе я уловил дрожь.

— А иначе бы пришел я сюда?

— Можно взглянуть на ваше удостоверение? Для протокола?

— Пренебрежем протоколом, мисс... как вас там?

— Герда. И. Л. Герда, девяносто три, Второй временный.

— Хорошо, Герда, не будем тратить время попусту.

— Я хотела бы взглянуть на ваше удостоверение...

— Я тут инкогнито. Неофициально. А иначе зачем мне ты, Герда?

Я подсластил пилюлю такой улыбкой, какой явно жаждала ее механическая душа. Герда напрягла пару мимических мышц и сказала:

— Прошу сюда...

Мило покачивая бедрами, она повела меня по коридору к железным воротам. Примерно тогда же я услышал звонок.

— В чем дело, Герда, это ловушка?

Я схватил ее за руку. Она попыталась пнуть меня. Видок у нее стал такой, будто она хочет меня укусить.

— Ты вошел по поддельной метке, — взвизгнула она. — Не пытайся бежать!

Я оттолкнул ее с дороги. Она попыталась выцарапать мне глаза, но я залепил ей увесистую пощечину, так что из носа брызнула кровь. Что-то лязгнуло о ворота, и зажегся красный свет. Где-то рядом новь прозвенел звонок.

— Не смей убегать! — завопила Герда. — Ты арестован за уголовное преступление!

– Прости, так уж вышло. Но я опаздываю на свидание в пинг-понг клубе. Лучше открой по-хорошему, Герда.

Она смотрела на меня ненавидящим взглядом, но все же нажала кнопку, и ворота открылись. Позади раздался какой-то звук. Девушка обернулась и тут же бросилась на пол. Раздался свист, и по щеке меня чиркнуло комариное крылышко – из стены брызнула каменная крошка. Метрах в двадцати позади меня в дверь ворвались двое в черном. Я вылетел в ворота – в тот же миг о них лязгнула очередная пуля, – запер их и побежал сломя голову.

14

Через полтора часа беготни я смешался с толпой; люди выглядели так, как выглядят туристы с тех самых времен, когда стало принято покидать дом. Я заметил группу парней в темной форме: они рассредоточились по улице, следя за народом. Правда, форма была не черная, а серая, и на карманах у них светились значки «ТРИСПРТИ КИТРИ». Зато парни были при оружии.

Справа тянулись ограждения. За ними на мостовой расположился ряд торпед, освещенных, как рождественские ели. Между ними сновали маленькие машинки вроде карусельных «врезалок» для перевозки пассажиров.

Я прошел вдоль ограждения до эскалатора и спустился на нем. Внизу двое в сером проверяли прохожих. Две пары глаз впились мне в спину. Я ощущал их взгляды, пока шел по площадке, но накручивал я себя зря – мне дали уйти.

Я пересек просторный остекленный зал, забитый народом. Здесь было шумно, всюду мерцали огни. Спустившись по пандусу, я вышел под открытое небо. Здесь было малолюдно, огни города остались позади.

От указателей толку было немного. Слева, за полудюжиной конструкций, напоминающих американские горки, по рельсам просвистело двухколесное транспортное средство с низкой посадкой и, грохоча, остановилось. Люк откинулся, внутрь вошли толстяк и худая дама. Люк захлопнулся, транспорт умчался, а его место занял другой.

От машин меня отделяла низкая загородка. Перемахнув через нее, я двинулся вдоль тонкой металлической полосы – такую заденешь, и током треснет. Подошел к машине и уже положил руку на дверцу, когда за спиной хладнокровно произнесли:

– А ну стой.

Я спокойно обернулся. Ко мне неспешно, даже расслабленно, приближались двое в сером. Один сказал:

– Транспортный контроль.

Второй добавил:

– Отойди вон туда.

Похоже, слов вежливости они не знали.

Я обошел машину и встал в указанном месте. Контролер, что был слева, обогнул машину, и меня зажали в тиски. Второй контролер стоял в полуметре от меня. Я врезал ему в живот, схватил за грудки и развернул. Второй кинулся к нам, потянулся к бедру. Я бросил в него его напарника и ударил в горло. Не мешкая, впрыгнул в машину, саданул по большой красной кнопке, и был таков. Машина с воем помчалась прочь.

Первый час напряжение не покидало меня; я прислушивался, не воют ли позади сирены или то, что пришло им на замену в этом мире улучшенного образца. Но потом в голову пришла мысль, которая меня взбодрила: это же автоматизированное шоссе. Машины по нему движутся на автотопилоте, и копы засекают любой транспорт – если, конеч-

но, им не управляют вручную, как я сейчас. А пока я держусь трафика, фиг меня разглядят... По крайней мере, мне так хотелось думать.

Пять часов я ехал со скоростью триста километров в час. Остановился примерно в ста пятидесяти километрах к северо-западу от Чаго. На экране карты, встроенной в приборную панель, этот пункт обозначался большой светящейся точкой. Я съехал на придорожную площадку, отмеченную большими светящимися стрелками.

В левый рукав куртки Минка вшила пластиковую кнопку – она обманывала сканеры. Я выдрал ее и бросил на пол салона, затем перевел машину в режим автопилота и выскочил наружу. Машина, точно конь на родео, отпрыгнула от ограды и, встав на вделанный в дорогу рельс, помчала в сторону главной полосы. Порожняком она быстро набрала скорость, с воем преодолела подъем. Регулятор скорости я в ней выставил на максимум.

А я перебрался через оградку, нашел, за что ухватиться на краю обрыва, потом нащупал упор для ног и начал спуск.

Через час после восхода солнца я уже удалился от шоссе километров на восемь. Я пробирался по болотистой местности к возвышенности на северо-западе. Годы сильно изменили некогда сельскохозяйственный округ и ухоженные леса, в которых я когда-то охотился. Теперь тут царила первобытная чаща: дубы, вязы, клены и какой-то вид дерева, которого я прежде не видел – конусовидный ствол, гладкая кора, хвоя. Видать, выросло из соленого орешка, брошенного туристом у обочины. Температура воздуха была обманчиво теплой, хотя время года стояло позднее: листья побурели, пахло осенью.

Этот участок пути дался мне легко; я шел, ориентируясь по солнцу и стараясь держаться подальше от немногочис-

ленных дорог. Судя по всему, национальная страсть к семейным путешествиям в доме на колесах наконец себя изжила. Люди теперь либо сидели в своих ульях, поближе к кнопкам – жми и будет тебе счастье, – либо путешествовали по воздуху или на трансконтинентальном метро. Я несколько раз видел в небе инверсионный след самолета, а один раз где-то в километре от меня низко пролетел вертолет. Что бы там ребята ни использовали для поиска беглецов, у них не было ничего, чтобы отловить человека без маячка за ухом. На мне не было метки, и я оставался для них невидим, как какой-нибудь индеец для генерала Брэджока¹.

Где-то в полдень я пересек полосу разбитого бетона. Возле нее лежал упавший ржавый знак, на котором можно было различить «США 30 А». Если я верно запомнил карту, то сейчас я был где-то к востоку от Рокфорда. Натер мозоли везде, где только можно, но в целом держался молодцом. Немного беспокоила нога, однако Минка заверила, что бедренный сустав у меня теперь из титанового сплава и не требует замены смазки – лучший, какой можно купить. Эта мысль утешала.

Ближе к вечеру в сторону севера пролетела пара вертолетов, довольно близко от меня. Похоже, сообразили, где искать, и я забеспокоился; хотя, возможно, это было совпадение. Покружив в небе, вертолеты наконец полетели на восток, и я снова оказался наедине с собой.

Перед самым закатом вышел на прогалину, покрытую бетонными фундаментами и обвалившимися печными трубами; кое-где сохранились еще и стены, почерневшие после пожара. На обломке карниза того, что осталось от лучшего

¹Эдвард Брэджок (1695–1755) – британский военный, командовал войсками Великобритании в начале Семилетней войны на территории Северной Америки.

в городке здания, я прочел: «Национальный банк Бродхэда». Значит, я уже пересек границу Висконсина, и до нужного места оставалось пройти километров пятьдесят.

Ночь я провел на задней веранде кирпичного домика на северной оконечности городка. Не то чтобы там было удобнее, чем в лесу, просто к тому времени я, наверное, стал тяготиться своим одиночеством, а этот город, пусть и в руинах, показался мне чем-то знакомым.

Путь я продолжил еще до рассвета. Наткнулся на небольшой ручей и пошел вдоль него. Ближе к полудню в небе показался самолет, компактный, с вертикальными реактивными движками. Он заложил широкую дугу – листья в верхушках деревьев даже свернулись. Он пролетел в полукилометре к северу от меня, достаточно медленно, чтобы я застыл под деревом, притворяясь частью местного ландшафта. Потом, спустя несколько минут, мне попала еще одна дорога, и путь пошел в гору. Дальше я двигался вдоль впадины, зажатой между лесистыми кряжами.

В следующий час я успел трижды плюхнуться в грязь, когда низко надо мной пролетал небольшой одноместный самолетик. Судя по всему, черные постепенно сужали круг поисков. Как они меня засекли, я не знал. Но пока за мной не ломились через подлесок поисковые отряды с собаками, повода для паники не было. Я шел дальше, стараясь обходить открытые участки. Однако ощущение, что меня берут в кольцо, не исчезало.

К полудню я перевалил через три кряжа и спустился в очень знакомую долину: она почти не изменилась, разве что деревья разрослись за сто лет, прошедшие после моего последнего визита. Правда, я не мог сказать точно, когда я тут был в последний раз.

Я спустился к гравийной полосе, которая некогда служила дорогой, подумал, свернул налево и через десять

минут увидел поворот на Маски-Лейк.

Дальше все пошло не так гладко. Уже начали сгущаться сумерки, на возвышенности стало холодать. Идти было трудно из-за скользящего сланца, а света как назло не хватало. До вершины кряжа я добирался час. Растительность тут была густая. Начал спускаться по другому склону – туда, где дорога пронзала кряж, и увидел пробивающийся сквозь деревья свет. Похоже, Маски-Лейк больше не дикая глушь, как в былые дни.

Затаившись, я решил оглядеться: насчитал восемь огоньков, расположенных через равные интервалы. Я все еще любовался видом, когда над головой промчалось нечто огромное и темное, сверкающее множеством синих и красных огней, и скрылось за гребнем. Похоже, место, куда я направлялся, было довольно оживленным и сообщалось с цивилизацией по воздуху. И, судя по тому, что я успел заметить, там засели там военные.

На пути у меня лежала густая черная тень – та самая канва, которую я некогда переходил по сосновому бревну. Теперь бревна не было; пришлось спуститься на дно и продираться через густые заросли ежевики; на той стороне меня ждал очередной гребень, а вот за ним – пункт назначения. Через пять минут я выглянул в просвет между камнями и наконец увидел прекраснейшее место с озером посередине, словно звездный сапфир на зеленом бархате.

Однако все изменилось. В сгущающихся сумерках я видел, что лес в одном месте вырубил, и за участком голой земли расположился комплекс зданий. И все это было освещено, словно тюремный двор в ночь повешения.

Стемнело, луны на небе пока не было. Надо мной пролетело еще два вертолета и крупный самолет вертикального взлета, который с шумом приземлился в паре километров от меня, по ту сторону долины.

Спустя час я уже был на восточной стороне долины, смотрел на высокое здание со множеством подсвеченных окон, обнесенное оградой. Оно стояло посреди девственного леса. Кто-то сильно потрудились, обнося забором чащу, ничем не отличавшуюся от той, по которой я тащился сюда день и две ночи. Возможно, этот участок леса превратили в частный курорт для больших шишек. Крупное здание – это шикарный отель, а бревенчатые домики на другой стороне – дома для obsługi. И самолеты с вертолетами вовсе не меня ищут, они привозят богатеньких туристов, чтобы те насладились уикендом в сельской местности, огороженной от смердов стеной.

Догадка мне понравилась, но головы я постарался не терять.

Полчаса ушло на то, чтобы отыскать в темноте дорогу внутрь. Ею оказалась старая водосточная канава, заросшая травой. Глубиной она была чуть больше полуметра. Припав к земле, я полз, отталкиваясь и загребая пальцами рук и ног, метр за метром. За пятнадцать минут углубился в освещенную территорию достаточно далеко и рискнул осмотреться. Горизонт был чист. Я отполз под прикрытие высокой травы, чтобы поближе рассмотреть крупное здание.

Трехметровый забор из черных металлических прутьев с заостренными наконечниками стал лишь первым препятствием. Дальше простиралась аккуратная лужайка, зеленой волной набегающая на линию подстриженных кустов. Повсюду стояли фонари – ни пятнышка тени. И везде были черные, целые отряды черных; они сновали туда-сюда, словно кучка лакеев, ищущих потерянное графией алмазное ожерелье. На поясах у них висели сумки, от которых к шлемам тянулись провода. И без особых технических знаний я понял, что с такой оснасткой они работают куда лучше

своры ищеек. Под ногой у меня хрустнула веточка, и двое обернулись в мою сторону. Они стали приближаться, и мне пришлось пятиться, даже тише, чем в тот раз, когда я забрел в пещеру, где спала пума. В результате я вернулся на пару сотен метров в лес.

Следующий час я обследовал территорию вокруг забора. Он огораживал примерно пятьдесят акров. Посреди этого пространства стоял сказочный дворец, а в стороне от него – аккуратная площадка для самолета с коротким разбегом, уставленная по самое не могу: и одноместные «вертушки», и пузатые тяжеловозы, способные вмесить батальон с артиллерией. Ничего из увиденного меня не обрадовало.

В какой-то момент я заметил оживление недалеко от того места, где я подступился к ограде первый раз. Секция забора открылась, наружу выехал небольшой транспорт на воздушной подушке. Он двигался в луже желтовато-белого света носовых и кормовых фар. Ворота снова закрылись. Ловить там было нечего.

Машина тем временем заскользила в мою сторону, и я попятился по некому подобию дорожки, пока до меня не дошло, что именно ее держится водитель. Тогда я юркнул в кусты и припал к земле. Машина проехала мимо, фырча и поднимая облака пыли.

Я полежал еще немного, говоря себе, что наблюдаю за огнями по ту сторону забора. Пока не стукнулся подбородком о землю и не проснулся. После этого решил вернуться в чащу, отыскать укромное местечко и немного вздремнуть.

Брести среди высоких деревьев было проще, да и мой путь шел под уклон. Потом я заметил впереди мерцание растревоженной воды под луной, вышел из чащи и увидел наконец Маски-Лейк.

С минуту, которая длилась, наверное, бесконечность, я

взирал на озеро и прислушивался к шепоту, вызывающему ко мне из далекого прошлого. Ни казарм, ни обнесенной забором башни отсюда не было видно, лишь водная гладь, простирающаяся до другого берега: до стены сосен и того места, где когда-то стояла лесная хижина. Мы с Фрейзером построили ее своими руками сразу после возвращения с войны.

Сперва тени под большими деревьями ввели меня в заблуждение. Но я зажмурился, поморгал и вновь взгляделся в ту же точку. Хижина никуда не делась, она стояла на прежнем месте.

Я пошел вдоль берега по влажной земле. Казалось, моргни еще раз, и хижина пропадет. Но она никуда не делась. Я вышел к ней с той же стороны, с какой и мы с Фрейзером, когда возвращались с охоты. Даже арбузная грядка оказалась на своем месте: немного заросла, но явно выделялась в лунном свете. Справа в озеро выдавался пирс, к которому был привязан плоскодонный ялик. Носом к воде, как я всегда его оставлял. Мне до чертиков захотел крикнуть — проверить, не выйдет ли, пошатываясь, из хижины Фрейзер с кружкой пива в руке...

Я достал маленький пистолет и зашел к хижине с другой стороны. Я приближался к ней, готовый упасть ничком или выстрелить первым. Метров за пятнадцать до хижины я лег на землю и стал следить за окнами. Так прошла четверть часа. Ничего не происходило, только жужжали над головой комары, словно желая убедиться, что я не призрак. Часть строгой вычислительной машины, которой был разум Дрейвека, говорила, что я рискую и трачу время, вороша листья увядших гардений прошлого. Зато другая часть плевать на все хотела. Это было мое прошлое, часть моей жизни, которую я помнил. Станные типы вроде Джесса, жуткие трущобы, которые они называли дном, хищные

корпорации вроде «ВЕЧИНКОРПа» стали казаться чем-то вымышленным, порождением воспаленного ума.

Я встал и подошел к хижине. Если бы ее кто-то застолбил, он бы все равно уже засек меня – ползи я или крадись. Но из хижины никто не выскакивал и не светил мне в глаза фонариком. Я обогнул хижину и услышал, как у воды мычит лягушка-бык, словно настоящая корова. Слева от двери в стене было окошко. Я заглянул в него и не увидел ничего, кроме лунного света. Дверь открылась сразу, без возражений. Только петли скрипнули, но они всегда скрипели.

Внутри все было по-прежнему: все та же пыль на полу и сажа над камином. Спрятав свой игрушечный пистолетик, я принялся обыскивать домик. Час спустя небо на горизонте посерело, а я, перевернув все вверх дном, так ничего и не нашел. Сидя на кровати, я играл желваками. «Напряг мозги, – уговаривал я себя. – Именно этого ждал от тебя автор записок. Он ведь так и сказал: доберешься сюда, сразу поймешь, где искать».

Вообще-то, тайник из хижины никакой. Домик из тонких досок, прилаженных взакрой. Внутри ничем не обшит, видно все гвозди и стропила. На столе посреди комнаты стоит единственный сервиз, в нем – несколько щербатых тарелок и чашек. В камине – ворох золы и головешки. В отгороженном санузле – только все необходимое; смывной бак тоже не хранит тайн, как и труба слива. Под полом тоже я тайников не устраивал. Секретный ящичек в задней стенке сейфа в моем рабочем кабинете – лучшее, на что хватило моего конспираторского таланта.

Сквозь шторы в красно-белую шашечку – их повесила одна из временных подружек, решившая, что они соответствуют «лесному духу», – проникал бледный свет. Я вышел из домика, взглянул на озеро... и все понял.

Это был один из тех дней, что врезаются в память. Зной, легкий ветерок чуть тревожит поверхность озера. Со дна, из-под затопленных коряг поднимается окунь, чтобы полакомиться крупными сочными мухами, которых приносит бриз. Мы с Фрейзером успели наловить гору рыбы, когда ветер стих, и клев закончился. Пока мы чистили и разделывали рыбу, Гвен и Розанна накрыли чудесный стол. После ужина мы спустились к берегу и, развалившись под деревьями, распили бутылку, третью в тот день. Мы еще посмеяться успели: третья пятерка¹ на Четвертое июля...

Возле хижины из земли торчал большой сосновый пенёк. Мы сосчитали кольца: двести сорок семь. Потом погребли под ним мертвого солдата, со всеми воинскими почестями...

Через десять минут я отыскал этот пенёк. Разгреб залежи листьев, разрыл твердую землю и наконец, среди корней, отыскал бутылку. Этикетка давно сгнила, вместо металлической закручивающейся пробки оказалась плотная восковая затычка, но бутылка была та самая. Посмотрев бурое стекло на свет, я разглядел внутри белый клочок.

Во рту пересохло, руки слегка задрожали, однако я ощущал ту сверхъестественную сосредоточенность, когда после долгих дней предвкушения наконец наступает долгожданный момент. Пробку вытащить не получилось, и тогда я просто отбил горлышко и достал записку. Скрученный клочок бумаги, и на нем два слова:

ПЕЩЕРА ПУМЫ

¹ Бутылка вина объемом 0,9 литра (1/5 галлона).

Это был тяжелый получасовой подъем через густой лес до прогалины на восточной стороне долины, где камень поднимался из земли на полсотни метров выше, чем где-либо по краю. Валуны размером с лондонский автобус разбросал ледник. Среди них таилось множество уютных пещерок, в которых мы с Фрезером натывались на разную живность – от ласок до бурых медведей. Та, в которой я напоролся на пуму, располагалась высоко, и подобраться к ней можно было лишь по склону скалы, что делало ее не слишком доступной для большинства тварей и охотников. Я впервые заглянул в нее, когда гнался за росомехой – словив дробь, зверушка не пожелала просто лечь и издохнуть. Занятие, доложу вам, не из веселых, но я не хотел подводить многие поколения Дрейвеков-охотников. Я поднялся по склону, стараясь не шуметь. Мертвая росомеха ждала меня на уступе. Я был в одном шаге от роковой ошибки, но успел учуять запах дикой кошки. Она лежала в дальнем конце пещеры, томная после сытной трапезы. Заметив меня, лениво начала подниматься. Я попятился, споткнулся и заскользил вниз. Потом целую неделю отращивал новую кожу на стертых ладонях и заднице. Больше я туда не возвращался.

Солнце окрасило склон в розовые тона. Я быстро поднялся, радуясь этому занятию ничуть не больше, чем в прошлый раз. Еще меньше мне нравилось, что я лезу вверх среди бела дня. За десять минут я добрался до уступа и лег. В тени под сводом пещеры все осталось по-прежнему, разве что не было кошки. Пахло мхом и пометом, но так в любой другой пещере.

На входе – там, где померла росомеха, – мне пришлось пригнуться, зато потом свод поднялся, стены раздвинулись.

Вполне можно было бы припарковать «жук»... Пол покрывала плотно утоптанная земля, нанесенная сюда за тысячи лет. Стены переходили в покрытый трещинами потолок, сквозь который лезли корни деревьев. Просачивающегося через разлом света хватило, чтобы разглядеть, что с моего прошлого визита ничего не изменилось. Вряд ли здесь можно было что-то спрятать, разве что таблетку аспирина. Если я рассчитывал откопать тут десяти томный дневник с подробным описанием предшествующих событий, мне явно не повезло.

Путь до пещеры занял сорок минут; обыск ее – всего полминуты. На всякий случай я обыскал пещеру еще раз. Ничего, ниточка оборвалась. Гонка выдалась бесподобная, но вернуться придется с пустыми руками. Как говорится, ноль-ноль да хрен повдоль.

Я вышел из пещеры и взглянул на простирающиеся внизу вершушки сосен, на сверкающее в отдалении озеро. Попробовал поставить себя на место человека, сочиняющего во тьме у гроба записку незнакомцу. Это ничего не дало, кроме приступа клаустрофобии.

Оглядев устье пещеры, потоптался по уступу, осматриваясь и гадая, сколько сейчас крохотных человечков издали наблюдает за мной в бинокль. Потом еще раз зашел в пещеру и пошаркал ногой по тому месту, где адская кошка испустила свой кошачий дух. Мой взгляд привлек блеск металла...

Это был сейф из нержавейки, незапертый; внутри лежал увесистый полиэтиленовый конверт. Вскрыв его, я вынул лист бумаги. На нем было набрано:

В дальнем конце. Повыше, слева. Отверстие маленькое, но ты протиснешься. Потом метров пятнадцать.

Мужайся.

Дыру я нашел сразу. Она и правда выглядела слишком узкой. Но все же я втиснул в нее плечи, повернулся на бок и пополз. Через пару метров тоннель пошел под уклон. Ползти было сложно, но можно. В паре мест я нащупал гладкую глину – видимо, тут подкапывали.

Дважды щель становилась непроходимой, и я отползал назад, чтобы снова попытаться под другим углом. В одном месте еле протиснул плечи и на минуту застрял. Казалось, скала давит и вот-вот расплющит меня, но наконец удалось вытянуть руку и убрать с дороги камень.

Когда я спустился ниже, углубившись в тело горы, стало совсем темно. Зато тоннель расширился, и я полз на четвереньках, используя голову вместо бампера. Даже во тьме я понял, что лаз – рукотворный. Он изогнулся вниз под углом тридцать градусов и метров через шесть резко свернул влево, потом еще раз влево и снова вниз. Еще через шесть метров впереди забрезжил свет.

Я замер и прислушался. Снизу не доносилось ни звука. Я пополз дальше – оставалось немного. Следующий поворот неожиданно привел меня в комнату. Это была не естественная пещера: гладкие бетонные стены, отшлифованный пол, высокий потолок, даже пригнуться не пришлось. Сквозь щель в потолке сочился бледно-зеленый свет. Он падал на крупную штукатурину посреди комнаты: поставленный на попа цилиндр высотой три метра и полтора в диаметре, оплетенный пластмассовыми трубками и проводами. Я уже видел такой в опечатанной секции под моим старым заводом. В той капсуле, лежащей на боку, хранился труп. Эта выглядела иначе.

Я осторожно подошел к ней, словно боясь потревожить того, кто внутри. Прижал ладонь к стенке капсулы и ощу-

тил легкую вибрацию. Изогнутый колпак капсулы находился выше уровня моих глаз, но вплотную к капсуле стояла платформа, и я взошел на нее. В верхнюю часть колпака было врезано квадратное окошко из прозрачного пластика со стороной сантиметров тридцать. Я заглянул внутрь, но там было темно. Когда мои глаза адаптировались, я разглядел то, что было в капсуле, и у меня все похолодело внутри.

Лицо за окошком принадлежало ребенку, девочке не старше шести лет. Бледное лицо просвечивало, как у фарфоровой куклы.

Это было лицо из моих снов.

На платформе лежало письмо. Я поднял его и прочел:

А вот и она. Третий был прав: системы безопасности – на миллиард долларов, но наш путь ведет прямо под ними. Фрейзер проделал его прямо у Старика под носом, когда возводил Башню. Он знал: Старик достаточно крут для того, чтобы видеть, когда кто-то круче. Осталось заглянуть еще в одно место. Думаю, шанс есть и неплохой, но я оставляю все тебе – на случай, если оступлюсь. Может, я перебарщиваю, оставляя тебе крохи подсказок, но запутанный след – лучший способ убедить тайну от случайных глаз. За исключением глаз одного человека, но я рассчитываю, что трюк с краской поможет обмануть и его. Для него я оставил кое-что в самом ящике. Надеюсь, ему этого хватит, и он на радостях отзовет ищеек. Хотя бы на время, чтобы не помещать тебе – если ты включился в игру. Он знает, что я где-то здесь. Как он узнал, мне не понятно. Он понимает мою логику, но и я знаю его как облупленного, поэтому, может, все обойдется. Содержимое остальных бумаг стоило множества жизней и лет. Это – подлинник.

Сейчас еще раз осматрюсь, постараюсь все вспомнить, чтобы, когда придет время, не мучиться с выбором. Потом войду и больше не вернусь.

Сзади к посланию был прикреплен рисунок: план долины с озером. Населенный пункт в северной ее части – городок, обозначенный «Башня». Крестиком была отмечена пещера пумы. Внизу была схема, изображающая дверь, прорытый под долиной лаз и подземный тоннель, ведущий к Башне; были еще какие-то обозначения: люк в фальшивой стене позади котельной. На обороте страницы – план Башни; потайных ходов и двойных стен на нем было больше, чем в Кентервильском замке; все они вели к сети помещений на верхнем уровне. Вопросительные знаки тут и там намекали, что не все мне достанется на халяву.

Я снова перечитал записку, надеясь отыскать подсказку, которую пропустил в первый раз, но не нашел. Записка и карта пытались убедить меня в том, что смысл моей жизни – отправиться вслед за автором записки и не вернуться. Хорош писака! Большие надежды на меня возлагал. Больше, чем на себя. Наверное, думал, что я знаю многое из того, что на самом деле мне неведомо.

Возможно, будь я в курсе, то уже спешил бы по тоннельчику и крысиным ходам в стенах навстречу неприятностям.

Я думал еще с полчаса. Потом прошел к двери, врезанной в стену позади капсулы, открыл ее и увидел уходящие вниз ступеньки.

18

В тоннеле плескалось достаточно воды, чтобы в ней отражались блики от потолочных цилиндрических ламп. И она выдавала крыс, что рыскали вне дальности стрельбы

моего пневматического пистолета. Пару раз я останавливался, чтобы прислушаться — не поджидают ли меня впереди. Никаких звуков не было, и от этого я чувствовал себя одиноко как никогда.

Тоннель закончился лестницей вроде той, по которой я и спустился. Ступеньки уходили вверх на десять метров и оканчивались небольшой площадкой. Я уперся в деревянную панель, на которой мелом было начертано: «ПЕТЛИ СЛЕВА. СЛЕДИ ЗА ВЫХОДОМ ИЗ КУХНИ».

Он все еще не оставил меня. Правда, от этой мысли было ни тепло, ни холодно. Отсюда мой предшественник, со всеми своими знаниями, отправился на верную смерть. А в награду ему — кусочек газетной колонки с некрологами на развороте. Ощупав панель, я уперся руками в правый край и надавил, потом сильнее. Она не сдвинулась. Значит, можно со спокойной совестью идти домой. Напоследок я еще раз толкнул панель, и она вдруг открылась, осыпав меня пылью. Проем выходил на заднюю стенку отопительной установки, между ней и стенкой оставалось достаточно места, чтобы протиснулся человек. За бойлером виднелась просторная комната, заставленная длинными столами и встроенными шкафами. Через приоткрытую дверь я увидел соседнюю комнату, такую же просторную. Там горел свет, за одним из столов сидели люди в черном.

В этот момент за спиной у меня щелкнуло, точно патрон вошел в казенник. Я застыл, как готовое желе. Заработал вентилятор, и листы металла вокруг меня задребезжали. Я выдохнул и двинулся вдоль длинной стены. Встал у дверного проема и выглянул в соседнюю комнату. Там четверо играли в карты. Часы на стене показывали двадцать восемь минут восьмого. Утро давно наступило, но свет солнца не проникал сюда, а значит, окон в комнате не было. Учтем. Один из черных в это время отложил свои карты на стол и

поднялся. Следом за ним – и остальные. Кто-то что-то сказал, и они ушли – словно приятели, внезапно вспомнившие о встрече.

Я миновал морозильную камеру; нашел отмеченные на карте головки болтов. Внешне они не отличались, но три из них – при небольшом усилии – провернулись, и кусок, казалось бы, монолитной стены отъехал вглубь на смазанных полозьях. Юркнув в тесный проход, я задвинул кусок обратно. Я оказался в узкой вертикальной шахте диаметром чуть меньше метра. Вверх по спирали поднимались шестидюймовые прутья. Пахло слежавшейся пылью. И стенки шахты, и стержни на ощупь были гладкие – видимо, из полимерного пластика. Проверив, легко ли выхватывается пиштолет, я стал подниматься.

Первые несколько десятков витков дались легко и приятно. Потом заныла спина, потому что я шел, согнувшись в три погибели. Потом заболели ступни, потому что стержни впивались в них. Ладони стали скользкими от пота, а ведь падать было уже высоко. Свет – бледно-зеленый – исходил от самих стен. Дедушка, помнится, пока не допился, рассказывал о неупокоенных мертвецах. Такие в новолуние вылезали из-под могильных камней. Сейчас таким призраком был я. Я велел себе перестать так думать, пока не напугал себя до смерти, как вдруг меня похлопали по плечу.

19

Вы, поди, думаете, что амбал вроде меня, да еще с пиштолетом в штанах, воспримет подобную неожиданность как ни в чем не бывало: только оскалится да пушку выхватит? Ну, за пушкой-то я дернулся, но при этом подскочил так, что башкой погнул один из прутьев, а моя нога соскользнула со ступени, и я повис на руках.

Света хватило, чтобы разглядеть кисть руки и запястье, протянутые из тени. Плоти на них не было — только пожелтевшие косточки, слегка светящиеся в полумраке, как старинные неоновые лампы. Постепенно я различил череп — нижняя челюсть отвисла, как будто скелет собирался меня укусить, — потом вторую руку, корпус и ноги, сложенные на переломленной в двух местах спине. Мертвец бесформенной кучей громоздился на штырях.

Повисев немного, я закинул ноги на ступеньки, и попробовал подтянуться. Не получилось. После третьей попытки я взмок, с носа закапал пот. Потом решился оторвать одну руку от штыря, дотянулся до господина Костлявого, ухватил его за руку и дернул. Предплечье оторвалось от локтя, запястье переломилось; мелкие кости посыпались вниз, ударяясь о стенки и стержни. Я отбросил остаток руки и поднялся на ступеньку выше, уткнувшись носом в пятно в форме трех полос, складывавшихся в букву «П». Я коснулся буквы, и она рассыпалась буроватыми хлопьями. Кровь. Перед смертью этот бедолага со сломанной спиной пытался оставить послание. Ему почти удалось.

Что значит «П». Предательство? Поздно? Хороших слов на букву «П» в голову не приходило. «П» — попадалово? Поворотись?

Пипец?

Я поднял взгляд и уперся в пустые глазницы. Четвертый, автор писем. Писем, которые ждали меня, — как и эти вот кости, — предупреждая об опасности. Намекая, что меня ждет засада. Но почему убийца не убрал из мышеловки труп мышки, не смахнул с сыра пыль — для следующей жертвы?

Или я просто по малодушию все это себе напридумывал? Может, скелет — останки невезучего плотника? Доходяга упал, погиб да так тут и остался? Может, это тот, кто

спроектировал тайную лестницу, и его потом сбросили вниз, чтобы он унес тайну в могилу? Ну, тогда я танцовщица с веерами.

Это точно Четвертый, ведь он убегал этим маршрутом, но перекрыл его своими костями. Да, наверное, так и есть. Он поднялся, угодил в западню, его нашпиговали свинцом, но он не умер на месте, а вернулся в эту крысиную нору и рухнул вниз – чтобы тот, кто придет позже, подумал то же, что и я сейчас.

Глянув поверх костей, я различил тусклый блеск стенок шахты, уходящей туда, куда мне было нужно, к тому, кого я искал.

– Спасибо, приятель, – поблагодарил я череп и столкнул кости вниз во тьму. Потом поднялся по стержням еще на тридцать метров и через дверь вошел в небольшую темную комнату.

Я пересек ее, почти ничего не задев по пути, и прижался ухом к двери. Ничего не услышав, приотворил ее и выглянул в освещенный коридор.

Метрах в тридцати спиной ко мне стоял черный. В руке он сжимал приборчик вроде секундомера, нацелив его на стену и что-то бормоча. Я выждал, пока он приблизится, и вышел из тени. Черный бросился на меня, но было поздно. Я врезал ему снизу в челюсть под таким углом, чтобы сломать шею. И сломал. Черный свалился, как подрубленный, но я успел подхватить его и оттащил за дверь в комнату.

За пару минут я раздел и затолкал в кладовку. Еще за минуту натянул его портки и куртку. Паршивая оказалась форма, да еще грязная. Ботинки оставил свои – они все равно походили на форменные. Я осмотрел пистолет черного: мда, куча кнопочек и все разноцветные... поди разберись. Я выбросил пистолет и сунул в кобуру тот, которым меня

снабдила Минка.

Я почти дошел до двери, расположенной недалеко от конца коридора, когда позади зашаркали подошвы и грубый голос приказал:

— Так, дубины, все живо в центр связи.

Я уже приоткрыл дверь, когда голос за спиной проорал:

— Уоллик, это и тебя касается!

Я скользнул за дверь и оказался в маленькой комнатке: кафельные пол и стены, грязное окно. Санузел. Отлично. Сам себя в сортире запер. Окно с мутным стеклом было высотой в полметра и шириной в треть. Судя по теням снаружи, оно было забрано решеткой. Света пропускало немного. Тогда я спрятался за дверь, вынул пистолет и стал ждать. Так прошла минута, снаружи оставалось тихо. Потом послышались шаги, и в дверь постучали. Грубый голос спросил:

— Ты там утонул? — и шаги удалились.

Я выждал еще пять минут и вышел. Теперь коридор был в полном моем распоряжении. С дальнего конца долетали слабые звуки, и я повернулся в противоположную сторону. Там был выход на лестницу. Я поднялся по ней до площадки, прислушался, поднялся еще на пролет и оказался в другом, более широком коридоре. Там горели огни и многие двери стояли распахнутыми. Я подкрался к одной и услышал чей-то спор:

— ...плевать, что ты их все заменил! Проверь и на высоких, и на низких уровнях...

Я увидел подножье широкой лестницы. Но не соблазнился ею и пошел вправо. Открыл ничем непримечательную дверь. Думал, за ней служебная лестница, но оказался чулан с пылесосом и какими-то флаконами. Может, это даже мне на руку. Если станет горячо, схоронюсь тут и прикинусь метлой.

Я прошел до конца коридора, свернул налево и почуял запах готовящегося завтрака. У меня аж скулы свело. На полу здесь лежал ковер, свет был приглушенный, из встроенных ламп. Как в лучших домах, в общем. Из одной из комнат вышел черный и направился в мою сторону. Я свернул в первую же дверь налево и оказался в помещении с парой мягких кресел и уютным широким диваном. В окно виднелся сад с цветами и еще одно крыло здания. Черный прошел мимо. Я подождал и выглянул в дверь. Черный стоял на перекрестке коридоров и смотрел в мою сторону. Долгое мгновение мы пялились друг на друга. Потом я подмигнул, и он отшатнулся, словно его хлестнули по лицу мокрым полотенцем. Черный повернулся и скрылся за поворотом. Тогда я вышел и проверил еще несколько дверей. В конце концов я наткнулся на лифт и вошел в кабину. Потыкал в кнопки, лифт пошел вверх.

На следующем этаже лифт остановился, и вошли еще двое. Я положил руку на пушку, и один из них тяжело взглянул на меня.

— Боже правый, как все изменилось с тех пор, как я дежурил, — сказал он напарнику.

Напарник засопел.

Мы ехали молча, потом кабина снова остановилась: вошла женщина с мучнистым лицом, а те двое вышли, даже не обернувшись. Женщина, взглянув на меня, поправила прическу. Когда кабина остановилась в третий раз, вошла девушка и вылупилась на меня. Лифт сделал еще две остановки, а она все пялилась на меня. При следующей остановке вошел мужчина в сером комбинезоне, и девушка раскрыла рот, желая что-то сказать, но я перебил:

— Прости, милая, всю ночь на ногах. И вовсе не с ребенком играл. — Проходя мимо, шлепнул ее по попке. Рот она так и не закрыла.

По коридору сновали люди, целая толпа. Тут было чисто и пахло канцелярией. На меня не обращали внимания. Я прошел до конца коридора, отыскал служебную лестницу и поднялся на два пролета. Там была тупиковая площадка, густо покрытая пылью. Небольшое окошко в стене выходило на утреннюю лужайку. Вдалеке маячил забор, почти неприметный в зарослях ежевики. Внизу на лужайке было полно черных. Я оказался на высоте примерно десяти этажей, хотя снаружи башня не выглядела такой уж высокой.

Чувство одиночества вернулось с прежней силой. Я уже несколько дней ни с кем не говорил. Через узкую дверь я протиснулся к тихому шепоту кондиционеров и мертвому, искусственному свету. Это была просторная комната: кресла, столы, на них журналы. Похоже на приемную одного из тех дантистов, что терпеть не могут разговоров о деньгах. В дальнем конце комнаты был выход коридор. Тишина стояла неестественная. Я взглянул на две простенькие двери с блестящими ручками, и на третью, которой, похоже, часто пользовались. Выглядела она куда приветливее других. Я подергал за тусклую ручку. Дверь открылась, и моему взору предстал обширный склад, забитый картонными коробками. В этот момент мясистый голос у меня за спиной произнес:

– Эй!

Я резко обернулся, выхватывая пушку, готовый стрелять. На меня, выпучив глаза из-за крупных стекол очков, смотрел здоровяк. Указывая на дверь, через которую я вошел, он сказал:

– Я говорил Олдерсу, чтобы вы сюда больше не совались!

– Простите, шеф. Похоже, я заблудился...

– Говорят, ваша идиотская сигнализация впустую сработала. Третий раз за неделю, если не ошибаюсь? Стоит птичке

над крышей пролететь в поисках червяка, как начинает выть и мигать! Меня иллюзией бурной деятельности не обманешь. Вы просто ищете предлог, чтобы сунуться сюда и похозяйничать!

Он поднял очки на лоб. Глазки у него были как угольные пупырки на лице снеговика. С таким зрением контактных линз явно маловато.

– Извините, я пойду. Вас не обманешь, док...

– Следите за языком! Что за легкомысленный эпитет? Вам что, Олдерс приказал намеренно дерзить и оскорблять меня?

– Простите, доктор. Уже ухожу...

– В другую сторону! – Он указал направление пальцем-сосиской, длина которого ненамного превышала толщину.

Покинув приемную, я оказался на усеянной сигаретными бычками лестничной площадке. Идти можно или вверх, или вниз. Я поднялся по узким ступенькам, миновав по пути крохотную площадку, где в углу примостились две пустые бутылки, поднялся на еще шесть пролетов и уперся в черную дверь с безопасным засовом. Открыл ее, и в глаза ударил солнечный свет. Я вышел на крышу. Значит, нужная комната осталась в другой стороне.

20

В следующие несколько секунд произошло несколько событий. Первое: в двадцати метрах от себя я увидел вторую башню, на девять метров выше той, на которой я стоял; с одного боку к ней прилепилась широкая терраса. Второе: слева донесся какой-то шум, и я, спеша укрыться за фонарной надстройкой, упал на смоленую крышу.

– Что это было? – спросил кто-то.

– Что именно?

– Мне послышалось, что Уокслоу поднялся.

– У тебя еще десять минут.

– Я же слышал... – Дверь на крышу распахнулась, и слышались шаги.

– Эй! Уокслоу! Что-то ты рановато!

Часовые отошли, и я выглянул из укрытия. На крыше не было ничего, разве что платформа с чем-то вроде зенитки на ней. Правда, на стволе имелись ребра охлаждения, и от установки тянулся толстый провод к большой панели со счетчиками и дальше, к гидранту возле парапета. На крыше дежурило три черных, в шлемах и при пистолетах. Они пару минут поболтали, а затем один из них направился в мою сторону, но свернул в дверь. Оставшиеся двое отошли к зенитке и, прищурившись, стали смотреть вдаль. Один зевнул. Другой сплюнул. Мимо пролетела птица, обронив гуано. На меня села муха. Я лежал и ждал нужного момента.

Прошел час, а я все ждал. Одного из черных сменили на посту, а его напарник сделал пару обходов крыши, однако я очень хорошо занялся в тени между выходом на крышу и вентиляционным коробом. Прошел еще час. Мне нужно-то всего десять секунд – чтобы оба черных оказались в моем поле зрения, отвернулись, и я бы тогда прошмыгнул в дверь. Но мне не везло.

Миновало время обеда. Солнце припекало, крыша впитывала в себя жар. Я потел в черном костюме, а плотные швы натирали под мышками и шее. Солнце перевалило зенит, и охранники немного сменили позиции – но недостаточно для меня. Я попытался передвинуться, чтобы вновь оказаться в тенечке, обжегся о раскаленную крышу, да и колена натер.

Ближе к вечеру появился старшина. Осмотрел зенитку, прищурился в небо и пошел в мою сторону. Остановился в полутора метрах. Отрыгнул и вернулся назад в дверь.

Охранники сменились еще несколько раз. Солнце тем временем приспустилось; снизу долетали аппетитные запахи кухни.

Крыша немного остыла; я поменял позу, лег поудобнее, так чтобы рассмотреть террасу у соседней башни. Над бордюром показалась голова человека: судя по движениям, он суетливо двигался; не то клумбы пропалывал, не то на стол накрывал. Чуть погодя на террасе зажглись огни и заиграла музыка. Сгущались сумерки. Небо взорвалось оттенками розового, который постепенно темнел, и в сторону запада поплыли алые суда под пурпурными стягами. Потом на небе проступили звезды, похолодало, а мою шею принялись атаковать комары. Возле пушки перемигивалась красным, зеленым и синим панель с системой наведения. Наверняка она могла засечь шумный транспорт километров за сто. Меня, впрочем, она не видела, я лежал в пяти метрах от пушки и был тише воды, ниже травы.

Внизу раздался звонок, и охрана снова сменилась. В открывшуюся дверь хлынул ослепительный свет. Да, незаметно с крыши не выскользнешь.

Я прикинул в уме: на крыше я проторчал уже часов двенадцать, шансов, что положение изменится, не предвиделось. Еще пара часиков в неподвижной позе, и тело затечет так, что я с места не сдвинусь. Пришла пора действовать, хоть как-то.

Я затаился у выхода на крышу. Зенитка располагалась справа, у парапета. Слева от нее в мою сторону тянулся кабель, метров на десять, делал несколько завитков и пересекал крышу прямо у меня за спиной. Вторая башня как раз была в той стороне: в темноте она напоминала парящие в воздухе огни. Я скользнул назад, поднялся на четвереньки и, застонав про себя, встал на ноги. От команды зенитчиков меня по-прежнему закрывали вентиляционный короб и

лестничная будка. Крыша была гладкая, но не скользила; я снял ботинки и сунул за пазуху. Прошел к парапету и огляделся.

Увиденное не обнадежило: подо мной было метров пятнадцать до карниза, уставленного горшками с цветами, под освещенным окном. Ниже тоже ничего не было, только метров шестьдесят пустого пространства – до обнесенного стеной двора. С такой высоты размером он напоминал почтовую марку. Слева ко второй башне тянулась связующая стена, на уровне карниза. Справа открывался шикарный вид на цепочку огней вдаль, по периметру парка.

В голове было пусто, никаких идей. Я отступил от парапета, чувствуя себя хрупким созданием – как всегда на большой высоте. Раздался какой-то звук, и я резко обернулся, выхватывая пистолет. По всей крыше зажглись огни. Это были прожектора на двухметровых мачтах, словно окутанные синеватым туманом; яркий свет выхватывал из темноты каждый камушек на крыше – как выдавленные в листе металла формы. Осталась лишь одна полоска тени, черной, как майка трубочиста. Ее отбрасывала лестничная будкой. И эта тень падала на меня.

Зенитчики прикрывали глаза руками и ругались, а в это время на крышу высыпали и рассредоточивались еще черные. Делали они это молча; глядя на пушки в их руках, я понял все.

Они выстроились в ряд у дальнего края крыши и двинулись в мою сторону. У меня оставалось несколько секунд, чтобы придумать план, оценить его слабые стороны и исполнить. Черные уже почти дошли до будки. Я попятился, уперся икрами в парапет. Не думая, перекинул ногу, нацелился упор в грубой кладке и перелез на другую сторону. Солдаты прошли мимо, остановились, вернулись. Этого мне хватило. Я ухватился за карниз, на котором скорчился, све-

сил ноги и, нашарив еще упор, начал спуск.

Через две минуты я уже был на карнизе с цветами. Он тянулся на десять метров до угла, от которого к соседней башне пролегала стена. Прижавшись щекой к неровной кладке, я двинулся в ту сторону. Наконец добрался до поперечной стены, вжался в кладку спиной и прыгнул. Приземлился на четвереньки и пополз в густую тьму на противоположном конце. Позади чиркнул луч прожектора, когда я достиг второй башни и уперся лицом в стену, жадно хватая воздух. Луч тем временем проплыл вдоль карниза, скользнул по стене и погас. Я сел и пошарил рукой в темноте, нащупал каменную балюстраду, перелез через нее и оказался на узкой террасе. Тут выстроился ряд высоких кувшинов – в пору разбойников прятать, как в сказке про Али-Бабу. Однако то были вазы, и в них рос виноград: его лоза густой сетью покрывала стену. Наверху я заметил еще одну террасу – на перилах горел маленький огонек. Лоза доставала прямо до балкона. У тренированного атлета в превосходной форме, в альпинистских ботинках и при удаче сорвавшего джекпот на скачках, был бы шанс залезть туда. Я встал на балюстраду, ухватился за лозу и начал подъем.

Преодолеть первые метры оказалось не сложнее, чем угодить в переплет. Стебли толщиной с запястье лепились к стене, словно водосточная труба, но более тонкие отростки вскоре начали рваться. Я ненадолго остановился; лицо обдувало ночным ветром, а я гадал, что может ждать наверху. Что ждет меня внизу, и так было ясно.

Спустя полчаса я наконец ухватился за гальванизированные перила – и в следующий миг стебелек толщиной в карандаш, за который я еще держался, лопнул. За несколько секунд, пока я пытался ухватиться за перила второй рукой, у меня перед глазами пронеслась вся жизнь. Наконец, мне

удалось подтянуться и перекинуть через перила локоть и колено. Я взглянул на выложенный глянцевой плиткой пол. Дальше он перетекал в просторную комнату, освещенную приглушенным светом и обшитую панелями мореного тика. Там же, за столом не крупней «кадиллака» сидел человек. В мою сторону он не смотрел. Курил сигарету, откинувшись на спинку кресла. Широкая спина, бычья шея, седеющие волосы. Вроде бы один. Пока я наблюдал за ним, он затушил окурок в пепельнице, вырезанной из куса хрусталя размером с футбольный мяч. Потом нажал кнопку – в столе отрылся ящик. Мужчина достал из него вместительный графин, откупорил и налил в бокал что-то темное. Пока он это делал, я влез на балкон, достал пистолет и подкрался к открытым дверям.

– Даже не дыши, приятель, – сказал я.

Он застыл, но всего на миг. Потом заткнул графин пробкой и вернул его в ящик стола. Когда он повернулся, я уставился в лицо самому себе.

21

Секунд десять мы взирали друг на друга, а потом до меня дошло, что он не больно-то и разглядывает меня. Напротив, дает налюбоваться собой. А любоваться было на что.

Я и так не красавец, но это лицо было как будто высечено из первозданного камня, обветренного и обожженного, испещренного трещинами, а после отшлифованного рукой мастера посильнее Челлини¹ – портрет воплощенной силы и власти. На вид ему было лет сорок пять – и тогда он рано состарился – или шестьдесят – и тогда он недурно сохранился.

¹ Бенвенуто Челлини (1500–1571) – итальянский деятель культуры эпохи Ренессанса.

На нем был винного цвета халат с черным воротником, из-под которого выглядывала, точно ствол дуба, шея. Выражение на лице было что-то среднее между едва заметной улыбкой и отсутствием какого-либо выражения вовсе.

— Ну, вот ты и добрался, — произнес он моим голосом. — Проходи, присаживайся. Нам есть что обсудить.

Я машинально сделал шаг, но вспомнил, что приказы отдаю я.

— Встань и отойди от стола, — велел я. — Медленно и без резких движений. Я с этой штуковиной еще «на вы», не хочу промазать.

Уголки его губ приподнялись на полмиллиметра, но сам он не сдвинулся с места.

— Я пытался отыскать тебя, пока ты не рискнул явиться сюда сам...

— Второсортные у тебя ребята. Может, легкая работа их расслабила? — Я качнул стволом пистолетика в сторону от стола. — Трижды повторять не буду.

Он покачал головой. Или, может, это веки у меня дрогнули. Он был не из тех, кто тратит силы на ненужную мимику.

— Ты ведь не застрелить меня пришел, — сказал он.

— Планы могут измениться. Это место нервирует. Ты не желаешь сотрудничать, и это нервирует еще сильнее, а когда я нервный, то делаю глупости. Вот прямо сейчас одну и совершу.

Я вскинул пистолет, прицелился ему между глаз и уже начал давить на спуск, но тут он вскочил и улыбнулся. Широкая была улыбка, почти заметная.

— Если бы я хотел причинить тебе вред, то сделал бы это уже давно, едва ты пересек границу, — сказал он. — Тут повсюду сигнализация...

— По периметру — может быть, но не внутри. Иначе твои

солдатики заставляли бы ее срывать по сотне раз на день.

— Думаешь, ты забрался так далеко без моего ведома?

— Мир не запрешь, если только сам от него не запрешься. За восемьдесят лет ожидания ты мог размякнуть.

Он слегка нахмурился.

— Кто я, по-твоему?

— Картина неполная, деталей не хватает, — сказал я. — Но то, что есть, говорит: ты — тот, кого я прежде знал. И звали его Стив Дрейвек.

— Так ведь Стив Дрейвек — это ты. — Он произнес это таким тоном, каким ребенку сообщают о смерти любимой собаки.

— Я только считаю себя Стивом Дрейвеком, — ответил я, — а ты настоящий.

Он нахмурился чуток больше.

— Хочешь сказать, я оригинальный Стив Дрейвек, родившийся в 1941 году?

— Звучит немного странно, — признал я. — Однако я и правда так думаю.

Он склонил голову на полсантиметра вбок. Выражение лица едва заметно переменилось — снова забрезжила улыбка.

— Неудивительно, что ты так дергаешься, — сказал он. — Боже мой, парень, отложи пушку и присядь выпей. Я — не Первый. Я — Пятый!

Я перешел к одному креслу и жестом велел хозяину дома сесть в другое. Затем присел сам, опустив пистолет на колено, чтобы скрыть дрожь в руках. Пить хотелось так же сильно, как Ромео любил Джульетту.

— Что стало с Четвертым?

— То, чего и следовало ждать. Он был уже не первой молодости, за полтинник. Я хотел поговорить, а он — нет. Да и с какой стати? Он же владел миром.

— И давно это случилось?

— Больше сорока лет назад. Едва обосновавшись тут, я попытался выяснить: сколько нас таких. И ничего не вышло. — Он почти моргнул. — И тут объявился ты.

— С этого места поподробнее.

— Капсулы устроены так, что когда открываются, срабатывает сигнал. Короткий писк в микроволновом диапазоне. Если не ждешь, то и не услышишь. Жаль, никакой специальной техники не предусмотрено. Просто сигнал, извещающий о том, что ты идешь. Я пытался тебя найти, но ты пропал с радаров.

— Мне показалось, так лучше. Пусть даже твои черные хреново стреляют.

— Я распорядился стрелять транквилизаторами.

— Кое-кто от них заснул навсегда.

Он кивнул.

— Жаль этого коротышку, Джесса Ральфа. Когда мои люди застали вас на объекте, то сделали поспешные выводы...

— Кто-то натравил их на нас. Они ждали.

— Так ведь объекты «ВЕЧИНКОРПа» надежно охраняются...

— Проехали. Если ты хотел поговорить, почему записку не оставил? В доступном месте? Ты бы знал, где я стану искать. Так было бы проще, чем приказывать черным стрелять в меня снотворным.

— А ты бы поверил? Инструкции, которые Фрейзер вшил в мою мозговую пленку, описывали Старика в довольно мрачных тонах. Вот я и решил: лучше обстрелять все по старинке, чтобы ты шел по тому же следу, что и я. К тому же это имело дополнительный плюс: ты пришел тайком. Сам понимаешь: если бы просочился слух, что нас таких двое, это бы усложнило все.

— Ага, — сказал я, — наверное. Кстати, покажи запястье.

Он ненадолго задумался, потом закатал левый рукав.

– Другую. Не забыл?

Он показал мне правую руку: кожа – идеальная, ни следа шрама, который мог остаться только у Первого.

– Доволен? – Он немного расслабился. Я, наверное, тоже.

– Возможно, ты говоришь правду, – сказал я. – Но что это меняет?

– План был хорош. Старик на теме власти совсем сбрендил. Мне эта часть его личности не досталась.

– Так ты перенял у него эстафету, – сказал я. – Ничего не изменилось.

– Мир, который он построил, в один день не изменишь. Нужно время. Попробайся я изменить все разом, разразится хаос.

– У меня чувство, что положение дел только ухудшилось.

– Неудивительно, что тебя не в ту степь понесло, раз ты не с теми связался.

– Не с теми? Это с кем?

– Коротышка Джесс. Я думал, ты знаешь... Фрейзер – его дед.

– Я, похоже, многого не знаю, – признался я. – Возможно, когда настал мой черед, механический промыватель мозгов схалтурил. Может, расскажешь мне все с самого начала?

Лицо его стало жестче. Он посмотрел на меня и одновременно вдаль, в прошлое.

– Первую часть истории я помню очень хорошо, словно все происходило именно со мной. Фрейзер постарался, составляя пленки для промывателя. Они содержат подробные детали событий. Такое чувство, будто вчера все произошло...

Утро началось как обычно. Я позавтракал с Мэрион на террасе, затем отправился на завод. Там некоторое время мы с Фрейзером обсуждали налоги, после спустились в подвальное крыло – проверить, как идут дела. Мы собирали большой экспериментальный агрегат, он должен был принести баснословные барыши. Мы бы на годы опередили конкурентов.

Случилось все в половине одиннадцатого. Мэрион поехала в город за покупками. И взяла ребенка с собой. Остановилась у обочины, чтобы нарвать мне цветов, белых маргариток, первых в том году. Их всегда было много у пруда...

Когда они приехали в контору, меня в кабинете не было. Какой-то болван подсказал им, что я внизу. И они пошли меня искать.

Мы с Фрейзером стояли у криокапсулы, наблюдая, как Брауни прилаживает лист металла к обшивке. Крепление, видимо, сдало, и лист толщиной в полтора сантиметра упал с подъемника, перерубив провод сварочного аппарата. Полетели искры, повалил дым – мои девочки шли напрямик в пекло.

Я ринулся им навстречу, замахал руками, закричал, чтобы не приближались. Дочь увидела, что я ей машу, и Мэрион не успела ее задержать – малышка вошла в прямо в дым и стала задыхаться. Я снова закричал, веля ей уходить. Она меня услышала, обернулась и наступила на край пластины, а та была под напряжением.

Я первым бросился к дочке. Подхватил ее, закричал остальным, чтобы вызвали заводского медика, а этот баран, оказалось, уехал в гольф играть. Рядом не было никого, кто бы мог помочь. Дочка не дышала, сердце не билось. Я знал, через пять минут мозг умрет...

Тогда я сделал единственное, что оставалось. У нас уже работала холодильная капсула на жидком азоте. Я отнес

дочь туда и велел Фрейзеру открыть крышку сверху приемной камеры. Он принялся спорить, и я его ударил. Они там все решили, что я спятил. Тогда я сам открыл крышку и вернулся за дочкой. Мэрион держала ее на руках, не желая отпускать. Пришлось отнять ребенка силой. Я отнес дочь к капсуле, сделал укол, завернул и опустил в камеру, закрыл и врубил ток. Окошко закрылось изморозью. Не прошло и минуты, как все закончилось. Я вернулся к остальным. Они схватились за оружие, откуда-то полицейского привели. Я мог бы их всех голыми руками в лоскуты порвать, но понимал: сейчас ошибки недопустимы. Моя дочь лежала в капсуле, замороженная при шести градусах по шкале Кельвина. Однако все пропало бы, не сумей я убедить остальных, что отдаю себе полный отчет.

Я поговорил с ними. Стараясь сохранять спокойствие, объяснил: малышка умерла, и мои действия не сделали ее мертвее. Если ее не трогать, она лишь останется в прежнем своем состоянии. Пострадала она до заморозки, а выяснить, как ей помочь, дело – врачей. И пусть до тех пор она остается в капсуле.

Фрейзер первым все понял и занял мою сторону. Он был без ума был от малышки. Он всех успокоил и вывел копов с предприятия, потом вызвал кучу яйцеголовых из клиники Мейо, а я отправился домой и за неделю уничтожил годовой запас спиртного. Мэрион куда-то запропастилась. Поговаривали, будто я ее крепко поколотил. Впрочем, я думал не о жене, о ребенке.

Обо всем узнала какая-то жадная до сенсаций репортерша, и в меня вцепились газеты. Обвиняли во всем – от убийства до разграбления могил. Закон предписывал похоронить тело в течение двух дней и всякое такое.

Ну, тут я их обыграл: исследовательское крыло находилось в четырех метрах под землей. Свидетели подтвердили,

что девочка не дышала и сердце не билось. Газеты еще несколько месяцев муссировали тему, но в конце концов заткнулись.

Комнату, в которой все произошло, я замуровал. Не хотел больше видеть.

Технологию мы продолжили развивать, и все заработало, как я и предсказывал. Продукты при быстрой заморозке – десять градусов ниже нуля по шкале Кельвина – хранились вечно. Разморозишь – и они свежие, будто только что заготовлены. Даже зелень, латук, картофель... все. За год мы продали больше ста лицензий. Через два прекратили их выдавать и открыли собственные заводы в сорока двух странах. Весь доход, до мелочи, я спускал на исследования. Чем больше мы узнавали, тем быстрее продвигались. Бизнес меня не волновал. Я жаждал только денег и прорыва в области медицины. Работал, словно одержимый, ждал того дня, когда медики дадут зеленый свет.

Но эта свора оказалась ушлой. Через год они сообщили, что на верном пути. Через два – что готовы к прорыву. Через пять заговорили о возможных осложнениях в механике субмолекулярной кристаллизации. Через десять, когда на исследования уходило по сотне миллионов в год, они показывали забавные фокусы с замороженными мышами, кошками, овечками, болтали о критических порогах, отношении масс оптимальной проницаемости, уровнях передачи энергии и прочей научной белиберде, с помощью которой их брат доит лоха.

Когда я потребовал выложить все наработки, они залезили: конечно, мистер Дрейвек, обязательно, мистер Дрейвек, как скажете, мистер Дрейвек... только мы уже ни за что не отвечаем. Что мне оставалось? Я нанимал и увольнял руководителей проекта, как менеджеров бейсбольной команды, но они все кормили меня одной и той же басней:

обождите еще годик, чтобы перестраховаться... Прошло еще пять лет, потом еще пять, за это время «Драко инкорпорейтед» успела стать крупнейшим в мире международным концерном. Мы занимались продуктами питания, лекарствами и сопутствующей техникой. Наши побочные предприятия по размаху превосходили многих промышленных гигантов. Правительство раз десять пыталось разрушить нас, но я к тому времени раскопал кое-что любопытное о наших политиках: их легко купить, и обходятся они до смешного дешево. А для больших шишек – тех, для кого деньги пыль, – мы нашли кое-что иное. Мои костоправы не просто таблетки бодяжили: они изобрели уловки, благодаря которым человек выглядит и ощущает себя на двадцать лет моложе. «Драко фаундейшн» вплотную занималась пересадками и регенерацией тканей. Правда, мы держали их под спудом. Технологии оставались тайной, только для своих. Кстати, врагов почти не осталось, и нас не тревожили. Я ждал, а медики по-прежнему говорили о прорыве через год, потом просили выждать еще несколько месяцев...

Видишь ли, к тому времени мы овладели технологией глубокой заморозки и разморозки. Черт, да мы ее на поток поставили. Правда, процесс проходил под строгим контролем, в лабораторных условиях. Учитывали все, на каждом этапе: от процента соли в тканях до остаточного электрического заряда в мышцах.

Однако когда я замораживал дочку, у меня не было времени на все эти штуки-дрюки: я лишь вколол ей препарат, предотвращающий кристаллизацию, которым мы пользовались при заморозке овощей. Это-то и давало медикам повод для отсрочек. А ведь они именно тянули резину. Сообразили, что едва я заполучу дочурку, как сразу выкину их вон. Глупцы чертовы! Стал бы я саботировать программу, сделавшую меня богатейшим магнатом из когда-либо живших,

в моей власти было, при желании, утвердить Верховный суд, черт возьми!

И вот они тянули время, а я старел. Шел две тысячи третий год, мне уже перевалило за шестой десяток, хотя я и выглядел моложе. Мои фармацевты придумали кое-какие уловки против старения, однако я не мог жить вечно. А ведь был еще совет директоров, каждый из которых спал и видел, как бы занять мое место. Я знал, что если умру, моя дочь уже не вернется. Ее так и оставят в капсуле. Видишь ли, она была моей наследницей. Живая, она получила бы все и разбила директорам их мечты. Надо было что-то предпринять. Придумать план, который действовал бы и после моей смерти, чтобы однажды моя дочь вернулась и получила свое наследство.

Я составил план, потом другой, но все они были плохи, ни один не был совершенен. Не оставалось человека, которому я мог бы довериться. Один Фрейзер мог исполнить мою волю, но и он пережил бы меня ненадолго. В общем, довериться я мог лишь самому себе. И тут мне в голову пришла мысль.

Я вызвал главу исследовательского отдела и объяснил, чего хочу. Он назвал меня безумцем, а я ответил: вы правы, док, но это в ваших силах? Он долго ходил вокруг да около, но в конце концов признал, что в принципе план осуществим. Может, только слегка незакончен. У нас были терки с группой фанатиков, пришлось принять пакет символических законов, однако, в целом, это было не сложнее, чем ублажить кого-нибудь из кумов в Конгрессе.

Все шло довольно просто. Мы к тому времени уже давно выращивали скот из пробирки. Завод в Аризоне занимал территорию десять акров и в год производил говядины больше, чем Техас когда-то за десять. Взяв у меня половые клетки, медики поколдовали с ними, затем поместили в ав-

томатизированные капсулы жизнеобеспечения, вроде инкубатора, только позаковыристее. Фрейзеру я поручил найти места для схронов из неотслеживаемого безметаллового материала. Их расположение запретил сообщать даже мне.

Первая копия должна была созреть до двадцати лет. Именно столько я и рассчитывал еще протянуть. Намеревался сам всему научить преемника, передать дела, чтобы остальные потом чесали в затылках и удивлялись, как это Старик так хорошо держится. Когда же время Первого истечет, явится следующий – и так далее, пока медики не будут готовы разморозить мою девочку. Время они могли тянуть долго, но не бесконечно. А вот когда перестанут, я буду тут как тут.

Человек глубоко вздохнул и посмотрел на меня.

– На этом заканчивается моя пленка. Я очнулся в заброшенной шахте, в Юте. Капсулу спрятали в боковом проходе и закрыли. Меня ждали еда и информация, полные сведения до последнего обновления, сделанного Фрейзером в две тысячи двадцатом. Остальное пришлось восстанавливать по записям Старика.

План, который он разработал, был хорош, практически идеален. Одна загвоздка: однажды его срочно вызвали в лабораторию. Сообщили, что все отменяется: случился перебой в подаче питания, и капсула с дочерью разморозилась. Когда неисправность обнаружили, прошло уже несколько часов. Дана превратилась в обычный труп. Внешне не изменилась, но та искорка жизни, которую в ней сохраняли все эти годы, или пытались сохранить, угасла.

Для Старика это стало ударом, хоть и не таким сильным, как в первый раз. Прошло больше тридцати лет, он научился с этим жить. Когда-то дочь была для него всем.

Ночами он лежал без сна и слышал в памяти ее голос, вспоминал ее личико, когда она бежала к нему, встречая

с работы. Но то были просто воспоминания — обрывки сказки, в которой он давным-давно жил и которую утратил.

Он велел Фрейзеру, чтобы тело забальзамировали и погребли, но сам Фрейзер к тому времени слегка помешался на этой теме. Врачам не поверил, велел продолжить разморозку, а когда Старик не согласился, сказал ему такое, за что любого другого тот убил бы. Потом Фрейзер ушел.

Старик не отменил похороны, но когда склеп должны были замуровать, он велел открыть гроб. Ящик оказался пуст. Ну, или почти пуст. Внутри лежала миниатюрная модель какого-то индийского храма, отлитая из золота. Возможно, Фрейзер посчитал это смешным. Некогда он был хорошим человеком, однако тоже постарел. Старик его искал, но не нашел. У Фрейзера имелись собственные планы. Тот тип еще оказался. Миллиардер сам по себе, умел замести следы.

Старик прекратил охоту на него, ведь Фрейзер долгие годы был ему верным другом. Жаль, что под конец слетел с катушек, но Старик у оставалось отпустить его и забыть. Что до трупа дочери... теперь это было просто тело. Со временем и Фрейзер это поймет, похоронит его, и все закончится.

А тем временем оставалось еще одно дельце, и Старик был только рад отвлечься. Слишком долго он жил прошлым, хватаясь за мечту, давно уже погибшую. Зато теперь все силы можно было бросить на решение задач.

Его пищевая империя превратилась в хвост, пытавшийся вилять собакой. По-настоящему важными стали побочные предприятия. Методики омоложения, благодаря которым человек выглядел мальчиком и в девяносто лет; искусственные органы, запатентованные Стариком... кое-что, кстати, он и не запатентовал. Не хотел, чтобы информация просочилась вовне. Вот где был источник денег — и власти.

Закрутилось и понеслось. Старик уже руководил Соединенными Штатами. Протянул руку вовне и захватил французский парламент, скандинавский, большую часть Южной Америки, Африки и Юго-Восточной Азии. Переименовал компанию и реорганизовал так, что бразды правления перешли от совета директоров тому, кому полагалось, – ему.

– Говоришь, компанию переименовал? – Ответ я знал, но хотел услышать от него.

– «Драко» – название, подходящее для продуктовой фирмочки, – сказал он. – Когда же предприятие разрослось и вторглось в сферу наук о жизни, Старик решил, что нужен размах побольше. Назвал компанию «Вечность инкорпорейтед».

– Более известную как «ВЕЧИНКОРП».

Человек кивнул.

– Он все держал в руках, но в один день его пришли убить.

План, по которому воля Старика должна была осуществиться даже после его смерти, заработал с точностью до наоборот. Спасибо Фрейзеру. Это он все устраивал, ведь лишь ему доверял Старик. Фрейзер вырастил в капсуле жизнеобеспечения первую копию и проинструктировал ее, велел убить Старика. Умно придумано. Кому еще хватит крутизны убить Дрейвека... как не самому Дрейвеку?

Но задумка не сработала. Дрейвек Второй отыскал Старика, но тот оказался слишком хитер. Выстрелил первым. Тело бросил там, где его точно нашли бы, передал таким образом послание Фрейзеру.

Однако Фрейзер оказался упрям. Прошло восемнадцать лет, и явился второй убийца. Его постигла участь предшественника, и на сей раз Старик решил, что с Фрейзером пора кончать. Потратил три года и миллиард долларов, но отыскал. Из-за оплошности медиков из Фрейзера удалось

вытянуть лишь одно: каждый схрон, открываясь, посылает сигнал. Других подробностей Старик не получил.

Правда, к приходу Третьего подготовился. Старику тогда перевалило за сотню, и, хотя сил хватало с избытком, время его было на исходе. Старик хотел оставить преемника, и вот, когда появился Третий, он вырубил его транквилизатором, а когда двойник очнулся, рассказал все. Принял и воспитал как сына.

Прошло несколько месяцев. Старик умер во сне, а Третий принял его дела.

Однако жернова мельницы вращались. Двадцать лет спустя явился Четвертый, и произошла трагедия: Третий погиб. А потом пришел я.

Четвертый оказался жадноват. Даже не думал говорить со мной, сразу за пушку схватился. Но моя рука оказалась тверже.

Довольно долго все было тихо. Случались неприятности, но то, что однажды проделал Дрейвек Первый, мог повторить и Дрейвек Пятый. Я догадывался, что однажды придет Шестой, лет двадцать назад, но он так и не явился, и я подумал, что Дрейвеки закончились. И вот пришел ты.

— Что, по-твоему, будет дальше?

— Я не такой скопидом, как Четвертый. И, как когда-то Старик, я приближаюсь к своему порогу. Пора подумать о наследнике. Сына у меня нет.

— Говори прямее.

— Богатства хватит на нас двоих. В некотором смысле, у тебя на него прав не меньше, чем у меня. Оставайся, подели его со мной. Раздели со мной весь мир, Стив, и все, что прилагается...

Он наклонился ко мне, и взгляд его сделался чуть живее, а улыбка на губах — искренней.

— Мне многое предстоит показать тебе, Стив, многое

рассказать... — Его рука скользнула к маленькому столику поблизости, нырнула в тайник под ним, но я вскинул пистолет и выстрелил ему в грудь.

Пуля выбросила Старика из кресла. Я подскочил, готовый еще раз нажать на спуск, но одного взгляда на его лицо хватило, чтобы понять: наверняка мертв. Из раскрывшейся ладони на ковер выпал небольшой портрет в серебряной оправе. Рукав халата задрался почти до локтя, и я увидел тонкий белый шрам вокруг предплечья, сантиметрах в пятнадцати выше запястья.

— Чью руку ты украл, Старик? — выдавил я из себя. — Второго? Что, трансплантологи в те дни шили неаккуратно?

Тут он слегка повернул голову и взглядом отыскал меня.
— За что?..

Нагнувшись, я подобрал портрет.

— Я думал, ты за пушкой тянешься. Все равно этим бы закончилось.

Словно тень от тучи по ниве, по его лицу скользнул лучик света.

— Мертва, — выдохнул он. — Мертва... давным... давно...

— Она жива, Старик.

Он смотрел мне в глаза, отказываясь умирать.

— Зачем ты так, Старик? — просил я. — Раскрыл секрет бессмертия и испугался, что живой наследник займет твое место?

Он попытался ответить, но не смог. Попробовал еще раз:

— Искал... все эти годы... не нашел...

— Все же Фрейзер тебя переплюнул. Ты правил миром, но в конце концов он отнял у тебя его. Интересно, что твои ребята сделали с ним, чтобы разговорить... но он держался. Был верен тебе, Старик, даже после того, как ты сам предал себя.

Его лицо превратилось в маску из старой слоновой кости, пропитанной танином. Губы пошевелились, и я нагнулся, желая расслышать:

– Передай... Дане... привет...

Даже когда взгляд его погас, он все еще смотрел на меня, молча требуя обещания.

– Конечно, передам.

Эпилог

Дану достали из пещеры, в которой Фрейзер ее спрятал, и двое суток лучшие умы «ВЕЧИНКОРПа» в области криостезии трудились над ней. Наконец меня вызвали. Дана открыла глаза и при виде меня произнесла:

– Папочка, я тебе цветов нарвала.

Это было двадцать лет назад. Дана выросла и отправилась на Марс в составе первой экспедиции. Программы, что были заморожены на полтора века, снова запущены. Нас толкает вперед непреодолимая логика природного процесса – перенаселение.

Препарат бессмертия я передал бесплатно для общего пользования, и в тот же день открыл двери Ледяного дворца и выпустил старейших. Пошли разговоры, мол, следует заново собрать Конгресс и вернуть власть в стране политикам, но у меня есть мнение – мир к этому пока еще не готов. Я установил новую систему образования, и обучающие записи теперь доступны всем – бери не хочу. Настанет день, и наша раса воспрянет. Появятся по-настоящему умные, а не ушлые, люди. И когда это время придет, я отойду от дел и рвану на Альфу. Не знаю даже, высокомерен я или просто очень ответственный. Разницу порой не уловить.

Старик вел записи, и в них я отыскивал ответы на многие мучившие меня вопросы. Скелет в шахте принадлежал Ше-

стому. Его подстрелили, но он сумел сбежать через фальшивый воздухоотвод в аппаратной на верхнем этаже. Хотя с виду шахта казалась узенькой. Шестой по пути к выходу убил часовых, и никто не видел, куда он делся. Так его секрет и сохранился.

Путь в свою твердыню Старик не перекрыл по простой причине: он его так и не отыскал. Фрейзер хорошо спрятал тоннель.

В подвале под заводом мы с Джессом, оказывается, нашли труп Второго. Старик убил парнишку и оставил в качестве предупреждения следующему двойнику. К тому времени он уже поддался тревоге. Потом у него родилась другая идея: он всерьез намеревался взять меня в долю. Чтобы кто-нибудь бдел, пока его мозг пересаживают в новое молодое, никому неизвестное тело, а после он вернулся бы к радости мирового господства.

Я перевез Минку в Башню и женился на ней. Они с Даной прекрасно поладили, иначе и быть не могло, ведь Минка – праправнучка Мэрион. Получается, что Дана ей двоюродная бабка. Минка рассказала о Джессе и его тайном обществе. Короткая вышла история – после четырех поколений устной передачи. Большую часть ее подзабыли, ведь Фрейзер не горел желанием оставлять наследникам груз окаменелой ненависти. Зато поручил бороться с «ВЕЧИНКОРПом» любыми средствами. В задачу Джесса входило охотиться на черных в парке. Этот коротышка и впрямь был полон сюрпризов.

Но одна загадка не давала покоя: как Фрейзер смог опередить босса и перепрятать тело девочки? В конце концов я разгадал ее: в начале, еще когда Старик не отличался долгожительством, он создал корпорацию, которая – после его смерти – стала бы наследницей от имени Даны (до тех пор, пока ту не оживят). Старик использовал все связи и силы,

чтобы сделать корпорацию неуязвимой, чтобы во главе ее встали самые умные люди, каких удалось бы купить.

Идея казалась неплохой, пока медики не доложили, что удалось раскрыть Великую Тайну и теперь избранные могут жить бесконечно – пока жив «ВЕЧИНКОРП». Это меняло все в корне. Больше Старик в наследниках не нуждался.

К тому времени в стенах организации началась борьба за власть, по сравнению с которой грызня между последователями Александра Великого покажется дракой на подушках. Такой расклад – да еще при живой Дане – позволял противникам сожрать Старика со всеми его морозильниками и захватить «ВЕЧИНКОРП». Старик решил: дудки, а Фрейзер в конце концов понял: босс недолго станет мириться с Дамокловым мечом в виде дочери в ледяном саркофаге и рано или поздно сам вырубит питание капсулы. Фрейзер инсценировал неполадки в сети, похороны, а Дану забрал в безопасное место. Старик и правда поверил в смерть дочери.

Ах да, еще кое-что: вчера прозвенел звонок; сигнал поступил на пульт в рубке. Она дальше по коридору от моей спальни, и в ней дежурят круглые сутки. Восьмой пробудился и идет. Я отправил на его поиски людей, но он, похоже, неуловим.

И вот я жду. Когда появится, постараюсь убедить его, что занимаюсь правым делом. А не смогу – что ж, на моей стороне сила, хотя двадцатилетний Стив Дрейвек был орешек крепкий.

Поживем – увидим.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Запредельный человек	5
За день до вечности	219

Литературно-художественное издание

Кейт Лаумер
ЗАПРЕДЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК
Фантастика

НЕ ДЛЯ ПРОДАЖИ

Подписано в печать 01.04.14. Формат 70 x 108 1/32.
Бумага типографская. Печать цифровая. Гарнитура Тип Таймс.
Усл.-печ. л. 14,08. Тираж 20 экз. Заказ № 221-223.

Издательство «Бригантина»
07500, г. Ясноград, ул. Р. Сикорски, 17.

Отпечатано в типографии Института Нечистых Наук
01230, г. Орлиноозерск, ул. Придубравная, 18.

Зарубежная

фантастика

Ясноград «Бригантина»